

REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в 1999 году

2019. Том 12, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Современный бихевиоризм

- Ульман Дж. Д.* Радикальный бихевиоризм против прагматизма 5
Леду С. Ф. О ценностях, правах, этике, морали и верованиях 30

Психологический инструментарий

- Фёдоров А. А.* Внутренняя структура и конструктивная валидность
русскоязычной версии шкалы отношения к реальности 65

Психологические исследования

- Баум Д. Е., Сарычева Ю. В., Доронина К. С.* Взаимосвязь эмоци-
онально-личностных особенностей и субъективной оценки
нарушений сна 80
Злобина М. В. Взаимосвязь толерантности и интолерантности
к неопределенности и черт Большой пятерки 91

Аутизм: теория и исследования

- Дорошева Е. А.* Модели формирования РАС: возможен ли диалог? 115

Краткие сообщения

- Бадиев И. В.* К вопросу о предмете психологии морали 133
Сведения об авторах 141
Информация для авторов 142

REFLEXIO

Scientific journal

Founded in November of 1999

2019. Volume 12, issue 1

CONTENTS

Contemporary behaviorism

- Ulman J. D.* Radical Behaviorism versus Pragmatism 5
Ledoux S. F. On Attitudes, Values, Rights, Ethics, Morals, and Belief 30

Psychological Instruments

- Fedorov A. A.* The Internal Structure and Construct Validity of the Russian-Language Version of the Attitudes about Reality Scale 65

Psychological Research

- Baum D. E., Sarycheva Y. V., Doronina K. S.* Relations of Emotional and Personal Features and Subjective Assessment of Sleep Disorders 80
Zlobina M. V. The Relationship between Tolerance and Intolerance of Ambiguity and Big Five Personality Traits 91

Autism: Theory and Research

- Dorosheva E. A.* The Models Describing ASD Formation: Whether Dialogue is Possible? 115

Short communications

- Badiev I. V.* On the Subject Matter of Moral Psychology 133
Details of Authors 141
Instructions for Authors 142

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-5-29

Дж. Д. Ульман

*Ball State University
Muncie, IN 47306, United States of America*

ulman2@bsu.edu

РАДИКАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ ПРОТИВ ПРАГМАТИЗМА

Некоторые бихевиористы рассматривают позитивизм как отжившую научную философию и выступают в поддержку прагматизма или вытекающего из него контекстуализма как подходящего философского мировоззрения для изучения поведения. Я утверждаю, что прагматизм так же ошибочен, как и позитивизм, и, в сущности, по той же причине: они оба имеют один источник происхождения – британский эмпиризм. Я различаю опытный подход и эмпиризм. Первый представляет собой индуктивный экспериментальный подход, начало которому положил Френсис Бэкон (1561–1626), и его примером является работа Б. Ф. Скиннера. Второй – это сомнительная эпистемология, основанная Джоном Локком (1632–1708), ведущая к неясности и неопределенности по поводу связи между ощущениями и материальной реальности, а в итоге и к распространению менталистских / когнитивных конструкторов, которые появляются в современной бихевиористской литературе. Я также анализирую амбивалентную роль философии науки Эрнста Маха, которая, с одной стороны, значительно повлияла на таких знаменитых ученых, как Эйнштейн и Скиннер, а с другой, произвела противоположный эффект, способствуя становлению позитивизма как философской школы. Наконец, я доказываю, что термин «радикальный бихевиоризм» следует заменить термином «бихевиоральный материализм», обозначающим научную философию, лежащую в основе бихевиорологии, философию, которая согласуется с научным материализмом, а не прагматизмом или контекстуализмом.

Ключевые слова: бихевиорология, бихевиоральный материализм, контекстуализм, материализм, позитивизм, прагматизм, радикальный бихевиоризм.

На первый взгляд споры о конкурирующих философских взглядах могут показаться далекими от проведения бихевиорологических

Ульман Дж. Д. Радикальный бихевиоризм против прагматизма // *Reflexio*. 2019. Т. 12, № 1. С. 5–29.

исследований. Но эти вопросы имеют прямое отношение к тому, что мы думаем о нашем предмете изучения, контингентных связях между действиями и другими событиями. Итак, с бихевиорологической точки зрения, где мы должны начать такую философскую оценку? Путеводную нить дает Скиннер. В своей работе «О бихевиоризме» (1974) он обсуждает различные «измы» с точки зрения поведения «знания». Он утверждает, что философия или другие области знания

объясняют некоторые крупномасштабные паттерны поведения, характерные для людей, класса, периода или культуры. Говорят, что человек действует или говорит некоторым образом, потому что он прагматик ... или бихевиорист. Термины такого рода классифицируют поведение, имеющее конкретные последствия при определенных условиях. Противоречия, такие как противоречия между эмпиризмом и рационализмом [или, мы могли бы добавить, между радикальным бихевиоризмом и прагматизмом. – Дж. Ульман], есть противоречия между контингенциями, и если история идей, кажется, показывает развитие человеческой мысли ... это происходит потому, что практики, связанные с одним из «измов», в конечном итоге приводят к возникновению условий, при которых генерируется и в течение некоторого времени поддерживается иной паттерн поведения [Skinner, 1974. P. 146–147].

Таким образом, в этом обсуждении «измов» мы можем думать о них как о классах поведения, имеющих конкретные последствия при определенных условиях. Перейдем к «измам».

Радикальный бихевиоризм интерпретируется настолько разнообразными способами, что они стали несовместимы друг с другом. И теперь возникает вопрос: существуют ли различные виды радикального бихевиоризма? Бихевиорологи должны проанализировать эту ситуацию и уточнить, что именно мы имеем в виду, когда используем данный термин. Мы не можем избежать решения философских вопросов, которые возникают при проведении бихевиорологического исследования. Тем не менее мы должны избегать того, чтобы решать их бессистемно, не пользуясь преимуществами, которые дает согласованный комплекс философских принципов. Мое предложение заключается в том, чтобы философское основание бихевиорологии более не обозначалось как «радикальный бихевиоризм», и, следовательно, нам больше не должно заботиться, как другие определяют этот термин. Поскольку Международное общество бихевиорологии не обладает авторскими правами на использование понятий, пусть другие говорят все, что хотят о радикальном бихевиоризме. Я предлагаю вместо это-

го использовать термин «бихевиоральный материализм», тщательно объяснив, что он означает.

Таким образом, я подхожу к названию статьи: «Радикальный бихевиоризм против прагматизма». Мое исследование различных интерпретаций радикального бихевиоризма показало, что наибольшее расхождение между моим пониманием этого термина, которое основывается преимущественно на чтении работ Б. Ф. Скиннера (и которое уместно назвать классическим радикальным бихевиоризмом), и другими интерпретациями связано с теми, кто описывает себя как бихевиоральных психологов, а свою философскую ориентацию как контекстуализм. Один из таких авторов, обращаясь к сути вопроса, утверждает, что «контекстуализм является, в сущности, синонимом радикального бихевиоризма, термина, который может вводить в заблуждение. Скиннеру может нравиться или не нравиться такое отождествление, но оно вытекает логически» [Jacobson, 1997. P. 439]. Другой автор утверждает, что контекстуализм «был буквально рожден прагматизмом Джемса, Пирса, Дьюи и Мида. Действительно, контекстуализм есть современное воплощение философского прагматизма» [Morris, 1993. P. 148]. Таким образом, можно заключить, что поскольку контекстуализм представляет собой современную форму прагматизма и является синонимом радикального бихевиоризма, то и прагматизм также синонимичен с радикальным бихевиоризмом.

Материализм

Я придерживаюсь противоположного взгляда. Если мы согласимся с тем, что философией, лежащей в основе бихевиорологии, является бихевиоральный материализм, а не радикальный бихевиоризм, а также с тем, что бихевиорология является исключительно естественной и, следовательно, материалистической наукой, то все терминологические проблемы, связанные с существованием различных типов радикального бихевиоризма, исчезают. Будучи материалистической философией, бихевиоральный материализм не может одновременно быть прагматической философией, поскольку, как вскоре будет показано, прагматизм занимает агностическую позицию по отношению к философскому идеализму; а материализм и идеализм, подобно маслу и воде, не могут смешиваться. Коротко говоря, не соглашаясь с тем, что существуют противоположные или несовместимые формы радикального бихевиоризма – в частности, материалистические и контекстуалистские или прагматистские, или любые другие, – мы приходим

к выводу, что существует только одна научная философия бихевиорологии, и это бихевиоральный материализм. И точка!

Здесь нужно ответить на несколько важных вопросов. Во-первых, что именно из себя представляет материализм? Во-вторых, существуют ли различные формы материализма? А если да, то о какой форме мы здесь говорим? Согласно словарной статье «Материализм» в «Краткой энциклопедии западной философии и философов»,

философский материализм – это теория о том, что все существующее материально или полностью зависит в своем существовании от материи. Эта теория включает (а) общий метафизический [то есть онтологический] тезис, что есть только один фундаментальный вид реальности и он материален, и (b) более специфический тезис, согласно которому люди и другие живые существа – это не дуалистические создания, состоящие из материальных тел и нематериальных душ, а создания, которые по своей сути телесны [Action, 1989. P. 194].

Здесь было бы полезно всестороннее рассмотрение философского материализма, но оно выходит далеко за рамки данной статьи. Как бы то ни было, для наших непосредственных целей определения, которое дал Эшн, должно быть достаточно. Практически все материалисты согласны с утверждением, что материальный мир существует независимо от нашего мышления и нашего языка. С другой стороны, для философов-идеалистов основным элементом реальности является не материя, а разум или дух. Позади или пред материальным миром таится дух или разум, его создавший. Он и есть незыблемая реальность, а материя – не более чем преходящий этап или иллюзия. Идеализм допускает возможность сверхъестественного вмешательства. Таким образом, фундаментальные положения материализма и идеализма совершенно противоположны друг другу [Novack, 1965].

В современной западной философии существует два основных типа материализма – физикализм и диалектический материализм, первый берет начало в движении логического позитивизма, а второй – в марксизме. Их, однако, часто изображают таким образом, что оба типа материализма могут выглядеть проблематично. Будучи развитием логического позитивизма, физикализм ограничен своей основной целью, заключающейся в сведении всего к физике. С другой стороны, диалектический материализм, особенно среди западных философов-марксистов (например, представителей франкфуртской школы), часто выражается посредством смутного неогегельянского

языка и интерпретируется скорее рационалистически и квазиидеалистически, нежели материалистически. Более того, в обоих видах материализма предполагается, что люди имеют сознание (*mind*), хотя оно никогда не понимается иначе, чем полностью зависящее в своем существовании от материи. Цель этой статьи не требует дальнейшего обсуждения этих различий. Суть заключается в том, что можно без противоречий быть одновременно материалистом и менталистом, опираясь на утверждение, что психическая активность или «сознание» полностью зависят от материи, особенно мозга.

Позвольте мне в этом месте предложить некоторую терминологию. В качестве общего ярлыка, мы можем называть общую материалистическую позицию *современным материализмом*, но этот термин несет в себе недостаток, заключающийся в том, что он связан с современными философскими спорами по поводу соотношения ментального и материального. Материалистическая ориентация среди ученых, занимающихся естественными науками, может быть названа научным материализмом; среди исследователей в области наук о жизни (биологических, поведенческих и социокультурных) – *селекционистским материализмом*, а среди собственно бихевиорологов – *бихевиоральным материализмом*. Этот последний тип материализма избегает проблем, связанных с ментализмом и агентизмом. Кроме того, бихевиоральный материализм принимает отбор по последствиям [Skinner, 1981] как каузальную модель (в марксистских терминах, диалектический закон) для всех жизненных процессов – биологических, поведенческих и социокультурных, а также согласуется с другими формами научного материализма, например, материалистической интерпретацией субатомной физики (при всем уважении к ее мистической и идеалистической трактовке, см., например: [Сарга, 1976]). Возможно, этого краткого описания материализма будет достаточно для того, чтобы перейти к центральному вопросу: если бихевиоральный материализм, как дальнейшее развитие классического (скиннеровского) радикального бихевиоризма, представляет собой материалистическую философию науки, то чем он отличается от прагматического взгляда, также связанного с радикальным бихевиоризмом (например, контекстуализм)?

Эволюция эмпиризма

Чтобы понять природу несовместимости прагматизма и материализма, следует рассмотреть развитие научного мышления в контексте

истории западной философии. Мой краткий обзор довольно близко следует лаконичному тексту Джорджа Новака [1971], который является последовательной материалистической критикой эмпиризма с позиций марксизма (пусть и менталистского материализма в том понимании, что было изложено выше).

Основной темой, пронизывающей западную философию со времен древнегреческих философов до наших дней, является идеологический спор между идеализмом и материализмом. Некоторое время назад я представил статью, в которой проследил истоки нашей науки [бихевиорологии] до древнегреческих материалистов [Ulman, 1992]. Здесь я начну с конца Средних веков и начала промышленной революции, периода, подготовившего почву для возникновения и развития эмпиризма.

Сэр Фрэнсис Бэкон (1561–1626) считается как отцом британского материализма, так и дедом эмпиризма. Термин «эмпиризм» имеет двойное значение, что важно учитывать: основанный на здравом смысле способ мышления о мире и специфический тип философствования. Некоторые ранние философы считали, что человеческое знание должно опираться на чувственный опыт, но они не делали своим главным принципом происхождение знания из чувственного опыта. Другими словами, можно считать, что они ориентировались на опытный подход, но не были эмпириками в философском понимании.

Подъем капитализма и промышленная революция дали импульс развитию современного естествознания, а вместе с тем – и возникновению эмпиризма, взгляда, направленного непосредственно против схоластического идеализма Церкви, который доминировал в Европе в эпоху феодализма. Эмпиризм заменил это устаревшее мировоззрение новыми научными идеями и методами. Как отмечает Новак,

показав, что наши идеи происходят из опыта посредством ощущений, уточненных впоследствии размышлениями, а также распространив принцип объяснения на многие области знания, классический эмпиризм внес весомый вклад в человеческое понимание... Эмпирические методы в науке – сбор, наблюдение и сравнение данных; экспериментирование, направленное на выяснение того, можно ли повлиять объекты и изменить их технологическими средствами; подсчет и измерение; поиск закономерностей в отдельных элементах опыта – все это достижения, выдержавшие проверку временем [Novack, 1971. P. 10–11].

Он затем добавляет крайне важное замечание, что эти достижения «не тождественны философии эмпиризма» [Ibid. P. 11]. Это момент, имеющий особую значимость: эмпиризм как отдельная философская школа стал агностическим в отношении борьбы между материализмом и идеализмом. Более того, позитивизм, а затем и прагматизм (и, следовательно, контекстуализм) – все это прямые потомки этой агностической школы философской мысли.

Итак, чем опытный, эмпирический подход отличается от философии эмпиризма? Эмпирическая философия со временем пришла к тому, что ее основанием стали определенные метафизические допущения, которые оказались противоположны целям естествознания. Чтобы понять, как произошло это изменение, нам следует рассмотреть социально-экономический контекст того времени. Религия как институт в общем и целом всегда служила интересам правящей элиты. В современном капиталистическом обществе эта роль присуща религиозным учреждениям в той же мере, что и в феодальном. Направленные на поддержание и защиту привилегированной позиции, требования, предъявляемые крошечным, но могущественным классом собственников в капиталистическом обществе, имеют двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, капитализм требует развития эффективного научно-технического потенциала, чтобы увеличивать производство и прибыль. С другой стороны, он требует согласия людей, занятых на производстве. Обещая народным массам за послушание лучшую жизнь на том свете или вечное проклятие за неподчинение, религиозные институты служат интересам тех, в чьих руках сосредоточена власть. Но этот новый капиталистический класс не мог просто использовать официальную церковь Средневековья, поскольку идеологическое основание феодального общества базируется на таких метафизических допущениях, как божественная власть королей. Вместо этого потребовались новые религиозные институты с новой идеологией, что и привело к подъему утилитарного протестантизма.

Таким образом, философы-эмпирики столкнулись с противоречивыми требованиями, с одной стороны, развития философии, которая продвигала бы науку, с другой, примирения науки с метафизическими постулатами новых религиозных доктрин. Эти философы не были непорядочными или лживыми. Они просто пытались найти разумные компромиссы в социально-культурном климате своего времени.

Бэкон отделил теологию от естественных наук, утверждая, что никто не может познать природу Бога посредством разума или чувств,

это возможно только через откровение. Этим он продвинул материалистическую концепцию природы, позволив Богу лишь создать ее, но не вмешиваться после этого в ее причинно-следственный порядок. Бэкон также развивал эмпирические методы. Он был непоколебимым материалистом, но не эмпириком (Скиннер, как мы знаем, испытал сильное влияние научной методологии Бэкона [Skinner, 1984; Smith, 1986; 1995]).

Основателем эмпирической школы философии стал Джон Локк (1632–1704). Эмпиризм – это не мировоззрение само по себе, равно как и не онтология (теория бытия). Эмпирики, скорее, сосредотачиваются на способах и средствах получения знаний о мире, т. е. эпистемологии. Британские эмпирики пытались ассимилировать великие научные открытия промышленной революции, придерживаясь при этом точки зрения, согласно которой научное знание не может выйти за пределы чувственного познания. «Основной принцип эмпиризма состоит в том, что все знание основано на чувственном опыте» [Novack, 1971. P. 20]. Этот взгляд отрицается сторонниками идеалистической философии, например, Платоном, который утверждал, что некоторые, если не все, наши идеи имеют нематериальное происхождение, приводя в качестве примера математику. Эмпирики начинают с утверждения, что все знание основано на опыте, но они не дают ясных ответов на два вопроса: «(а) что является источником этого опыта? и (б) чем являются вещи, о которых сообщает нам опыт?» [Ibid. P. 23]. Иными словами, что есть «то», что вызывает наши ощущения? Эмпирики никогда не давали ясного ответа на этот важнейший вопрос. И именно здесь они резко расходятся с материалистами. Материалист дает совершенно четкий ответ: внешний, независимо существующий материальный мир производит наши ощущения. С эмпириками же нет уверенности, то ли (а) наши чувственные данные о мире исходят из внешней реальности, то ли (б) наши чувственные данные замкнуты на себя и не имеют неотъемлемой связи с внешним миром. Эта неопределенность (агностицизм) лежит в основе эмпирической философии и открывает возможности для идеалистических выводов (точно так же, как методологический бихевиоризм открывает возможность для менталистских умозаключений).

Например, в одном месте Локк полагает, что существует согласованность между нашими идеями и вещной реальностью, и это твердая материалистическая позиция. В другом же он говорит, что знание, выведенное из ощущений, уступает в определенности и ясности знанию, полученному посредством интуиции: «мы интуитивно знаем,

что есть дух, душа и Бог, но у нас нет ясной идеи о материальной субстанции. Последняя “есть просто то, о чем мы не знаем, что это такое”» (цит. по: [Novack, 1971. P. 24]). Эта «не знаем, что это такое» позиция подготовила почву для Кантовской непознаваемой «вещи-в-себе» и возникновению агностицизма в XIX в., который затем был ассимилирован позитивизмом и прагматизмом (и, следовательно, контекстуализмом) в XX в.

Джордж Беркли (1683–1753) превратил эмпиризм в исключительно идеалистическую философию, отрицая независимость реальности материального мира и его воздействие на нас. Он развил взгляд Локка, согласно которому мы не воспринимаем напрямую объекты физического мира, они, скорее, выводятся из наших впечатлений. Следует напомнить, что Локк, пусть он в этом вопросе и был непоследователен, не сомневался, что такие умозаключения могут дать надежное, пусть и ограниченное знание об объективной реальности. Беркли, напротив, полностью и последовательно отрицал то, что независимый материальный мир существует. Вещи существуют исключительно в восприятии; и когда нет никого, кто бы их воспринимал, они существуют в разуме Бога, который и дает нам эти представления. Таким образом,

Беркли перевернул эмпиризм с ног на голову, изгнав из него последние следы материализма. Тогда как Бэкон и Гоббс рассматривали субстанцию, тело или природу как первопричину наших ощущений, идей и знаний, Беркли их конечным автором сделал Бога [Novack, 1971. P. 60].

Коротко говоря, Беркли, защищая религию божественного откровения, превратил эмпирическую эпистемологию в оружие для нападения на такие характеристики философии Локка, которые поддерживали материализм, скептицизм и атеизм.

Позднее философ-скептик Дэвид Юм (1711–1776) обнаружил в идеализме Беркли ряд недостатков. Он задал вопрос: если у нас есть впечатления о постоянных субстанциях, что является их источником? Его ответ заключался в том, что невозможно решить, происходят ли они от внешних объектов или от Бога. Более того, наши чувственные впечатления не дают никаких доказательств того, что одно событие с необходимостью связано с другим, что одна вещь является причиной, а другая – следствием. В итоге скептицизм Юма пришел к солипсизму, взгляду, согласно которому не существует ничего, кроме отдельного индивида в отдельный момент времени. Он не отрицал,

что наши убеждения о материальных объектах, причинности и пр. полезны и даже неизбежны, но настаивал на том, что они являются исключительно продуктом психологических ассоциаций.

Давайте на некоторое время прервемся, чтобы обсудить, какое отношение история эмпиризма от Локка до Юма имеет к теме данной статьи – бихевиорального материализма и прагматизма. Критицизм Юма стал главным поворотным пунктом в эволюции западной философии. Он вскрыл врожденные недостатки эмпирической теории познания и заставил последующих философов серьезно заняться вопросом о том, как опыт может обеспечить истинное знание. «Скептицизм Юма заложил основы феноменализма, позитивизма, эмпириокритицизма, прагматизма и прочих похожих вариаций эмпирической (т. е. эмпирицистской) доктрины, возникших в XIX и XX вв.» [Novack, 1971. P. 70].

Рассматривая идеи как правила для действий, приспособленных к условиям жизни, Юм заложил основу для развития прагматической концепции познания, появившейся в XX в. Говоря точнее, вместо традиционного материалистского взгляда на истину как на соответствие наших идей независимой реальности, Юм, отринув любой объективный базис для наших идей, полагал, что истиной является то, что помогает нам справиться с повседневной жизнью. Этим он практически на полтора столетия предвосхитил прагматический критерий истины. В целом, Юм развивал субъективное мировоззрение – способ мышления о мире, который склоняется к тому, чтобы основывать умозаключения на чем-то непосредственном и поверхностном, а не к тому, чтобы погружаться в поиски фундаментальных причин за поверхностными явлениями. Этот взгляд характеризует с тех пор весь эмпиризм.

Юм, что обсуждается далее, оказал влияние на Маха – одну из ключевых фигур для истории радикального бихевиоризма, поскольку Мах повлиял на ранние работы Скиннера (см. автобиографию Скиннера 1984 г.). Но кто еще, помимо Юма, повлиял на Маха? Большое влияние на него оказал также Джон Стюарт Милль (1806–1873), радикальный утилитарист и видный деятель британского эмпиризма. Милль разрабатывал индуктивную логику и сформулировал надежные, по его мнению, научные методы выведения из отдельных наблюдаемых данных всеобщих умозаключений о порядке и последовательности событий. Согласно Миллю (и другим философам, придерживавшимся похожих взглядов, например Карлу Пирсону и Томасу Генри Гексли),

достижением наук является метод предсказания порядка следования чувственных впечатлений. Соответственно, когда наука ссылается на материальные объекты и материальные причины, она на самом деле предсказывает, какие группировки и последовательности ощущений следует ожидать, т. е., как это описывал Милль, «постоянную возможность ощущений». Цитируем Новака:

Милль поставил существование объектов в зависимость от их *возможности* восприниматься нами. Это уступка не только скептицизму Юма, но также и идеализму Беркли, который сделал существование объектов зависимым от того, *действительно* ли они воспринимаются нами [Novack, 1971. P. 74].

Милль воздерживался от конкретного ответа на вопрос, что вызывает ощущения. «Он, например, утверждал, что внешний мир есть не более чем последовательность идей, которые, как ожидается, возникают на постоянной основе» [Ibid. P. 75], воспроизводя, таким образом, феноменализм Юма, ведущий к Маху. Более того, Милль возвратился к идеалистическому аспекту философии Локка, согласно которому материальная субстанция «есть просто то, о чем мы не знаем, что это такое», а затем и превзошел идеализм Локка, постулировав существование непознаваемого внешнего мира, мира «вещей-в-себе», являющегося отличительной чертой философии Канта. Если внешний мир – это не более чем регулярная последовательность идей, можем ли мы иметь хоть какое-то реальное знание об этом мире? Милль отвечал на этот вопрос непоследовательно, и этот эклектизм является особенностью всех последующих форм эмпиризма, включая прагматизм (и, следовательно, контекстуализм). С точки зрения материализма, философия Милля является частью эпохального упадка эмпиризма, длящегося со времени смелых начинаний Бэкона. Говоря словами Новака, «ослабленный скептицизмом Юма и обезоруженный сдачей Милля главным положениям Беркли, с этого времени эмпиризм продолжил неуклонно вырождаться» [Ibid. P. 77]. Дальнейшее развитие этого направления пошло двумя разными путями. Один путь привел к преимущественно американской разновидности позитивистской философии, известной под разными именами как «прагматизм», «инструментализм» или «операционализм» (все они возникли из ревизии эмпиризма, которую провел Чарльз Пирс). Другой путь привел к феноменалистской философии Эрнста Маха.

Позитивизм и феноменализм

Обратимся сначала к философскому воззрению Эрнста Маха (1838–1916), которое называют *эмпириокритицизмом*. В поворотный момент становления современного научного мышления Мах сыграл амбивалентную роль. Его критический анализ недостатков механистической физики Исаака Ньютона, в частности, ньютоновских категорий абсолютного времени, пространства и движения, оказал значительное влияние на создание теории относительности Альберта Эйнштейна.

Не менее важным было и влияние Маха на развитие бихевиорологии. С самого начала своей научной карьеры Б. Ф. Скиннер испытывал влияние позитивизма Маха, исходящее из разных источников: сначала через Дж. Б. Уотсона, чьи взгляды на психологию побудили Скиннера стать бихевиористом; затем как аспирант в Гарвардском университете, работая в лаборатории У. Дж. Крозье. Крозье учился у Жака Лёба, который был убежденным сторонником научных взглядов Маха. В работах Скиннера можно найти следующие принципы, опирающиеся на воззрения Маха: источником науки являются каждодневные заботы повседневной жизни; наука – это просто более эффективное поведение; причины являются не более чем функциональными отношениями, а объяснения представляют собой лишь описания этих функциональных отношений; опытный (например, поведенческий) подход – это единственная эффективная эпистемология [Michael, 1993].

Но есть во взглядах Маха одна особенность, которую нельзя найти в работах Скиннера, и это его феноменализм. Более того, в труде «О бихевиоризме» (1974) Скиннер критикует феноменологов (феноменалистов) за то, что они пренебрегают «прошлым и будущим в поисках основных характеристик “здесь и сейчас”» [Skinner, 1974. P. 65]. Еще более конкретно он пишет: «Должны ли мы заключить, что все те, кто размышлял о сознании как форме “знания о самом себе” – от древних греков до британских эмпириков, а затем и феноменологов – просто трагично свое время зря? Возможно, должны» [Ibid. P. 221].

В качестве примера имматериализма Маха можно привести следующие его слова: «...мы можем считать концепцию тела ... полезной, но мы не должны позволить себе думать, что тела существуют в естественном мире; ощущения – это все, что дано нам в опыте» (цит. по: [Novack, 1971. P. 77]). Таким образом, перейдя от постулата, что знание состоит только из ощущений, к качественно иному утверждению

о том, что мир состоит исключительно из наших ощущений, Мах вступил в туманное царство феноменализма Юма.

Продолжая обзор развития эмпиризма в XX в., обратимся к логико-позитивистской школе 1920-х гг. Логический позитивизм представлял собой синтез позитивизма Маха и формальной логики. В своей превосходной книге «Бихевиоризм и логический позитивизм» (1986) Лоуренс Смит убедительно продемонстрировал, что Скиннер развивал свою систему о поведенческих отношениях вне логического позитивизма. Методологический бихевиоризм может быть с полным основанием назван позитивистским, но этого нельзя сказать о классическом радикальном бихевиоризме или бихевиоральном материализме. Основной принцип логического позитивизма заключается в том, что все имеющие значения утверждения должны быть либо верифицированы посредством прямо наблюдаемых явлений, либо быть сводимы к таким явлениям посредством логических операций. По существу, позитивисты связали формальную логику с эмпиристским тезисом Маха, согласно которому наука – это описание опыта ученого. Как отмечает Смит, «логический позитивизм скорее фокусируется на анализе языка, а не мира, который существует за его пределами. Сам по себе этот фокус является нарушением максимы Бэкона о том, что ученый должен изучать природу, а не слова» [Smith, 1986. P. 49]. Скиннер, безусловно, следовал максиме Бэкона и даже пошел дальше, показав, как «использование слов» можно изучать натуралистически как вербальные отношения, находящиеся под оперантным контролем [Skinner, 1992]. Возможно, здесь достаточно сказать, что в итоге позитивизм оказался стерилен в отношении продвижения научного знания. Будучи еще одной вариацией эмпиризма, он также был агностическим.

Закат прагматизма

Перейдем теперь к прагматизму, стопроцентно американскому продукту. Если бы в этой стране нужно было выбрать официальную философию, ей бы стал прагматизм. Говоря словами Новака:

Эмпиризм, прагматизм и инструментализм ... представляют собой три последовательных стадии развития одного направления мысли. Эмпиризм был матрицей, зачаточной и общей формой, из которой возник прагматизм, а инструментализм Дьюи является высшим выражением прагматизма [Novack, 1971. P. 122].

Названный так в 1878 г. Чарльзом Пирсом (1849–1914), прагматизм изначально представлял собой не теорию истины или новую философию, а логический принцип определения значения слов посредством рассмотрения того, какие потенциальные практические последствия может вызывать объект нашего понятия. Для Пирса было очевидно, что истина заключается в соответствии между утверждениями и фактами. Уильям Джемс (1842–1910) превратил прагматизм в философию, основанную на следующей максиме: «истинным называется все то, что оказывается благим в области убеждений»¹. Это сходство учения Джемса со взглядами Пирса поверхностно; их позиции принципиально различны [Urmson, 1989]. Бертран Рассел критиковал эту доктрину за смешение значения «истины» с критерием определения того, является ли убеждение истинным – прагматисты, «таким образом, заняли иррационалистическую позицию» [Ibid. P. 257]. Я полагаю, что эта критика справедлива. С одной стороны, критики порой неверно трактуют прагматизм, сводя его принципы к посредственному постулату: «все, что приносит удовольствие, истинно». Прагматисты этого не утверждали. Но они действительно говорили, что все, во что стоит верить, может оцениваться с точки зрения результатов, имеющих «наличную стоимость» (если использовать выражение самого Джемса), т. е. результатов, которые приносят плоды.

Перейдем к Джону Дьюи (1859–1959). Дьюи, на которого повлияли Дарвин, Пирс и Джемс, выступал против идеалистов, отделяющих мышление человека от его поведения. Он полагал, что мышление не начинается в разуме. Скорее, мышление является орудием контроля окружающей среды – результаты достигаются посредством отдельных действий. Он также критиковал взгляд, согласно которому мышление – это активность «разума», анализирующего некие чувственные данные. Скорее, мышление (или его результат) есть продукт взаимодействия человека со средой. Пока все выглядит неплохо. Риторика Дьюи звучит почти бихевиорологически, но далее он переходит к формулированию выводов о законах мышления (или логики), направленных прямо против материализма. Для Дьюи, как и Джемса, задача мышления заключается не в отражении объективной реальности как можно точнее или полнее, а в разработке методов, полезных и подходящих для достижения конкретных практических целей.

Критика Дьюи определенных идеологических взглядов – это просто первый шаг против материалистической позиции, согласно кото-

¹ Цит. по изд.: Джемс У. Прагматизм. СПб.: Изд-во «Шиповник», 1910. С. 52.

рой мышление может или должно отражать реальность [Cornforth, 1962]. Тем самым он повторно провозглашает тот самый идеализм, который, как он открыто провозглашал, следует атаковать. Здесь видна путаная и трудная для «схватывания» особенность прагматической философии. Выступая, казалось бы, против идеализма и ментализма, Дьюи, как и другие прагматисты, в конечном счете неизменно направлял острие своей критики против материализма, восстанавливая тем самым, пусть и в других терминах, идеалистическую позицию [Novack, 1975]. Один материалистический философ проливает свет на обманчивую природу прагматического метода Дьюи, называя его трехступенчатым аргументом:

Сначала атака на идеализм. Затем утверждение прагматической концепции истины, которая должна занять место [материалистической] концепции, согласно которой задача научного поиска заключается в продуцировании точного отражения объективной реальности. В-третьих, восстановление идеализма в других понятиях (Harry Wells, «Pragmatism, Philosophy of Imperialism», 1954, цит. по: [Cornforth, 1962. P. 382]).

Для любого материалиста материя первична, а мышление – вторично. Рассматриваемое с бихевиорологической (и, следовательно, материалистической) позиции, мышление есть поведение и высшая из известных нам форм движения материи, создаваемая человеческой культурой, представляющей собой высший из известных нам уровней организации материи. Таким образом, объективный материальный мир – это источник всего мышления, которое есть не что иное, как отражение материи, объективной реальности, существующей независимо от отражающего ее мышления. Так называемый «натуралистический» подход Дьюи к мышлению явным образом противоречит и отрицает материалистическую позицию. Он соединяет свой «натуралистический» взгляд на мышление как на активность человеческого организма – взгляд, согласующийся с классическим радикальным бихевиоризмом и бихевиоральным материализмом – с отрицанием того, что мышление отражает объективную материальную действительность. Отрицая, что критерий истины заключается в соответствии объективной реальности, Дьюи утверждает, что объективная реальность не стоит рассмотрения. Как в своей работе «Наука против идеализма» отмечает Конфорт, «за словесной путаницей натурализма Дьюи ясно одно – это идеализм. Среди всех непоследовательностей

прагматизма одна вещь остается постоянной – его неприятие материализма» [Cornforth, 1962. P. 384].

Контекстуализм: современный принцип прагматизма

Мы подошли к конечному пункту нашего рассмотрения – контекстуализму. В действительности, это не тип прагматизма. Если выражаться точнее, это принцип прагматизма. В «Словаре истории идей» [Wierner, 1973] описываются четыре главных принципа прагматизма: плюралистический эмпиризм, темпоралистский взгляд на реальность, секулярный демократический индивидуализм и контекстуалистская концепция реальности. Контекстуалисты, определяющие себя как поведенческих психологов, соединяют контекст и поведение в «бесшовную» целостность, в которой между ними нет четких различий. «Поведение-в-контексте» (всегда пишется через дефис) становится единым элементом с неопределенными границами. Внешний, объективный мир не существует, есть только поведение-в-контексте. И хотя контекст почти никогда не получает ясного определения, он, по-видимому, не совпадает с независимо существующей внешней реальностью, материальным миром.

Комментируя работы Скиннера, контекстуалисты демонстрируют значительную двойственность. Читая контекстуалистскую литературу, я вижу систематическую предвзятость: одобрение тех утверждений Скиннера, которые они трактуют как поддержку контекстуализма, и осуждение тех, в которых явным образом поддерживается материализм. Таким образом, бихевиорологи вряд ли могут себе позволить быть нейтральными по отношению к вопросу прагматизма / контекстуализма. Аккуратное изучение развития прагматизма ясно показывает, что идеализм есть неотъемлемая характеристика прагматизма и, следовательно, контекстуализма. Особенная осторожность нужна в отношении контекстуалистской литературы, поскольку их истинная цель, как и у прагматизма в целом (осознаваемая или нет), – это материализм, особенно материализм Скиннера, который они называют механистический радикальный бихевиоризм. Они утверждают, что «радикальный бихевиоризм включает в себя и механистический, и контекстуалистский типы бихевиоризма» и что «Скиннер соединил их непоследовательно, и одно из следствий этого состоит в том, что термин “радикальный бихевиоризм” бесполезен как общее наименование» [Hayes, Hayes, 1992. P. 233]. И эта контекстуалистская формулировка действительно делает термин «радикальный бихеви-

оризм» бесполезным. Одна из альтернатив может заключаться в том, чтобы назвать «контекстуалистский тип радикального бихевиоризма» идеалистическим радикальным бихевиоризмом. Будучи уместной, эта альтернатива, однако, служит лишь созданию еще большей терминологической сумятицы, и я не вижу пользу в употреблении этих терминов. Вместо этого описывая философские работы Скиннера как классический радикальный бихевиоризм, а его дальнейшее развитие как бихевиоральный материализм – философию, лежащую в основе бихевиорологии – мы избегаем проблемы трактовок и одновременно подчеркиваем материалистическую ориентацию бихевиорологии.

Несколько примеров из работ контекстуалистов покажут их сомнения. Согласно Линде Хейс, истина не имеет значения в единообщей (читай, «феноменалистской») системе контекстуализма. Что имеет значение для контекстуалистов, так это согласованность, т. е. соответствие между тем, что говорится, и тем, что говорилось.

В такой системе прогресс ... измеряется конструированием все более широких категорий, в которых найдется место всему, что должно быть сказано, и ничто не является настолько неподходящим, чтобы не подходить для включения. Прогресс заключается в том, чтобы говорить все меньше и меньше, пока не будут достигнуты границы, в которых больше нечего сказать [Hayes, 1993. P. 43].

В этой точке, и это прямая цитата: «можно сесть в одиночестве на горной вершине, нараспев повторяя “ом”» [Ibid. P. 43].

Я подозреваю, что контекстуалисты не совсем понимают сущность научного материализма. Чтобы это показать, я напомним, что основной вид материализма в западной философии XX в. – это диалектический материализм. Хэйнс Риз написал главу, центральный тезис которой заключался в том, что «диалектический материализм совместим с контекстуализмом» [Reese, 1993. P. 98]. Что особенно любопытно в этой главе, так это то, что в ней цитируется, но никак не комментируется книга В. И. Ленина, озаглавленная «Материализм и эмпириокритицизм» [Lenin, 1927]. В этой книге Ленин бескомпромиссно защищает материализм и обрушивает безжалостную критику на эмпириокритицизм – эмпирико-феноменалистскую позицию Эрнста Маха. Поскольку контекстуализм, будучи принципом прагматизма, является прямым наследником эмпиризма и феноменализма Маха, точка зрения Риза, согласно которой «диалектический материализм представ-

ляет собой версию контекстуализма» [Reese, 1993. P. 72], совершенно безосновательна и просто абсурдна.

Заключительный комментарий по поводу контекстуализма: контекстуалисты обращаются к работе Стивена Пеппера «Мировые гипотезы» (1942) как источнику своей позиции. В их интерпретации критерий истины для контекстуализма заключается в «успешной работе», что «подразумевает успех в отношении некоторой потенциально достижимой цели» [Hayes et al., 1988. P. 102]. Однако, как отмечают Капалди и Проктор [Capaldi, Proctor, 1994], даже Пеппер полагал, что «успешная работа» – не лучший критерий истины для контекстуализма. Цитируем Пеппера: «В действительности теория “успешной работы” есть лишь половинчатая контекстуалистская теория» (цит. по: [Capaldi, Proctor, 1994. P. 246]). Для Пеппера существуют два более адекватных контекстуалистских критерия истины: верификация гипотез (т. е. истинна гипотеза, а не действие) и качественное подтверждение, которое также делает акцент на подтверждении гипотез. Таким образом, согласно собственным стандартам Пеппера, наиболее совместима с контекстуализмом будет не индуктивная система Скиннера, а гипотетико-дедуктивная система, подобная теории Халла!

Итак, цель данного раздела заключается не в критике контекстуализма *per se*, а в ее использовании в качестве фона для развития моего тезиса, что (а) радикальный бихевиоризм, описанный Скиннером и далее развитый бихевиорологами, – это материалистическая философия, и (б) эта философия бихевиорологии должна отныне называться *бихевиоральным материализмом*, тем самым отличаясь от философской бессвязи прагматистских эпигонов Скиннера. Вопреки своим ранним взглядам, я теперь согласен с Хейсом и Хейс [Hayes, Hayes, 1992] в том, что термин «радикальный бихевиоризм» нельзя спасти.

Заключение

С материалистической точки зрения, фундаментальное различие между прагматизмом (включая контекстуализмом) и бихевиоральным материализмом сосредоточено вокруг понимания истины. Для материалистов истина определяется в терминах соответствия между реальным и независимо существующим материальным миром и тем, что мы о нем говорим. Прагматисты или отрицают, что истина представляет собой достойную для изучения проблему (см. позицию Ричарда Рорти [Rorty, 1982. P. xxv, xxviii]), или, что встречается чаще,

определяют ее в терминах согласия между утверждениями о том, «что работает». Прагматисты и другие философы, принадлежащие к эмпиристской традиции, отрицают истину как соответствие действительности на том основании, что она основана на устаревших и опровергнутых метафизических допущениях, включающих теорию копирования.

Теория копирования действительно ставит перед материалистами неразрешимые проблемы. Во-первых, она в своей основе является менталистской – копии реальности, по общему мнению, отражаются в нашем разуме. Во-вторых, сомнительной является и идея референции. Как утверждает Скиннер, «референты нельзя найти в словах, а только в обстоятельствах, в которых слова используют говорящие и понимают слушатели, но сами понятия “использования” и “понимания” требуют дальнейшего анализа» [Skinner, 1974. P. 92]. В-третьих, с точки зрения оперантного анализа вербального поведения только тесная связь между характеристиками мира и тем, что мы говорим об этих характеристиках, является тактом (т. е. вербальным поведением, которое находится под контролем невербальных стимулов), и даже тогда такты могут быть искажены сформированными операциями. Когда мы имеем дело с более сложными вербальными отношениями – автоклитиками, сиквеликами, эквивалентными связями и пр., – соответствие между тем, что говорится о том, что существует, и тем, что действительно существует, может значительно варьировать на шкале соответствия действительности.

Материализм не связан жестко с теорией копирования. Более того, бихевиоральный материализм отвергает эту теорию, но при этом опирается как на корреспондентную, так и когерентную теории истины. Эта позиция бихевиорального материализма основана на двух диалектически связанных пропозициях: утверждении Скиннера о том, что отбор по последствиям является каузальной моделью для всех живых процессов – биологических, поведенческих и культурных (включая «язык», понимаемый как вербальное поведение), объединенном с фундаментальным утверждением независимости существования материального мира, что является определяющей чертой научного материализма.

Когда дело касается утверждений о мире, прагматисты простожимают плечами и говорят: «каждый верит, во что он верит» и «мы никогда не сможем выбраться из наших языка и убеждений и увидеть их связь с тем, каковы вещи вне языка и убеждений» [Prado, 1987. P. 16]. В отличие от этого релятивистского взгляда прагматистов бихе-

виоральный материализм полагает, что (а) существует материальный мир, (б) то, что мы говорим и пишем о нем, не является произвольным, а зависит от практик подкрепления нашего вербального сообщества, и (в) эти практики в свою очередь зависят от подкрепляющих явлений материального мира, как социальных, так и несоциальных. Сообщество, наиболее последовательно подкрепляющее вербальное поведение, которое все более точно и глубоко отражает материальный мир, – это научное сообщество [Skinner, 1992, ch. 18]. Когда выводы большого числа ученых согласованы (когерентный критерий истины) и точно отражают достаточный объем эмпирических свидетельств (корреспондентный критерий истины), мы получаем все более точные аппроксимации того, что действительно существует, от химических элементов и их соединений до живых форм, от мельчайших субатомных частиц до дальних пределов Вселенной.

Заключительный комментарий по поводу сомнительной природы прагматизма как философского руководства для изучения поведения. В своей статье «Радикальный бихевиоризм в согласии с феноменологией» Уиллард Дэй (1969) утверждает, что прагматизм является философией, лежащей в основе радикального бихевиоризма. Я уже описал, что и прагматизм, и феноменология (феноменализм) представляют собой идеалистические по своей природе философии и тем самым несовместимы с материалистическими основаниями естествознания. В качестве иллюстрации сомнительной природы прагматизма как философского руководства для изучения поведения рассмотрим, как разновидность радикального бихевиоризма Дэй может привести к идеалистическим интерпретациям человеческого поведения, как она может послужить «убежищем призрака». Один из бывших учеников Дэй, Стивен Хэйс (ведущий сторонник прагматизма / контекстуализма), в необычной статье 1984 г., озаглавленной «В поисках смысла спиритуализма», использует в качестве отправной точки анализ Скиннером сознания или осознанности как «не просто видения, но видения, что я вижу» и приходит к довольно поразительному утверждению, что «Бог мог бы создать тот самый механизм, что я описываю, который делает духовность познаваемой» [Hayes, 1984. P. 110]. И мы могли бы просто добавить: «и это также могла бы сделать фея Драже».

Антиматериалистическая позиция Хэйса очевидна: «бихевиоризм можно было бы назвать ... материалистическим ... Поскольку духовные или дуалистические термины в буквальном смысле противоречат материализму ... их отвергнут как запрещенные с научной или пове-

денческой точки зрения. И хотя это логичный ответ, это, в действительности, не поведенческо-аналитический ответ» [Ibid. P. 99–100]. Безусловно, ни один последовательный бихевиоральный материалист не поддержал бы идею, что различия между спиритуализмом / дуализмом (т. е. различными агностическими формами идеализма) и материализмом – это просто вопрос логики. Материализм – это не просто слово, которое является предметом структурно-логического анализа, это допущение, лежащее в основе естественных наук. Общее впечатление от этого любопытного текста состоит в том, что Хэйс, по-видимому, ищет душу посредством оперантного анализа вербального поведения: «Можно без преувеличения сказать, что вербальное поведение дало человечеству душу» [Ibid. P. 104]. И тогда нет ничего удивительного в том, что в своем изучении эквивалентных отношений он отстаивает существование разрыва между поведением человека и животных. Можно спросить, в какой момент эволюции человеческого вида душа (внутренний агент) запрыгнула в тело? С точки зрения бихевиорального материалиста, я бы доказывал, что эволюция от поведения животного к поведению человека является полностью непрерывным биологическим и поведенческим процессом, хотя количественные различия между животными и людьми, связанные с вербальным поведением, могут быть так велики, что приводят к качественному отличию. И дальше я бы подчеркнул, в отличие от некоторых фидеистических толкований радикального бихевиоризма, что бихевиоральный материализм отвергает любые идеи об автономном агенте внутри организма, играющем какую бы то ни было каузальную роль в объяснении поведения.

Список литературы

Action, H. B. (1989). Materialism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.). *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 194–195). London: Unwin Hyman.

Capaldi, E. J., & Proctor, R. W. (1994). Contextualism: Is the act in context the adequate metaphor for scientific psychology? *Psychonomic Bulletin and Review*, 1, 239–249.

Capra, F. (1976). *The Tao of physics*. New York: Bantam Books.

Cornforth, M. (1962). *Science versus idealism: In defence of philosophy against positivism and pragmatism* (2nd ed.). Westport, CT: Greenwood Press.

Hayes, L. (1993). Reality and truth. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 35–44). Reno, NV: Context Press.

Hayes, S. C. (1984). Making sense of spirituality. *Behaviorism*, 12, 99–110.

Hayes, S. C., & Hayes, L. J. (1992). Some clinical implications of contextualistic behaviorism: The example of cognition. *Behavior Therapy*, 25, 223–249.

Hayes, S. C., Hayes, L. J., Reese, H. W. (1988). Finding the philosophical core: A review of Stephen C. Pepper's "World Hypotheses" *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 50, 97–111.

Jacobson, N. S. (1997). Can contextualism help? *Behavior Therapy*, 28, 435–443.

Lenin, V. I. (1927). *Materialism and empirio-criticism*. New York: International Publishers. (Original work [2nd ed.] published in 1920).

Michael, J. L. (1993). *Concepts and principles of behavior analysis*. Kalamazoo, MI: Society for the Advancement of Behavior Analysis.

Morris, E. K. (1993). Contextualism, historiography, and the history of behavior analysis. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 137–165). Reno, NV: Context Press.

Novack, G. (1965). *The origins of materialism*. New York: Pathfinder.

Novack, G., (1971). *Empiricism and its evolution: A Marxist view*. New York: Pathfinder Press.

Novack, G. (1975). *Pragmatism versus Marxism: An appraisal of John Dewey's philosophy*. New York: Pathfinder Press.

Prado, C. G. (1987). *The limits of pragmatism*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International.

Reese, H. W. (1993). Contextualism and dialectical materialism. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 71–105). Reno, NV: Context Press.

Rorty, R. (1982). *Consequences of pragmatism*. Minneapolis, MN: Uni. of Minnesota Press.

Skinner, B. F. (1974). *About behaviorism*. New York: Knop.

Skinner, B. F. (1981). Selection by consequences. *Science*, 213, 501–504.

Skinner, B. F. (1984). *The shaping of a behaviorist*. Washington Square, NY: New York Uni. Press.

Skinner, B. F. (1992). *Verbal behavior*. Acton, MA: Copley. (Original work published in 1957).

Smith, L. D. (1986). Behaviorism and logical positivism. Stanford, CA: Stanford University Press.

Smith, L. D. (1995). Inquiry nearer the source: Bacon, Mach, and The Behavior of Organisms. In: J. T. Todd & E. K. Morris (Eds.), *Modern perspectives on B. F. Skinner and contemporary behaviorism* (pp. 39–50). Westport, CT: Greenwood Press.

Ulman, J. D. (1992, January). *On the philosophical origins of behaviorology*. Paper presented at the meeting of The International Behaviorology Association, New Orleans, LA.

Urmson, J. O. (1989). Pragmatism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.), *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 256–257). London: Unwin Hyman.

Wiener, P. (1973). Pragmatism. In: P. Wiener (Ed.), *Dictionary of the history of ideas* (pp. 551–570). New York: Charles Scribner & Sons.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2019

J. D. Ulman

Ball State University

Muncie, IN 47306, United States of America

ulman2@bsu.edu

RADICAL BEHAVIORISM VERSUS PRAGMATISM

Some behaviorists consider positivism to be an obsolete scientific philosophy and advocate for pragmatism or a tenet thereof, contextualism, as the appropriate philosophical world view for the study of behavior. I argue that pragmatism is just as flawed as positivism and for essentially the same reason: they both stem from the same source – British empiricism. I distinguish between empirical and empiricism, the former, the inductive experimental approach put forth by Francis Bacon (1561–1626) and exemplified in the work of B. F. Skinner; the latter, a problematic epistemology founded by John Locke (1632–1708) leading to ambiguity and confusion about the connection between sensation and material reality, and eventually to the proliferation of mentalistic/cognitive constructs that appear in the behavioral literature today. I also examine the ambivalent role of Ernst Mach’s philosophy of science, one that strongly influenced such notable scientists as Einstein and Skinner but also had the retrograde effect of establishing positivism as a school of philosophy. Finally, I argue

that the term radical behaviorism should be replaced with behavioral materialism as the designation for the scientific philosophy underlying behaviorology, a philosophy that is aligned with scientific materialism, not with pragmatism or contextualism.

Keywords: behaviorology, behavioral materialism, contextualism, materialism, positivism, pragmatism, radical behaviorism.

References

Action, H. B. (1989). Materialism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.). *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 194–195). London: Unvin Hyman.

Capaldi, E. J., & Proctor, R. W. (1994). Contextualism: Is the act in context the adequate metaphor for scientific psychology? *Psychonomic Bulletin and Review*, 1, 239–249

Capra, F. (1976). *The Tao of physics*. New York: Bantam Books.

Cornforth, M. (1962). *Science versus idealism: In defence of philosophy against positivism and pragmatism* (2nd ed.). Westport, CT: Greenwood Press.

Hayes, L. (1993). Reality and truth. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 35–44). Reno, NV: Context Press.

Hayes, S. C. (1984). Making sense of spirituality. *Behaviorism*, 12, 99–110.

Hayes, S. C., & Hayes, L. J. (1992). Some clinical implications of contextualistic behaviorism: The example of cognition. *Behavior Therapy*, 25, 223–249.

Jacobson, N. S. (1997). Can contextualism help? *Behavior Therapy*, 28, 435–443.

Lenin, V. I. (1927). *Materialism and empirio-criticism*. New York: International Publishers. (Original work [2nd ed.] published in 1920).

Michael, J. L. (1993). *Concepts and principles of behavior analysis*. Kalamazoo, MI: Society for the Advancement of Behavior Analysis.

Morris, E. K. (1993). Contextualism, historiography, and the history of behavior analysis. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 137–165). Reno, NV: Context Press.

Novack, G. (1965). *The origins of materialism*. New York: Pathfinder.

Novack, G., (1971). *Empiricism and its evolution: A Marxist view*. New York: Pathfinder Press.

Novack, G. (1975). *Pragmatism versus Marxism: An appraisal of John Dewey's philosophy*. New York: Pathfinder Press.

Prado, C. G. (1987). *The limits of pragmatism*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International.

Reese, H. W. (1993). Contextualism and dialectical materialism. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.). *Varieties of scientific contextualism* (pp. 71–105). Reno, NV: Context Press.

Rorty, R. (1982). *Consequences of pragmatism*. Minneapolis, MN: Uni. of Minnesota Press.

Skinner, B. F. (1974). *About behaviorism*. New York: Knop.

Skinner, B. F. (1981). Selection by consequences. *Science*, 213, 501–504.

Skinner, B. F. (1984). *The shaping of a behaviorist*. Washington Square, NY: New York Uni. Press.

Skinner, B. F. (1992). *Verbal behavior*. Acton, MA: Copley. (Original work published in 1957)

Smith, L. D. (1986). *Behaviorism and logical positivism*. Stanford, CA: Stanford Uni. Press.

Smith, L. D. (1995). Inquiry nearer the source: Bacon, Mach, and The Behavior of Organisms. In: J. T. Todd & E. K. Morris (Eds.), *Modern perspectives on B. F. Skinner and contemporary behaviorism* (pp. 39–50). Westport, CT: Greenwood Press.

Ulman, J. D. (1992, January). *On the philosophical origins of behaviorology*. Paper presented at the meeting of The International Behaviorology Association, New Orleans, LA.

Urmson, J. O. (1989). Pragmatism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.). *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 256–257). London: Unvin Hyman.

Wiener, P. (1973). Pragmatism. In: P. Weiner (Ed.), *Dictionary of the history of ideas* (pp. 551–570). New York: Charles Scribner & Sons.

УДК 159.9+17

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-30-64

Стивен Ф. Леду

*Университет штата Нью-Йорк
34 Cornell Drive, Canton, NY, 13617, USA*

ledoux@canton.edu

О ЦЕННОСТЯХ, ПРАВАХ, ЭТИКЕ, МОРАЛИ И ВЕРОВАНИЯХ

Ранее, в гл. 18, мы расширили перечень освещенных нами положений, относящихся к сфере бихевиорологических исследований, рассмотрев достаточно хорошо развитую экспериментальную область изучения *отношений эквивалентности*. Отдельные моменты позволяют оценить не только функциональную эквивалентность многих – если не большинства – стимулов, равно как и их конкретные относительные свойства, но и некоторые недостаточно разработанные до сих пор области приложения эквивалентности, позволяющие значительным образом повысить эффективность широкого круга человеческих начинаний, от всех видов и форм образования до обеспечения экологичного образа жизни.

Теперь же, в настоящей главе ¹, мы распространим наш бихевиорологический подход на ряд взаимосвязанных тем, среди которых ценности, права, этика и мораль. В них, равно как и в отношениях и верованиях, а также некоторых темах последующих глав, отражается ряд древних проблем, не оставляющих человечество по сей день. Мы, люди, в течение долгого времени задавали вопросы и искали ре-

¹ Данная статья представляет собой перевод 19-й главы книги Стивена Ф. Леду «Время на исходе: бихевиорология для помощи в решении глобальных проблем» (Running Out of Time – Introducing Behaviorology to Help Solve Global Problems, 2014). Переводится с разрешения автора.

Леду С. Ф. О ценностях, правах, этике, морали и верованиях // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 30–64.

шения для этих и некоторых других загадок, но до недавних пор были вынуждены обходиться без по-настоящему удовлетворительных ответов, таких ответов, которые бы отличались от полученных в течение последних нескольких тысяч лет, таких научных ответов, которые бы изменили наше отношение к самим себе и миру вокруг нас. Сейчас мы перейдем к рассмотрению научных ответов на эти давние вопросы. В силу упомянутой научности, данные темы станут первыми, для которых наше предупреждение из *части II* – перед главой 13, говорящее о необходимости ознакомления с *частью I* перед переходом к *части II* – является особенно актуальным.

Некоторый исторический контекст

Ранее существовавшие ответы на древние вопросы были, конечно же, тем или иным образом полезны, но записи, касающиеся истории человечества – к примеру, относимые к Древнему Китаю и Древнему Египту – показывают, что до недавних пор эти вопросы и ответы мало изменялись в течение как минимум последних 5 тыс. лет или, что весьма вероятно, дольше – возможно, с момента развития вербального поведения, которое, согласно нашим современным оценкам, произошло минимум 50 тыс. лет назад. На протяжении большей части этого временного периода мало что изменялось и относительно условий жизни. Более того, в высшей мере плавных изменений, происходивших в культурных контингенциях², до недавних пор (т. е. приблизительно до момента, наступившего 400 лет назад) было недостаточно, чтобы вызвать большую часть поведенческих паттернов, которые мы именуем наукой; будучи недоступной нам, наука не могла пролить свет на что-либо, включая и эти давние вопросы и ответы.

Затем, приблизительно в 1600 г. н. э., аккумулирующиеся в культурных контингенциях изменения начали производить на свет паттерны научного поведения (к примеру, формы поведения, рассматривавшие исходящие от сугубо природных явлений свидетельства в качестве независимых и зависимых переменных, которые люди могут наблюдать или измерять). На протяжении четырех последующих веков достижения в науке и поддерживающие их культурные контингенции взаимно ускорились, так что за последние 150 лет наука принесла лю-

² Контингенция (англ. *contingency*) – понятие, предложенное в рамках радикального бихевиоризма для обозначения связи между стимулом и реакцией при оперантном обусловливании; впрочем, автор распространяет его и на респондентное обусловливание (примеч. пер.).

дям по всему земному шару большей частью полезные и достаточно масштабные – по сравнению с предшествующими тысячелетиями – изменения (к примеру, в сферах коммуникации, производства пищи, строительства, медицины и санитарии, транспорта).

Как бы то ни было, ответы на давние вопросы о человеческой природе и человеческом поведении, основная предметная область поведенческих наук, оставались за пределами компетенции традиционного естественно-научного знания (например, физики, химии, биологии), поскольку – возможно, это являлось необходимым элементом выживания в культуре XVII в., все еще контролируемой богословием – наука оставила их теологическим и философским учениям, покоящимся на основаниях мистицизма. Позднее, в XIX в., на предметную область человеческой природы и человеческого поведения, включающую наши древние вопросы, стали претендовать светские дисциплины, обладающие тем же мистическим основанием. Затем, в начале XX в., начала разрабатываться естественная наука о поведении, впоследствии обратившаяся к решению так долго стоявших перед человечеством вопросов (см., к примеру: [Skinner, 1938]). В качестве познавательного и развлекательного источника, показывающего масштаб произошедших перемен в традиционных и поведенческих естественных науках, а также проводящего сравнения с мистическими учениями, можно привести роман Джозефа Уайатта [Wyatt, 1997] «Человек тысячелетия» (The Millennium Man), написанный в 1997 г. Удерживая в уме гл. 4 данной книги, можно, однако, вспомнить, что в своем романе Уайатт использовал термин «анализ поведения» как ярлык для естественной науки о поведении, дабы показать, что эта дисциплина безмерно отличается от психологии. Тем не менее, в силу того, что психология сейчас присваивает себе ярлык «анализ поведения», его использование Уайаттом сбивает с толку сегодняшних читателей. Чтобы уменьшить путаницу, я рекомендую читателям мысленно заменять «анализ поведения» на «бихевиорологию», когда это словосочетание будет появляться на страницах книги Уайатта.

Как бы то ни было, не существует законов природы, которые бы утверждали, что наука не может ответить на древние вопросы о природе человека и его поведении. Биология начала рассмотрение части из них, в особенности тех, которые касаются естественного происхождения человеческого тела, а бихевиорология в значительной мере продолжает и расширяет это начинание. Вы можете прочитать написанный в 1948 г. роман Б. Ф. Скиннера «Уолден-два» (Walden Two), чтобы в познавательно-развлекательном ключе ознакомиться

с теми переменами, которые могут произрастать из бихевиорологического подхода к ответу на некоторые из древних вопросов, с которыми сталкивается человечество [Skinner, 1948]. Тем не менее снова обратимся к гл. 4: хотя изложенные взгляды актуальны сейчас в той же мере, как и во время написания книги, Скиннер часто использовал слово «психология» для обозначения *естественной науки о поведении*, в русло которой он и его коллеги в то время пытались повернуть традиционную психологию. Поскольку естественная наука о поведении не была тогда – и не является сейчас – психологией в каком бы то ни было виде, использование этого слова также путает нынешних читателей. Посему я снова должен порекомендовать заменять его на «бихевиорологию», чтобы уменьшить эту путаницу.

Темы, затрагиваемые в этой главе, касаются поведения и давних вопросов человечества. Мы уже представили множество основных положений, касающихся поведения и тех переменных, функцией которых оно является, которые естественная наука о поведении открыла за последние сто лет; поэтому давайте же посмотрим, сможем ли мы приблизиться к удовлетворительным, меняющим сложившуюся ситуацию ответам на некоторые из вопросов, столь долго стоящих перед человечеством.

Признаем, однако, что бихевиорологи не являются единственными представителями естественных наук, занимающимися данными проблемами. Множество хорошо известных и достойных исследователей, работающих в русле традиционных естественных наук (к примеру, Ричард Докинз и Сэм Харрис), приложили свои усилия для решения некоторых из этих вопросов (например, проблем этики и морали). Тем не менее отсутствие у них минимальных фоновых знаний в области бихевиорологии, тех знаний, которые бы привели к увязыванию естественной науки о поведении с их собственными специальностями, повлекло за собой попытки втиснуть представление об этих явлениях в рамки нейрофизиологии, эволюции и генетики. Каждая из этих областей действительно значима, но их роль больше относится к сфере того, *как* происходят эти явления. То, что мы рассмотрим в настоящей главе, больше относится к тому, *почему* эти явления происходят. Человечеству необходима такая линия исследований, поскольку она может очертить круг доступных нам независимых переменных, связанных с данными феноменами.

В дальнейшем эти независимые переменные могут вызвать более активное человеческое участие в контингенциях, направляющих развитие отношений, ценностей, прав, этики, морали и верований

в определенных направлениях – некоторые из которых могут иметь отчетливое отношение к вопросу нашего дальнейшего выживания – вместо того, чтобы оставлять эти направления во власти *совпадений*. В этом нет ничего нового, это все та же дихотомия, к которой Скиннер и другие неоднократно обращались в прошлом в терминах «случайность против замысла». В последнее время, с учетом нашего естественно обусловленного дискомфорта, вызываемого неестественными смыслами термина «случайность», слово «совпадение» лучше соответствует этому контексту.

Один из примеров в рамках настоящей темы, имеющий потенциальное значение для нашего дальнейшего выживания и демонстрирующий взаимосвязь некоторых понятий, которые рассматриваются в данной главе, касается ценности экологичного образа жизни. Основываясь на истории обусловливания, превращающей компоненты такого образа жизни в условные подкрепители³, мы заявляем об этой *ценности* как о *праве*, которое заслуживает соблюдения в качестве *этической* нормы и которое даже может быть *морально* правильным в данный момент времени. Такие возможности, конечно же, угрожают мистическим и суеверным допущениям о природе человека и человеческом поведении, которые пробуждаются к жизни культурными традициями, прошедшими через поколения культурного же обусловливания. Это культурное обусловливание возникло из наших 50 тыс. лет – из которых задокументированы последние 5 тыс. лет – аккумуляирования вербального обусловливания в обстоятельствах, которые не допускали сколь угодно тщательной проверки реальности. Поэтому теперь это обусловливание включает в себя множество непроверяемых мистических и суеверных положений. Возможно, это обусловливание по-прежнему влияет на ваше поведение тем или иным образом – вероятно, даже вызывая негативную эмоциональную реакцию на обсуждение подобного рода тем. Я могу только надеяться, что обеспеченное последними восемнадцатью главами контробусловливание окажется для вас адекватным интеллектуальным и эмоциональным противовесом.

³ В оригинале – ‘*reinforcers*’, что традиционно переводится на русский язык как «подкрепления»; однако представляется разумным ввести иной термин для различения собственно процесса подкрепления (*‘reinforcement’*) и стимула, участвующего в нем (*‘reinforcer’*). По этой причине здесь и далее по тексту для обозначения процесса используется термин «подкрепление», а для обозначения стимула – «подкрепитель» или «подкрепляющий стимул» (примеч. пер.).

Держа в уме это представление о существовании некоторых взаимосвязей между понятиями, рассматриваемыми в этой главе, давайте, в свою очередь, рассмотрим в первом приближении отношения, ценности, права, этику, мораль и верования. Для существенно более детального рассмотрения см. [Fraleley, 2008, гл. 25]. Также можно обратить внимание на широкое применение понятий из этой главы по отношению к теме, которая в конечном счете касается каждого, а именно теме достойного умирания, которую Фрейли [Fraleley, 2012] представляет в своей книге 2012 г. «Умирание с достоинством – бихевиорологическая танатология» / *Dignified Dying – A Behaviorological Thanatology.*)

Отношения

Укорененное в прошлом, широко распространенное, научно необоснованное культурное обусловливание заставляет не подкованных с научной точки зрения людей имплицитно (т. е. в виде мыслей) реагировать на вербальный стимул «*отношение*» как на понятие, которое отсылает нас к «чему-то», что можно «иметь», и обладание им якобы объясняет какие-либо паттерны поведения. Подобная стандартная формулировка, учитывая наличие к данному моменту более глубокого научного понимания контингенций и поведения, с большой долей вероятности вызвала у вас мысль о том, что это всего лишь фиктивное представление о поведении. «Иметь» означает «*обладать*», а в отношении нет ничего, чем можно было бы обладать; размышления об отношениях в таком духе неизбежно приводят к возникновению внутреннего субъекта, который имеет, обладает, является причиной поведения. К нашей чести, мы давно научно дискредитировали идею внутренних субъектов и отвергли их.

В качестве альтернативы, люди иногда говорят, что утверждение о существовании некоего отношения просто описывает предрасположенность вести себя определенным образом. Это звучит лучше. Тем не менее такой вариант также оставляет вопросы, заставляя нас задуматься: что есть предрасположенность? Если, говоря о *предрасположенности*, мы ссылаемся на нечто, что имеет или чем обладает другой гипотетический внутренний субъект, то еще один слой ненаучных понятий погружает нас еще глубже в трясину мистических представлений. Если вместо этого на основании *предрасположенности* мы всего лишь делаем предсказание об общей вероятности определенного поведенческого паттерна, упомянутого в названии самого

отношения, то у нас под ногами может оказаться рациональная научная опора. В первую очередь это справедливо, если результаты наших предшествующих наблюдений за повторениями определенного поведенческого паттерна образуют стимулы, вызывающие наше предсказывающее поведение как часть запуска наших вербальных ответов об *отношении* и *предрасположенности*. В качестве еще одной альтернативы, *предрасположенность* может относиться к частям нервной системы, которые имеют разную структуру в силу генетических причин или предшествующего обусловливания, так что при достижении их следами энергии от релевантных стимулов, они с готовностью опосредуют определенные поведенческие паттерны, которые мы называем *отношениями*.

В то время как подтверждение этих функциональных отношений развивается по мере нашего сотрудничества с коллегами-физиологами, нас может удовлетворить и определение отношения как нервной предрасположенности вести себя определенным образом. Но я подозреваю, что обусловливание несколько более проработанного определения послужит нам лучше. Давайте определим термин «*отношение*» как вербальный ярлык для обозначения определенных поведенческих паттернов, которые вызывают и следуют за тематически связанными с ними стимулами, в то время как сама эта тема фигурирует в названии отношения. При этом нам не требуется обращаться к генетике или истории обусловливания, которые мы называем предрасположенностью вести себя определенным образом, какими бы достоверными они ни были. Достаточно подумать о различных наименованиях отношений, вызываемых обстоятельствами, и можно получить более широкий круг примеров, нежели те стандартные, которые обычно фигурируют в качестве примеров в подобного рода дискуссиях (к примеру, «*позитивное отношение*», «*агрессивное отношение*» или «*небрежное отношение*»).

Конечно, мы всегда должны быть уверены в том, что у любого человека, с которым мы говорим о том или ином отношении, сам термин «*отношение*» всегда вызывает реакции, которые укладываются в то же по своей сути определение. Это необходимо по той причине, что если в лучшем случае понятие «*отношение*» остается вербальным ярлыком для совокупности наборов стимулов и неоднократно ими вызываемых паттернов реакций, то в худшем, но более распространенном варианте, термин «*отношение*» остается одним из фиктивных объяснений поведения (многие из которых мы обсудили в гл. 4).

Прежде чем обращаться к ценностям, правам, этике и морали, давайте рассмотрим проблему измерения в исследованиях отношений и некоторые из способов ее решения. Феномен, неоднократно наблюдавшийся представителями многих направлений, состоит в разрыве между вербальным поведением, измеряемым в основанных на использовании опросников и анкет исследованиях, и невербальным поведением, оцениваемым в иногда проводимых впоследствии наблюдениях. Иначе говоря, «то, что люди говорят, что они будут делать, часто не совпадает с тем, что люди делают на самом деле».

Различными способами и в различных форматах, но почти всегда в субъектной ⁴ форме, людей спрашивают: «Что бы вы сделали в таких-то и таких-то условиях или обстоятельствах?». Это, конечно же, субъектная версия вопроса, который мы могли бы сформулировать по-научному: «Какова прогнозируемая степень побудительных влияний таких-то и таких-то условий или обстоятельств на “ваше” поведение?». В любой из этих форм вопрос вызывает: 1) имеющие нервную природу реакции сознания, описываемые нами как оценка вероятности побудительных влияний стимулов, фигурирующих в вопросе (т. е. «таких-то и таких-то условий или обстоятельств») и 2) вербальный отчет об этой оценке. Иногда исследователи наблюдают впоследствии за своими испытуемыми для оценки реальной встречаемости того поведения, которое должно измеряться опросником или анкетой. Как бы то ни было, данные этих опросников и анкет, ориентированных на измерение вербального поведения, часто не совпадают с результатами наблюдений, направленных на оценку невербального поведения. В силу того, что результаты исследований, проводимых с помощью анкетирования, вызывают определенные паттерны управленческих решений и другие поведенческие изменения со стороны тех, кто – зачастую наряду с широкой публикой – оплачивает проведение исследований, эти расхождения между вербальным и невербальным поведением могут приводить к негативным последствиям.

Возможно, лучшим способом предотвращения таких негативных последствий, проистекающих из нераспознанных расхождений между вербальным и невербальным поведением респондентов, является измерение обоих. По мнению некоторых, еще более удачным решением – если интересующее нас поведение не является исключительно *вербальным*, обнаруживающим себя в качестве ответов на предлагае-

⁴ Предполагающей наличие упоминаемого выше «внутреннего субъекта» (примеч. пер.).

мые респондентам вопросы – будет отказ от использования опросников и анкет и перенаправление усилий (и средств) на более тщательное наблюдение и измерение фактического поведения, вызывающего у нас интерес. Теперь давайте перейдем к ценностям, правам, этике и морали.

Ценности, права, этика и мораль

Многие из понятий, которые мы рассматриваем в этой главе – а именно понятия ценностей, прав, этики и морали – связаны друг с другом по принципу своеобразного крещендо⁵ сложности. На протяжении тысяч лет эти темы вызвали вопросы и порождали дискуссии. Хотя обсуждаемые нами ответы не являются исчерпывающими, они, по крайней мере, научно обоснованы. Мы начнем с ценностей, поскольку они напрямую связывают вышеозначенные понятия с измеримыми переменными в преобладающих контингенциях (см.: [Skinner, 1953; 1971]).

Ценности

Говоря упрощенно, *ценности* – это подкрепители. Однако для многих людей контингенции скрывают данный факт. Пока не возникнут контингенции, обуславливающие такое достоверное понимание, все то же лишенное научного фундамента культурное обуславливание, которое вызывает проблемы и в случае отношений, будет принуждать людей реагировать на термин «ценность» не как на простую характеристику различных объектов, действий, людей и т. д., а как на понятие, относящееся к чему-то, чем обладает внутренний субъект. В рамках привычных субъектных представлений о поведении субъект (любого рода) заставляет тело осуществлять поведение, согласующееся с имеющимися ценностями или ценностными характеристиками. Мы, конечно же, осуществляем экзорцизм идеи внутреннего субъекта как недостойной с научной точки зрения и отвергаем фиктивные объяснения поведения.

Еще раз, говоря упрощенно, *ценности* – это подкрепители. Вещи, которые мы ценим, в которых нуждаемся, которые высоко ставим, которыми дорожим, к которым поддерживаем наш доступ и т. д., функ-

⁵ Крещендо (*crescendo*) – музыкальный термин, означающий усиление звука, постепенный переход от тихого звучания к громкому (примеч. пер.).

ционируют как подкрепляющие стимулы. К примеру, мы часто сталкиваемся с относительно простыми стимульными обстоятельствами, такими как поиск стимула, служащего подкрепителем для улучшения поведения бедного и голодного студента. Данная ситуация заставляет нас задать этот, казалось бы, узкий вопрос: «Что подкрепляет поведение этого студента?». Благодаря некоторому наблюдению мы можем открыть один или два доступных нам типа стимулов, которые выполняют эту функцию и тем самым отвечают на наш вопрос. Ответ также рассказывает нам нечто о том, что этот студент ценит, хотя в качестве ценностей подкрепители могут быть весьма комплексными по характеру. Допустим, широкий набор стимулов (который нам нет нужды здесь конкретизировать) заставляет нас задать вопрос, кажущийся более широким: «Каковы ценности этого студента?». Опять же, благодаря некоторым наблюдениям, мы можем открыть и составить внушительный список его или ее ценностей. Когда мы изучим этот список, мы обнаружим, что он содержит наименования множества стимулов, подкрепляющих его или ее поведение, начиная с денег и еды. В конце концов, для какого бедного и голодного студента деньги и еда не будут служить подкрепителями? Возможно, вы подумали, что под «бедным» я имел в виду, что студент бесталанен или ленив, а не является неимущим.

Но помимо денег и еды, в этом списке ценностей может появиться широкий перечень дополнительных стимулов, включая актуальные и исторически сформированные, каждый из которых может выступать в качестве подкрепителя для поведения студента. К примеру, в перечне мы могли бы найти удобное жилье, честных друзей, справедливых и компетентных преподавателей, тихое место для занятий, мощный компьютер, хорошую аудиосистему и много музыки. Мы также могли бы найти в перечне различные возможности – возможности организовать, участвовать или посещать развлекательные мероприятия (например, концерты, оперы, спектакли, фильмы) и возможности для реализации своих навыков, связанных с досугом или же практических. В их число могут входить навыки игры на музыкальном инструменте, изначально обусловленные в средней школе контингенциями, связанными с пребыванием в ансамбле, или навыки стрельбы по мишеням, обусловленные в старшей школе контингенциями, связанными с участием в команде, или охотничьи навыки, изначально обусловленные регулярными поездками с родственниками – поездками, после которых еда оказывается на столе и в холодильнике. Мы даже можем найти в перечне большой, мощный, безмерно безопасный автомобиль,

который надежен, несмотря на большой расход бензина; по-видимому, в случае этого студента необходимое социальное обусловливание еще не превратило как можно меньший углеродный след в подкрепляющий стимул. Все эти вещи могут составлять часть ценностей студента, часть его или ее подкрепителей.

Теперь давайте взглянем на этот список еще раз. Кажущийся более широким вопрос (т. е. «Каковы ценности студента?») по своему существу оказывается тем же, что и вопрос, предположительно являвшийся более узким (т. е. «Что подкрепляет поведение студента?»). Оба вопроса касаются подкрепителей студента и его ценностей, а это одно и то же. То, как много или мало из них появится в списке, имеет мало значения. Подкрепители – это вещи, которые он или она ценит, и, наоборот, ценности – это его или ее подкрепители. Это применимо к каждому. Вы можете убедиться в этом, составив еще несколько списков. Держа в уме, что поведение, как и реальные события, способны выступать в роли стимулов, составьте перечни стимулов, подкрепляющих ваше поведение и поведение хорошо вам знакомого приятеля, перечень, относящийся к тому, кого вы знаете плохо, и перечень, относящийся к участникам тематической группы. В каждом случае вы увидите, что перечень того, что кто-либо ценит, повторяет перечень их подкрепителей. Ценности – это подкрепители.

В качестве наблюдения вы также можете заметить, что перечни становятся короче, если вы составляете их в описанном выше порядке. Вы можете быть хорошо знакомы с длинным списком ваших ценностей и ценностей ваших друзей – ценностей, которые вы, скорее всего, разделяете – в то время как в случае плохо знакомых вам людей вы сможете заметить лишь несколько ценностей, а в случае определенной группы людей, возможно, вы распознаете лишь одну, главную, всеми ими разделяемую ценность. Эта главная ценность, главная вещь, подкрепляющая поведение всех членов группы как целого, вероятнее всего фигурирует в названии группы. К примеру, что является главной ценностью – главной вещью, подкрепляющей поведение всех участников группы как единого целого – в случае группы, именующей себя «Союз за смерть с достоинством»?

В качестве альтернативы, некоторые определяют ценность как *поведение*, которое производит подкрепитель. Это превращает чьи-либо ценности в формы поведения, которые производят чьи-либо подкрепляющие стимулы. Следуя нашему первому определению, если незначительный углеродный след находится среди стимулов, подкрепляющих ваше поведение, то одной из вещей, которые вы цените,

будет незначительный углеродный след. Согласно второму определению, вместо этого одной из ваших ценностей будут формы поведения, которые порождают такой углеродный след. Тем не менее общепринятые формулировки в отношении ценностей подразумевают, что последние являются стимулами; поэтому я предпочитаю наше первое определение – то, которое мы и используем здесь по мере перехода к обсуждению прав, этики и морали.

Перед этим, однако, следует признать, что мы рассматриваем лишь ценности, которые являются *безусловными* подкрепителями, включающими необходимые для индивидуального и видового выживания стимулы (к примеру, еда, вода, секс) как ценные по своей сути, *абсолютные* ценности (хотя, как мы увидим, даже среди них есть как минимум частичные исключения). Другие ценности приобретают свой статус через процесс обусловливания, ассоциирование, которое обуславливает подкрепляющую функцию стимулов, в иных случаях не являющихся таковыми (т. е. изначально нейтральных). Этот процесс заставляет данные стимулы функционировать как условные подкрепители, и поэтому также делает их ценностями, но уже относительными, поскольку без такого ассоциирования они не функционируют ни как подкрепители, ни как ценности. Данное различие скоро обнаружится в дихотомии абсолютных и относительных прав, а также этики и морали. Давайте теперь обратимся к правам.

Права

В то время как термин «*ценности*» относится к подкрепителям, термин «*права*» относится к доступу к ценностям, к подкрепляющим стимулам. Учитывая эту связь с физической, измеримой реальностью, включающей поведение и контингенции, мы можем сосредоточить наше внимание на правах (а чуть позже – этике и морали) как явлениях, доступных рассмотрению через призму научных представлений, которые мы постулируем в рамках естественной науки о поведении. Мы определяем право как беспрепятственный доступ к ценности, к подкрепляющему стимулу. Это определение связано с контингенциями – зачастую в виде депривации или принуждения – которые вызывают определенные формы вербального поведения, формы, которые мы называем требованиями соблюдения прав. Они часто принимают форму требований беспрепятственного доступа к ценным подкрепителям (см.: [Vargas, 1975]; также см.: [Krapfl & Vargas, 1977]). Контингенции депривации или принуждения также вызывают и не-

вербальное поведение в виде особой деятельности по поддержанию прав и получению подкрепителей, часто вовлеченной в процесс реализации прав. Обычно мы интерпретируем право как абстракцию, в то время как требования соблюдения прав или их реализация представляют собой более явные поведенческие события.

Если рассматривать права чуть более пристально, можно заметить, что при аккумуляции депривации или в случае, когда что-либо выступает в качестве принуждения, вставая на нашем пути к подкрепляющему стимулу, мы заявляем, что доступ к подкрепителю является нашим правом. Иногда мы требуем право доступа индивидуально, а в других случаях – будучи членами группы. Иногда право относится к незамедлительному и личному подкрепителю, а в других случаях – к отсроченному и традиционному. Примером права на незамедлительный, личный и индивидуальный подкрепляющий стимул может быть ситуация, в которой некто, вернувшись домой уставшим после тяжелой рабочей смены, будет претендовать – в качестве права – на доступ к периоду тишины и покоя в доме, где обычно шумят дети и грохочут аудиосистемы, радиоприемники, телевизоры или компьютеры. Примером права на сформированный группой и отсроченный подкрепитель является то, как после правительственного запрета на самозащиту или защиту близких (обстоятельство, которое может быть описано некоторыми как депривация и принуждение одновременно) группа законопослушных горожан, затронутая этим запретом, может дружно потребовать восстановления этого права на самооборону. Затронутая группа в таком случае действительно включает всех, хотя не все участвуют или даже не всегда понимают общую долгосрочную заинтересованность в деятельности группы. Достаточно посмотреть на историю двадцатого века, чтобы убедиться в том, что многие примеры тиранического поведения начинались с разоружения населения – осуществляемого зачастую не самим тираном – в силу каких-то веских причин, после чего тиран куда легче приходил к власти над обезоруженным населением. Тем не менее история знает крайне мало примеров, когда такие тираны очень долго оставались на вершине. Тираническое принуждение все равно рано или поздно вызывает полномасштабную волну противодействия.

Помимо описанных возможностей существует множество прав, обусловленных историей наших индивидуальных или групповых контингенций, включая контингенции национальной политики; достаточно вспомнить Билль о правах и поправки к Конституции США. Мы говорим, что человек реализует право, когда стимулы вызывают

формы поведения, порождающие подкрепляющие ценности, к которым и относится право. Как бы то ни было, не обязательно реализовывать право, чтобы выдвигать требования относительно соответствующих подкрепителей. К примеру, все законопослушные граждане США могут выдвигать разумные требования, связанные с личным конституционным правом на хранение и ношение оружия (гарантированным Второй поправкой); однако лишь часть этих граждан может реализовывать данное право в тот или иной промежуток времени.

Действительно, не всем заявляющим о праве на беспрепятственный доступ к ценным подкрепляющим стимулам необходимо реализовывать это право в качестве единственного способа получения выгоды. Например, ФБР (Федеральное бюро расследований) приводит статистику за 2011 г. (наиболее свежую в момент написания книги), демонстрирующую продолжающееся снижение количества преступлений с применением насилия в целом и убийств в частности более чем на 50 %, до сорокалетнего минимума, за 20 лет – период, в течение которого количество штатов, принявших законы о ношении скрытого оружия, превысило 40. Эти тенденции типичны для штатов, реализующих законы, поддерживающие Вторую поправку. Обратные тенденции типичны для штатов, правительства которых вводят законы, по существу своему требующие, чтобы взрослые граждане и дети становились жертвами – ранеными, изнасилованными, искалеченными или убитыми – если местная полиция оказывается не в состоянии добраться до места преступления до того момента, как в ходе преступления гражданину будет причинен вред. С формальной точки зрения, хотя некоторые могут утверждать, что эти данные описывают лишь корреляционные связи, другие могут утверждать, что законодательные органы штатов уже организовали и провели воспроизводимые и обоснованные аналоги экспериментальных исследований, в силу чего эта статистика отражает функциональные зависимости. В любом случае, мы можем оценить с научной точки зрения выводы и следствия. Все граждане выигрывают, когда криминальная активность снижается в результате – или хотя бы при наличии – законов, которые признают право на ответственную самооборону с применением оружия, как в случае законов о ношении скрытого оружия, принятых в большинстве штатов. В этих штатах любая потенциальная жертва может оказаться законопослушным гражданином, имеющим при себе скрытое огнестрельное оружие для самозащиты, в силу чего – благодаря процессам, подобным генерализации – все потенциальные жертвы, независимо от наличия у них оружия, становятся ме-

нее побудительными для незаконных форм поведения преступников или потенциальных преступников.

Групповые преимущества зачастую значительно превышают отдельные индивидуальные неудобства – предположим, от несчастных случаев, связанных с оружием, число которых, согласно правительственной статистике, стабильно снижалось на протяжении десятилетий непрерывных и широко распространенных программ обучения граждан безопасному обращению с огнестрельным оружием (если вы самостоятельно изучите правительственные отчеты в местной библиотеке или на правительственных веб-сайтах, то получите самые свежие статистические данные, соответствующие этим сохраняющимся десятилетиями тенденциям). Помимо правительств, применение санкций или принятие мер для защиты прав осуществляется и другими группами. Возможно, наиболее примечательными из них являются религиозные объединения и корпорации (см., например: [Skinner, 1953, гл. 21–26]).

Другой набор прав, который необходимо реализовывать всем и относительно доступа к которому все могут выдвигать требования, относится к экологической сфере и включает права на чистый воздух и питьевую воду, на здоровую атмосферу и неповрежденный озоновый слой, на свободную от пестицидов еду и безопасное перемещение, на возможность вторичной переработки и экологичный образ жизни, на уровень населения, соответствующий ресурсам планеты и т. д. Учитывая долгосрочный характер потребностей человечества в таких правах, давайте оставим их в поле нашего внимания даже после перехода к рассмотрению этики и морали.

Этика

В то время как понятие «ценности» относится к подкрепителям, а понятие «права» – к доступу к ценностям (т. е. требованиям свободного доступа к подкрепляющим стимулам), понятие «этика» относится к поведению, заключающемуся в соблюдении этих требований беспрепятственного доступа к ценным подкрепителям. Действительно, мы определяем этику и этическое поведение как поведение, уважающее требования соблюдения прав. Те, кто уважает наши требования, заслуживают ярлык «этичных» – или, скорее, их поведение, состоящее в соблюдении наших требований, заслуживает ярлык «этичного поведения», и мы ценим этичность, которую они «демонстрируют», соблюдая наши требования.

*Вербальные сокращения*⁶ для тел, опосредующих ответы. Скорее всего, к настоящему моменту едва различимый субъектный характер построения последнего предложения вызывает у некоторых читателей реакции наморщивания лба или раздражения, поскольку они знают, что не существует внутренних субъектов, которые бы выражали этичность или приказывали телу выказывать уважение по отношению к требованиям соблюдения прав. Тогда что же вызывает эту, казалось бы, субъектную формулировку? Возможно, сложность рассматриваемых тем заставляет автора распространить статус допустимых вербальных сокращений на такого рода формулировки ради экономии места, как упоминалось в предшествующих главах; или, возможно, автор находится под влиянием контингенций, заставляющих избегать написания десятков страниц, продолжающих развитие бихевиорологической грамматики, обеспечивающей большую экономность, но являющейся отступлением от темы. Более вероятно, что субъектная формулировка в вербальном сокращении как для автора, так и для читателя возникает из более обыденных, но научно обоснованных источников. Примем во внимание, что если некоторое поведение существует только в течение своего протекания, то тело существует до, во время и после протекания этого поведения, опосредуемого им благодаря побудительному влиянию соответствующих стимулов. Таким образом, благодаря простому респондентному обусловливанию, неизбежно происходящему, когда поведение протекает в присутствии тела, и поведение, и тело – а позднее, возможно, только тело – вызывают у нас экономящие энергию вербальные сокращения. Успех этого обусловливания приводит к тому, что «я», «мы» и другие личные местоимения относятся теперь не к внутренним субъектам, а просто к телам, опосредующим ответы, и это тот вариант использования, которого мы продолжаем придерживаться. Подкрепляющая ценность этой правильной научной формулировки ведет к обусловливанию более правильного вербального поведения в общем и к требованиям соблюдения прав в отношении более точного вербального поведения; ваше и мое использование местоимений в таком ключе, со ссылкой на тела, опосредующие ответы, не только позволяет снизить количество отвлекающих формулировок в пассивном залоге, но также дает нам один тип бессубъектного активного залога как части новой, более дружественной для науки грамматики. Давайте применим это

⁶ В оригинале – ‘shortcuts’, т. е. «ярлыки», ссылки на элементы, доступные в сети или на компьютере (примеч. пер.).

на практике для объяснения основного положения, касающегося этики. Хотя стимулы вызывают маркировку кем-то (т. е. опосредуемую его телом) тех, кто уважает (т. е. тел, которые опосредуют уважение) наши требования соблюдения прав, как *этичных*, лишь только поведение соблюдения этих требований на самом деле заслуживает ярлыка *этичного поведения*. Избавление от внутренних субъектов позволяет надлежащим образом использовать экономичные местоимения.

Этические сообщества. Поскольку при дальнейшем обсуждении будет использоваться понятие «*этическое сообщество*», давайте дадим ему определение. Мы определяем этическое сообщество как группу людей, разделяющих уважение к одному или более правам, которые являются общими для всех. Хотя сам ярлык появляется только сейчас, мы уже сталкивались с этическими сообществами; вспомним ту широкую группу законопослушных граждан США, разделяющих уважение к гарантированному Второй поправкой конституционному праву лиц на хранение и ношение оружия. Они составляют этическое сообщество. Мы можем с легкостью распознать другие большие и малые этические сообщества, иногда поддерживающие друг друга или перекрывающиеся, в других случаях нейтральные по отношению друг к другу, а иногда – находящиеся в конфликте или конкурирующие иным образом. На одном конце спектра таких групп вы можете найти, к примеру, группу, которая уважает право владельца жилого комплекса на утилизацию старых унитазов путем использования их в качестве уличных цветочных горшков, в то время как другая группа уважает права других (к примеру, туристов) на то, чтобы не омрачать подобными горшками процесс осмотра достопримечательностей. Где-то еще на общем континууме этических сообществ вы можете найти группу, уважающую права животных на сохранение их естественной среды обитания; группу, уважающую права детей на эффективное образование; группу, уважающую права пациентов и клиентов с нарушениями поведения на эффективное лечение; группу, уважающую права людей на заработок и наслаждение прожиточным минимумом; вы даже можете найти маленькую группу, уважающую права ее участников на то, чтобы брать все, что им вздумается, у других (хотя большая группа, у которой они забирают, что хотят, называет их преступниками); и, среди множества других групп, уважающих различные права, вы найдете большую группу, уважающую права человечества на защиту родной планеты от перенаселения, загрязнения и т. д. Все они, равно как и многие другие, являются этическими сообществами.

В случае другого воздействия на этику со стороны респондентного обусловливания принуждение – возможно, в форме практик карательного правоприменения – респондентно обусловливает негативные эмоциональные реакции, особенно членов группы, на стимулы, которые сопровождают ответы, не уважающие этику сообщества. Как результат, даже легкие отклонения от обусловленных принятых практик этического сообщества автоматически вызывают эти аверзивные эмоциональные реакции, от которых можно сбежать только путем возвращения к этическим практикам группы и их поддержания. К примеру, после масштабного и иногда встречающего сопротивление оперантного и респондентного обусловливания в течение жизни и обучения в медицинской школе врач может испытывать сочувствие к неизлечимо больному пациенту, просящему помощи в том, чтобы устроить для себя более ранний и более достойный конец, нежели ожидание гарантированного и крайне мучительного исхода. Даже перед рассмотрением подобного варианта сам вопрос, противоречащий этико-правовым аспектам обусловливания, полученного благодаря медицинскому образованию, вызывает сильные негативные эмоции. Учитывая историю обусловливания врача, эти обстоятельства вызывают приемлемые с медицинской точки зрения шаги – такие, как медикация, вводящая пациента в ступор, сохраняющийся по мере того, как иные процессы приводят к более ранней или менее болезненной кончине. Пациент умирает с меньшим достоинством, но врач избегает не только аверзивных эмоциональных реакций, но и обвинений в неэтичном поведении, которые могут привести к тюремному заключению. То, что другие будут настойчиво возражать против подобного наказания, будет слабым утешением для посаженного в тюрьму врача (если вам интересны эти темы, Лоренс Фрейли [Fraley, 2012] подробно к ним обращается в книге 2012 г. «Умирание с достоинством – бихевиорологическая танатология» / *Dignified Dying – A Behaviorological Thanatology*).

Также обратим внимание на автоматическое обусловливание позитивных эмоциональных реакций – в особенности, участников группы – на стимулы, сопровождающие ответы, уважающие этику сообщества. Примерами могут быть эмоции, испытываемые как чувства успеха и причастности, вызываемые стимулами, которые указывают на уважение ваших ценностей другими. То же самое обусловливание заставляет сходные стимулы вызывать эмоции, испытываемые как чувства внутригруппового товарищества, солидарности и взаимной поддержки.

Мы познакомились с некоторыми аспектами того, как естественная наука рассматривает этику (также ценности, права и – чуть далее – мораль). К их числу относится связь этики с респондентными процессами – через ассоциирование тела и поведения – и обусловливание позитивных и негативных эмоциональных реакций на стимулы, ассоциируемые с этичным и неэтичным поведением соответственно. Также к ним относятся некоторые связи между оперантным обусловливанием и этикой – опосредуемые правами, ценностями, добавляемыми и вычитаемыми подкрепителями – обнаруживающие себя в виде снижения негативных эмоций после того, как стимулы вызывают поведение избегания. Все вышеозначенное показывает, что, как и в случае всего нашего поведения, этическое поведение является функцией переменных, действующих в прошедших и актуальных оперантных и респондентных контингенциях. Отчасти поэтому в гл. 1 мы назвали бихевиорологию естественной наукой о философии, разделе, в котором обычно фигурируют темы, связанные с древними вопросами человечества, и области, образованной вербальным поведением, с которым имеет дело бихевиорология. Ни одно мистическое представление не получает статус надлежащего объяснения ценностей, прав или этики.

То же применимо и к морали. Тем не менее прежде чем мы перейдем к этой теме, давайте рассмотрим еще один из множества аспектов этики, который мог бы быть включен в обсуждение куда более детальное, нежели наше эскизное ознакомление. Большая часть нашего обсуждения пока что касалась этики среди людей, обладающих равным статусом. Но что насчет ситуации, когда кто-то получит какого-либо рода власть над остальными? Вспомним, что этика касается соблюдения прав других, уважения требований других насчет беспрепятственного доступа к их ценностям, к вещам, которые они ценят, их подкрепляющим стимулам. Но те, кто облечены властью, легко могут не соблюдать права тех, кто находится ниже по статусу. Они могут проявлять неуважение к их правам, организуя или допуская вмешательства в права других – как оставляя собственные права без изменений, так и увеличивая свой доступ к собственным подкрепителям.

Что может предотвратить подобное злоупотребление властью? Необходимые, но противоречащие друг другу этические положения (например, право на неприкосновенность частной жизни) ограничивают доступ общества к переменным, которые могли бы предотвратить неэтичные проявления власти. И все же СМИ регулярно сообщают о начальниках, которые пользуются своими подчиненными. Однако

в возникающих в итоге общих социальных контингенциях находятся переменные, которые порождают первичные, почти абстрактные, но недостаточно мощные этические положения, направленные против таких злоупотреблений. Эти переменные включают в себя опыт практически каждого, когда кто-то, имеющий власть над ними, вел себя таким образом, что нарушал их права, обычно – но не всегда – незначительно. Такой опыт может варьировать от ситуации, в которой старший брат-подросток дразнил вас, пряча ваши очки, до ситуации, в которой менеджер оказывает легкое давление на подчиненного, чтобы тот купил ему ланч, или начальника, требующего оказания сексуальных услуг в обмен на продвижение по службе.

Контингенции, в рамках которых почти все переживают опыт нахождения в подобного рода обстоятельствах злоупотребления властью, заставляют людей отвергать поведение, содержащее такие злоупотребления, как в общем (и почти абстрактно) «неэтичное». Большинство правительств принимают законы против наиболее жестоких форм злоупотреблений властью; некоторые даже принимают законы против менее жестоких форм. Хотя эти законы добавляют еще один уровень последствий к нарушениям прав, обычное этическое научение, существующее в обществе, связано с избеганием большинства таких нарушений; в силу этого обусловливания стимулы, свидетельствующие о возникающих посягательствах на чьи-либо права, вызывают негативные эмоциональные реакции. Избегание этих реакций связано с поведением, которое, напротив, соответствует общепринятой этике. Таким образом, контингенции вызывают некоторое сопротивление извлечению преимуществ из властных отношений ради усиления чьих-либо подкрепителей ценой нарушения прав других. Большинство профессий также требует прохождения этических курсов или непрерывного обучения в этой области для поддержания эффектов этического обусловливания.

Как бы то ни было, продвижение в глубину «общей этики социума» в действительности все ближе продвигает нас к сфере морали. Когда правовых видов этического контроля оказывается недостаточно для обеспечения соблюдения норм, общество начинает обращаться к морали и моральности, чтобы закрыть эту брешь. К несчастью, перевод поведения из категории «неэтичного» в категорию «аморального» не только позволяет увеличить принудительную силу, но также и предоставляет некоторые опасные возможности для проявления насилия и злоупотреблений.

Мораль

В педагогических целях повторим, что понятие «ценности» относится к подкрепителям; понятие «права» относится к доступу к подкрепителям, которые являются ценностями; понятие «этика» относится к поведению, состоящему в уважении требований соблюдения прав на беспрепятственный доступ к ценным подкрепителям. Следующим в этой последовательности «ценности – права – этика» является понятие «мораль», относящееся к этическим положениям, ставшим абстракциями, что может влиять на их связь с реальностями контингенций, на которых основываются ценности, права и этика.

Этическое поведение не только соблюдает требования других, но, по мере обобщения сферы действия входящих в контингенции процессов, некоторые их аспекты приобретают статус *характеристик* стимулов, в особенности тех характеристик, которые не могут существовать обособленно. Наше вербальное обусловливание тогда заставляет нас говорить об этом новом статусе как *абстракции*. Данный феномен выходит за обусловленные границы нашего понятия «этика» и приводит к возникновению иного понятия. Обусловленным термином для обозначения этики на абстрактном уровне является «мораль».

Все более сложные контингенции регулярно создают функциональные стимулы из стимульных характеристик, не существующих изолированно. Обусловливание, производящее абстракции, тем не менее, действует задолго до того, как этическое обусловливание достигает абстрактных уровней. К примеру, раннее обусловливание оставляет различные поведенческие проявления детей под контролем цветов. Цвета – это характеристики, способные создать стимул *в совокупности с другими характеристиками*, но сам цвет не может существовать изолированно. Просто попросите кого-нибудь дать вам красное и только красное, но не нечто красное. Красное «нечто» совмещает характеристику «красноты» с другими характеристиками, в совокупности составляющими стимул, который вам могут дать (например, красную шапку или красную чашку), но краснота не может существовать сама по себе. Даже говоря об этом, мы демонстрируем разные реакции. Когда условия вызывают наше вербальное поведение, которое связано с этой характеристикой, проявляющейся *наряду с другими характеристиками*, мы говорим «красное»; но когда вызываемое условиями вербальное поведение касается этой характеристики, гипотетически *независимой от других*, мы говорим о «красноте».

Когда характеристика стимула не может существовать изолированно, когда она не может реально существовать в отрыве от других характеристик стимула, мы используем термин «*абстракция*». Вы можете отнести это к широкому перечню стимульных характеристик, каждую из которых, когда они не могут существовать независимо, мы называем абстракциями.

Вот пример этического обусловливания, достигающего точки, в которой этика становится абстрактной и позволяет говорить о морали. Когда вы были маленькими, ваши родители могли начинать с предписания не дразнить вашего брата; плохое отношение к брату представляло собой неэтичное поведение. Последующее этическое научение приводило к возникновению этического поведения, состоявшего в хорошем отношении ко всем членам семьи; это позднее распространялось на людей и домашних животных по соседству, в школе, в городе и т. д. На этом этапе плохое отношение к кому-либо из них означает неэтичное поведение. Если такой набор обусловленных этических дополнений продолжит разрастаться, он может достичь точки, в которой станет более абстрактными предписаниями о том, что нравственным является хорошее отношение к любому живому организму где бы то ни было, а причинение вреда аморально. Такое научение (т. е. обусловливание) превращает конкретные этические нормы в абстрактную мораль, которая не знает исключений.

Абстракция, превращающая подобные этические положения в мораль, зачастую порождает парадоксы. Примером может служить использование вами антибиотиков ради спасения жизни, на которую вы имеете право – это одновременно этично (поскольку уважает ваши требования соблюдения прав на ценный подкрепляющий стимул в виде лекарства от инфекции, угрожающей вашей жизни) и аморально (поскольку требует уничтожения микроорганизмов, ответственных за возникновение инфекции)? Вскоре мы увидим еще более веские причины для некоторой настороженности в отношении излишней переоценки роли морали.

Скачок от этики к морали также частично происходит из обусловливания стимульных связей между моралью и другими абстрактными понятиями. Это обусловливание заставляет слово «*нравственный*» вызывать реакции, сходные с теми, что вызывает слово «*добро*». Слово «*зло*» вызывает противоположные реакции, схожие, в свою очередь, с реакциями, которые вызывает слово «*аморальный*». Все это абстракции; они не могут существовать в отрыве от дополнительных характеристик стимулов. Дальнейшее развитие это получает в дихо-

томиях близких по смыслу слов – таких, как приемлемое и неприемлемое, дозволенное и недозволенное, допустимое и недопустимое.

Наше обусловливание также приводит нас к тому, что мы реагируем на стимулы, контролирующие эти связанные с моралью дихотомии, как на внутренние качества. Это отличает их от этики, поскольку мы реагируем на поведение как этическое или неэтическое на основе внешних критериев, связанных с конкретными требованиями соблюдения прав. Мы можем оценить этическое поведение как фактически соответствующее требованиям, и мы можем оценить неэтическое поведение как фактически противоречащее им. В любом случае, определение этического или неэтического полагается на конкретные внешние критерии. Тем не менее обусловливание побуждает нас по-разному реагировать на моральное и аморальное поведение на основании (т. е. под контролем связанных с этим побудительных стимулов) того, соответствует ли поведение неким общим, внутренним характеристикам принадлежности к добру и злу соответственно, характеристикам, которые обусловливание сделало функциональными, но которые не могут существовать сами по себе. Этот абстрактный статус морали как вербального стимула в некоторой степени отрывает ее от контингенций, ее производящих, что может привести к проблемам – подобно тому, как к проблемам могут привести правила, которые больше не отражают описываемые в них контингенции, поскольку последние изменились.

Другой связанный с этим результат обнаруживается, когда мы сравниваем этику и мораль. *Изменение в обстоятельствах*, которое мы можем измерить, может привести к изменению нашей оценки конкретного поведенческого проявления с этического на неэтическое, и наоборот. Однако как только процессы обусловливания вынуждают классифицировать поведение как моральное, мы продолжаем реагировать на поведение как хорошее по своей природе *независимо от изменения обстоятельств*. Аналогичным образом, как только контингенции устанавливают оценку некоего поведения как аморального, мы продолжаем реагировать на него как плохое по своему существу независимо от изменения обстоятельств. Мораль, распространяясь и расширяясь дальше, может участвовать в обусловливании большого количества людей, и все они могут затем быть вовлечены в наказание аморального поведения. Тем не менее из-за упомянутого ранее абстрактного характера изменений, происходящим в конкретных этических контингенциях, стоящих за моральными положениями, часто не удается вызвать соответствующие изменения в соответствующую

щих моральных предписаниях. В результате многие люди наказывают как аморальные те поведенческие проявления, которые на самом деле являются этичными. К примеру, многие сейчас наказывают как аморальные формы поведения, связанные с гуманными, этичными попытками снизить население земли до более стабильных уровней.

Кроме того, моральное поведение всегда происходит в связи с телом, которое его опосредует, поэтому присущая ему добродетельность распространяется на тело посредством обычного процесса ассоциирования. Благодаря нашему культурно обусловленному предпочтению, отдаваемому представлениям о наличии внутренних субъектов, присущая теперь телу добродетельность распространяется еще дальше – на «личность», которую мы затем считаем внутренне добродетельной, что вызывает еще лучшее отношение к его или ее нравственному поведению. То же относится и к аморальному поведению, когда внутренняя порочность распространяется сначала на тело, а затем на «личность», которую мы считаем внутренне порочной, что вызывает еще худшее отношение к его или ее аморальному поведению. Это демонстрирует нам увеличение принудительной силы, на которое мы ссылались ранее. Когда подкрепляющие стимулы начинают зависеть от силового навязывания статуса поведения, которое властная группа считает неэтичным, это обстоятельство вызывает у нее вербальное поведение, состоящее в требованиях изменения характеристики поведения с «неэтичного» на «аморальное» для всей культуры. Поскольку аморальное поведение остается абстрактно порочным независимо от обстоятельств, такое изменение позволяет и даже поощряет более радикальные формы насаждения текущей морали, что открывает двери для беспрепятственных и – слишком уж часто – долговременных санкций за, возможно, неверно истолкованные нарушения морали. Мы называем их «возможно, неверно истолкованными», поскольку моральные предписания являются продуктом процессов поведенческих контингенций и не высечены на камне. Они могут стать пагубными, когда сменяются контингенции. Они могут стать пагубными подобно тому, как правила становятся все менее полезными, и даже вредными, когда контингенции, устанавливаемые или описываемые правилами, изменяются – как мы выяснили в конце гл. 12.

Такого рода события должны быть для вас красными флажками, сигнализирующими об опасности. Однако более пристальное внимание к ним переместит нас на уровни детализации, которые не подходят для нашего вводного анализа. И все же подобного рода детали

помогают прояснить степень предпринимаемого бихевиорологией естественно-научного анализа ценностей, прав, этики и морали, поэтому я призываю вас изучать их через ссылки – в частности, на гл. 25 написанной в 2008 г. книги Фрейли «Общая бихевиорология» / *General Behaviorology* [Fraleu, 2008] (см. также: [Fraleu, 2012]).

Но прежде чем подвести итоги и завершить данный раздел, давайте повторим, что предположения о наличии некоторой внутренней добродетельности или порочности «личности» означает также неверное истолкование «личности» как мистического внутреннего субъекта (или представителя такого рода внутреннего субъекта). Вместо этого, придерживаясь научной точки зрения, мы понимаем «личность» как потенциальный и актуальный поведенческий репертуар, посредником которого может выступать тело благодаря генетике и истории обусловливания – это тот тезис, к которому мы вернемся в последующей главе. Сейчас, как бы то ни было, понимание личности как внутреннего субъекта иллюстрирует для нас некоторые из распространенных возражений в адрес бихевиорологии, зачастую ошибочно утверждающихся сначала на уровне этических проблем, а затем на уровне моральных соображений, который имеет тенденцию вызывать осуждение со стороны культуры – осуждение, которое приводит к неблагоприятным последствиям в той мере, в какой выживание человечества полагается на бихевиорологию. Естественные науки по определению исключают мистические представления из своих объяснений, и в рамках бихевиорологии это означает исключение внутренних субъектов из объяснений поведения. Поэтому кто-либо, чье обусловливание вызвало принятие представлений о внутреннем субъекте, выражает категорическое несогласие с бихевиорологией не исходя из технических, интеллектуальных или научных соображений, а на моральных и связанных с ними эмоциональных основаниях. Претензия звучит следующим образом: «Как смеют эти бихевиорологи противопоставлять свою естественную науку общепринятой моральной реальности, в которой не только наш мистический, теологический макси-бог перемещает горы, но и наши мистические, светские мини-боги двигают нашими руками и ногами!». Этими мини-богами, конечно же, являются внутренние субъекты любого рода. Такие люди воспринимают идею внутреннего субъекта как нечто хорошее; в конце концов, все началось с теологических представлений о душе, после чего ярлык сменился на более светские психику, сознание, самость, личность, индивидуальность и т. д. По этой причине они рассматривают бихевиорологический научный экзорцизм внутренних субъек-

тов как нечто автоматически и по своей сути плохое, даже порочное. И традиционные моральные представления о добре и зле обуславливают стремление оставаться на стороне добра, сражаясь со злом. Как и в случае некоторых других, уже принадлежащих прошлому научных взглядов (к примеру, взглядов Дарвина), имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в обществе все еще недостаточно успешно обусловлено сопротивление выполнению этого предписания о борьбе со «злом», достигающего неэтичных, даже аморальных крайностей; к примеру, обратите внимание на выпады против естественных наук в целом и эволюционной биологии и бихевиорологии в частности. Нам нужны перемены, которые бы поспособствовали выживанию. Давайте теперь подведем итоги перед тем, как перейти к последней теме этой главы, верованиям.

Выводы и заключение о подкрепителях в контексте морали

Давайте подведем итоги относительно взаимосвязанной цепочки подкрепляющих стимулов, ценностей, прав, этики и морали. Наши подкрепители являются или становятся нашими ценностями. Стимулы в различных контингенциях вызывают наши утверждения о том, что мы имеем права на неограниченный доступ к этим ценностям, этим подкрепителям. В свою очередь, этика включает в себя уважение наших правовых требований беспрепятственного доступа к нашим ценным подкрепляющим стимулам, а наше обуславливание заставляет нас применять ярлык «*этичных*» по отношению к тем, кто уважает наши требования, и – в дальнейшем – ярлык «*этичного поведения*» по отношению к их поведению, уважающему наши требования соблюдения прав. Далее мы говорим о морали, когда посредством процессов, подобных генерализации и другим расширениям обуславливания, этическое обуславливание достигает точки, в которой этика становится абстрактной, т. е. начинает включать в себя стимульные характеристики, не имеющие самостоятельного существования; это усиливает принудительный потенциал, но ценой риска причинения вреда нашей культуре и перспективам выживания из-за нечувствительности к разумным исключениям и определенного сопротивления необходимым переменам.

В заключение еще раз обратимся к различию между безусловными и условными подкрепителями, поскольку это различие порождает не только дихотомию абсолютной и относительной морали, но и абсо-

лютной и относительной этики, прав и ценностей. Мы рассматриваем безусловные подкрепители, которые, согласно своей роли в видовом и индивидуальном выживании, благодаря генетически определенным нервным структурам выступают как ценные *по своей сути*. С другой стороны, мы рассматриваем условные подкрепители как *относительно* ценные. Мы говорим «относительно», поскольку эти стимулы, изначально не имеющие функций подкрепляющих, приобретают статус ценностей только благодаря процессу обусловливания, наделяющему их функцией условного подкрепления; *без этого процесса они не имеют статуса ценностей*. Так, к примеру, еда и секс ценны по своей сути, в то время как деньги и музыка – всего лишь относительные ценности. Делает ли это еду и секс абсолютными ценностями?

Давайте рассмотрим этот вопрос. Влияя на статус ценностей, разница в происхождении различных подкрепителей проходит красной нитью через всю последовательность рассмотренных понятий, от ценностей к правам, к этике и к морали. Во всех этих случаях мы можем рассматривать только стимулы, которые обладают статусом безусловных подкрепителей и потому имеют статус ценных по своему существу, как претендующие на положение «абсолютных» ценностей, и потому порождающих абсолютные права, абсолютные этические и моральные предписания. Таким образом, некоторые могут утверждать, что, обладая характером безусловности и ценности по своему существу, еда и секс действительно являются абсолютными ценностями (а также правами, этическими нормами и, возможно, моральными положениями). Между тем, другие стимулы, обладая статусом условных подкрепителей, удерживают за собой статус относительных в смысле произвольности или обусловленности; если произошло обусловливание, то появляется статус ценности – а отсюда и права, этического и, возможно, морального предписания, но если обусловливания не случилось, то эти стимулы не являются ценностями, и т. д.

Однако являются ли претензии на абсолютный статус абсолютными? На самом деле, нет. Хотя некоторые стимулы, вызывающие нечто *неотъемлемое*, также вызывают нечто *абсолютное*, само понятие «абсолютное» чревато неточностями. К примеру, статус секса как безусловного подкрепителя ведет к утверждению о том, что продолжение рода (т. е. секс с целью деторождения) является абсолютной ценностью, явно необходимой для выживания вида. В каком-то отношении это верно, и некоторые люди утверждают, что по этой причине культура должна поощрять отношения, поддерживающие

репродуктивный секс как единственную легитимную форму отношений. Но в другом отношении представление о репродуктивном сексе как неоспоримой, абсолютной ценности, необходимой для выживания, является опасной ошибкой. Оставляя в стороне дебаты на темы противостояний свободной любви и нуклеарной семьи, а также гетеросексуальности и гомосексуальности, мы можем увидеть, что секс с целью деторождения – вместо абсолютной ценности, права, этического и морального предписания – является абсолютной катастрофой. Достаточно принять во внимание, что текущий уровень репродуктивного секса между людьми на нашей планете ведет к гибели всего живого на планете, включая человечество. Как упоминалось в одной из предыдущих глав, человеческая популяция уже превышает более чем в полтора раза допустимые возможности нашей планеты. Это не может долго продолжаться, не предвещая катастрофических последствий в значительных, даже непристойных масштабах. Разве это не превращает репродуктивный секс (в противовес другим формам секса) в как минимум серьезную, хотя и частичную, угрозу для выживания вида? Люди всегда будут производить достаточное количество детей для видового выживания. Но (говоря субъектным языком) другие, не нацеленные на деторождение формы секса по обоюдному согласию между взрослыми людьми в данный момент времени вносят вклад в наше видовое выживание, не производя на свет детей и, следовательно, гуманным образом снижая темпы прироста населения. Получаемый в итоге выигрыш для видового выживания повысится в зависимости от того, насколько быстро новая, общая для культуры этика станет поощрять самый широкий спектр не связанных с эксплуатацией отношений, включающих сексуальные практики, не связанные с беременностью. Даже «нулевой прирост населения» сейчас является совершенно неприемлемым вариантом.

Человечество слишком медленно предприняло слишком малое количество шагов по контролю за численностью населения. Будем ли мы просто ждать, пока бедствия не уничтожат два или три миллиарда нас? Условия цейтнота превращают стимулы, *подкрепляющие альтернативы репродуктивному сексу* – а потому снижающие уровень прироста населения – в разумные ценности, права и этические нормы, которые должны быть частью любых экологических мероприятий не только ради сохранения нашего, но и многих других видов, чье выживание связано различными контингенциями паутины жизни с тем, разрушат ли наши действия планету или сохранят ее как безопасное для проживания место. До момента, наступившего приблизи-

тельно сто лет назад, репродуктивный секс был действительно стабильной опорой для выживания нашего вида, но сейчас, *в условиях изменившихся контингенций*, наши наиболее обыденные и архаичные культурные институты все еще решительно пытаются вызвать проблематичные чувства вины, стыда или греховности за любые другие формы сексуальной активности. Тем не менее репродуктивный секс теперь работает против нашего выживания, приводя к повышению уровня населения. Могут ли контингенции вызвать в нас изменения, чтобы увеличить поддержку долгой и уважаемой истории идеи планирования семьи и усовершенствовать ее, позволяя и даже поощряя – без религиозного наказания или светского преследования – широкое использование технологий и методов контроля рождаемости и, опять-таки, различных форм секса взрослых людей по обоюдному согласию, которые не приводят к рождению детей? Если нам не удастся *гуманным образом* снизить численность населения, то бедствия – как те, которые вызваны глобальным потеплением – сократят нашу популяцию *негуманно!*

Обратите внимание, что опасности утверждений морального характера, рассмотренные ранее, не позволили мне включить таковые в данные комментарии по поводу ценности – а также правового и этического значения – альтернатив репродуктивного секса для выживания в настоящий момент. То, приобретут или нет – или в какой мере и на какое время – моральный статус эти альтернативы, остается вопросом естественным образом происходящего культурного обуславливания.

Точность, неточность или даже реальность наших верований, тем не менее, может играть роль в успехе наших предприятий по исправлению экологической ситуации. Поэтому давайте теперь перейдем к последней теме этой главы, теме верований.

Верования

Как и отношения, с рассмотрения которых мы начали эту главу, *верования* лишь косвенно связаны с нашей цепочкой «ценности – права – этика – мораль». Тем не менее верования и отношения связаны между собой, и значительная часть этой связи обусловлена сходствами в типах переменных, которые вызывают оба понятия. После наблюдения за индивидуальным или групповым поведением мы можем описать это поведение, сказав, что у кого-то имеется серьезное отношение, к примеру, к черной магии или к свободной воле. С дру-

гой стороны, их собственное наблюдение за своим поведением может заставить их сказать, что они *верят* в черную магию или в свободную волю. По меньшей мере на этом уровне понятия «отношение» и «верование» взаимозаменяемы; некоторые переменные могут вызвать у нас высказывание о том, что кто-то верит в свободную волю или черную магию, и эти же переменные могут также вызвать у них высказывание о том, что они серьезно относятся к свободной воле или черной магии. Хотя формулировка данных замечаний содержит некоторые общие идеи касаясь взаимосвязей между отношениями и верованиями, давайте рассмотрим последние более детально, чтобы лучше раскрыть часть из этих взаимосвязей.

Начнем с того, что хотя у общепринятого использования понятия «верование» есть проблемы, связанные с круговой аргументацией и субъектностью, верования, как и отношения, присущи контингенциям, а не внутренним субъектам. Когда контингенции порождают отношения контроля, благодаря которым некоторые стимулы сильно, всесторонне и последовательно воздействуют на кого-либо в интеллектуальном и эмоциональном плане, тогда мы можем описать данный результат как верование.

В дополнение к тому, что верования страдают от проблемы круговой аргументации (которую мы скоро проиллюстрируем) и проблемы внутренней субъектности (к примеру, «кто» «осуществляет» действие верования?), мы также можем воспринимать верования как вероятности. Верование описывает высокую вероятность того, что некоторый стимул в рамках одной или более контингенций будет последовательно вызывать определенные и предсказуемые паттерны поведения. Например, в некоторых культурах в определенные варьирующие периоды праздников типичное обусловливание маленьких детей вызывает с высокой степенью вероятности поведение, которое мы называем верой в Санта-Клауса. Хотя это типичное обусловливание довольно непритязательно и остается незамеченным, вы, тем не менее, наблюдали его больше, чем один раз (к примеру, будучи ребенком и взрослым; как гласит вполне уместное, хоть и культурно-специфичное, высказывание, существует четыре стадии Санты: сперва вы верите в Санту, затем вы не верите в Санту, затем вы и есть Санта, и, наконец, вы выглядите, как Санта). Как и следовало бы ожидать, в сезон праздников определенные стимулы контролируют некоторые стандартные поведенческие паттерны. Эти стимулы включают – в зависимости от географического местоположения – приход зимы, снегопад и мно-

гие другие переменные, каждая из которых может обладать эффектом воздействия на конкретного ребенка, вызывая характерные для сезона паттерны поведения. Другие из этих сходным образом функционирующих стимулов включают прилавки, зачастую посвящаемые праздничной тематике за месяцы до первого снега, уличные украшения, рождественские елки и т. д. Типичные паттерны поведения включают в себя увеличение числа детей, которые пишут и отправляют послания на Северный полюс, оставляют записки Санта-Клаусу и т. д. К вящему восторгу их авторов, многие из писем появляются в местных газетах или на локальных веб-сайтах.

Конечно, как и в случае большого количества верований (например, веры в черную магию или в свободную волю), за многими из связанных с верованиями действий следуют подкрепляющие стимулы множества типов. Некоторые, даже многие, из этих подкрепителей следуют за ответами случайно, что придает статус суеверия общим поведенческим моделям, которые мы называем верой (в Санта-Клауса или во что угодно).

Представление о верованиях как вероятностях, однако, имеет тенденцию отвлекать нас от другой их характеристики – того, что они задействуют круговую аргументацию. Хотя мы указывали, что отношения обладают той же характеристикой, давайте рассмотрим это более подробно применительно к верованиям. И для сторонних наблюдателей, и для самих верящих единственное доказательство наличия верований (и отношений) проистекает из форм поведения, которые верования (и отношения) предположительно объясняют. Это может быть вербальное поведение, как в случае утверждений о верованиях, или невербальное поведение, как в случае определенных поведенческих паттернов, подчиненных той теме, которую конкретное верование называет. Как только контингенции вызывают утверждение о веровании или связанные с ним поведенческие паттерны, и верящие, и наблюдатели делают выводы о верованиях по этим вербальным и невербальным проявлениям, а затем используют эти гипотетические верования как причины или объяснения данных форм поведения. Такой порочный круг можно увидеть в нашем примере про Санта-Клауса:

«Почему Джейн и Джон пишут Санте письма?»

«Потому что они верят в Санту».

«Что заставляет вас говорить, что они верят в Санту?»

«Написание ими писем Санте заставляет меня говорить, что они верят в Санту».

«Но почему они пишут эти письма Санте?»

«Потому что они верят...» и т. д.

Эта круговая аргументация демонстрирует, что верования, как и отношения, подпадают под категорию фиктивных объяснений поведения. Предполагается, что вера в Санту вызывает реакции написания писем-Санте. Люди легче поддаются этому ложному объяснению, когда наше языковое обусловливание заставляет нас рассматривать верования как нечто, чем люди обладают («имея» или «придерживаясь»). Если вы имеете нечто, то оно может заставить вас делать какие-то вещи. Вот только что или кто имеет или делает? Конечно же, ваш любимый непроверяемый мистический внутренний субъект. Мы относимся к внутренним субъектам, обладающим верованиями, таким же образом, как к внутренним субъектам, обладающим отношениями, тем же самым образом, каким мы относились ко всем этим мистическим внутренним субъектам; мы давно с научной точки зрения дискредитировали саму идею внутренних субъектов и отвергли их.

Также верования и отношения связаны в том, что как в случае первых, так и в случае последних мы часто наблюдаем расхождение между тем, во что, по словам людей, они верят, и теми поведенческими проявлениями, которые обнаруживаются. Как и в случае с отношениями, это происходит потому, что эти различные формы поведения контролируются различными контингенциями. Учитывая такие расхождения между вербальным и невербальным поведением, возможно, самым безопасным подходом к верованиям является тот, согласно которому они, в лучшем случае, являются относительно ненадежными языковыми сокращениями, описывающими в общих чертах поведение, к которому относятся.

Заключение по некоторым давним вопросам

Завершая эту главу, давайте выйдем за рамки проблемы отношений и верований, хотя мы все и могли бы только выиграть от большего обусловливания, обеспечивающего уважительное отношение и веру (т. е. формы поведения, которые можно описать как уважение и поддержку) в науку в области признания глобального потепления, а также развития и внедрения надежных экологических решений, которые могут помочь нам выжить. Помимо всего этого, давайте обратим внимание – как часть того, чем мы сейчас занимаемся – на то, как развитие бихевиорологии увеличивает наш человеческий потенциал

в сфере эффективного взаимодействия с ценностями, правами, этическими и моральными положениями, касающимися чистого воздуха и питьевой воды, здоровой атмосферы, неповрежденного озонового слоя, свободной от пестицидов еды, безопасного перемещения, возможности вторичной переработки, экологичного образа жизни, соответствующего ресурсам планеты уровня населения и т. д. К примеру, давайте проанализируем и скорректируем наши повседневные культурные контингенции таким образом, чтобы они лучше обуславливали эффективность таких экологических ценностей, как подкрепители экологичного образа жизни при более низком уровне населения. Затем давайте распространим эти повседневные контингенции так, чтобы (1) они лучше обуславливали эффективные требования соблюдения прав, касающихся всех составляющих более здоровой планеты, и чтобы (2) они лучше обуславливали этику соблюдения этих требований. Тем не менее мы должны помнить о возможных опасностях, состоящих в придании нашими повседневными культурными контингенциями слишком высокого морального статуса этим этическим положениям. Подобного рода моральный статус обладает тенденцией к тому, чтобы сделать этические положения более устойчивыми к изменениям, когда изменяются обстоятельства; например, может развиваться нечто лучшее, но несовместимое с нынешними способами вторичной переработки, а чрезмерная моральная приверженность существующим методам может отложить или помешать его внедрению. Таким образом, чрезмерное моральное обуславливание может поспособствовать контингенциям, работающим против человечества, сходным образом с тем, как правила становятся менее полезными, когда устанавливаемые или описываемые ими контингенции изменяются.

С помощью таких методов мы можем делиться и применять на практике что-то из того, что мы узнали о природе человека и о человеческом поведении. И эти практические приложения показывают, что, возможно, мы наконец-то приближаемся к научно, равно как и эмоционально, удовлетворительным и имеющим значение ответам на некоторые из вопросов, так долго стоявших перед человечеством.

Список литературы

Fraley, L. E. (2008). *General Behaviorology: The Natural Science of Human Behavior*. Canton, NY: ABCs.

- Fraley, L. E. (2012). *Dignified Dying—A Behaviorological Thanatology*. Canton, NY: ABCS.
- Krapfl, J. E. & Vargas, E. A. (Eds.). (1977). *Behaviorism and Ethics*. Kalamazoo, MI: Behaviordelia.
- Skinner, B. F. (1938). *The Behavior of Organisms*. New York: Appleton-Century – Crofts.
- Skinner, B. F. (1948). *Walden Two*. New York: Macmillan.
- Skinner, B. F. (1953). *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan.
- Skinner, B. F. (1971). *Beyond Freedom and Dignity*. New York: Knopf.
- Vargas, E. A. (1975). Rights: A behavioristic analysis. *Behaviorism*, 3 (2), 120–128.
- Wyatt, W. J. (1997). *The Millennium Man*. Hurricane, WV: Third Millennium Press.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2019

Stephen F. Ledoux

**ON ATTITUDES, VALUES, RIGHTS, ETHICS,
MORALS, AND BELIEF**

*State University of New York
34 Cornell Drive, Canton, NY, 13617, USA
ledoux@canton.edu*

References

- Fraley, L. E. (2008). *General Behaviorology: The Natural Science of Human Behavior*. Canton, NY: ABCS.
- Fraley, L. E. (2012). *Dignified Dying – A Behaviorological Thanatology*. Canton, NY: ABCS.
- Krapfl, J. E. & Vargas, E. A. (Eds.). (1977). *Behaviorism and Ethics*. Kalamazoo, MI: Behaviordelia.
- Skinner, B. F. (1938). *The Behavior of Organisms*. New York: Appleton-Century – Crofts.

Skinner, B. F. (1948). *Walden Two*. New York: Macmillan.

Skinner, B. F. (1953). *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan.

Skinner, B. F. (1971). *Beyond Freedom and Dignity*. New York: Knopf.

Vargas, E. A. (1975). Rights: A behavioristic analysis. *Behaviorism*, 3 (2), 120–128.

Wyatt, W. J. (1997). *The Millennium Man*. Hurricane, wv: Third Millennium Press.

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-65-79

А. А. Фёдоров

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

fedleks@yandex.ru

**ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА И КОНСТРУКТИВНАЯ
ВАЛИДНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ШКАЛЫ
ОТНОШЕНИЯ К РЕАЛЬНОСТИ ***

Представлены результаты проверки внутренней структуры и конструктивной (конвергентной и дискриминантной) валидности русскоязычной версии шкалы отношения к реальности (The attitude about reality scale, AARS), разработанной Р. Унгер, Р. Драпером и М. Пендеграссом в 1986 г. Выборка исследования составила 272 чел. Конфирматорный факторный анализ показал, что и однофакторная, и трехфакторная модели шкалы демонстрируют неприемлемый уровень соответствия эмпирическим данным. В свою очередь, исследовательский факторный анализ не позволил получить интерпретируемое факторное решение. Также было выявлено, что внутренняя согласованность AARS является довольно низкой, а корреляционные связи не подтверждают ее конвергентной валидности, хотя и свидетельствуют в пользу дискриминантной валидности. Полученные результаты показывают, что в существующем виде шкала отношения к реальности не подходит для оценки представлений человека о действительности.

Ключевые слова: шкала отношения к реальности, логический позитивизм, социальный конструкционизм, валидность.

Шкала отношения к реальности (*The attitude about reality scale, AARS*) была разработана Р. Унгер, Р. Драпером и М. Пендеграссом в 1986 г. [Unger et al., 1986]. Данная шкала рассматривается автора-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00715.

Фёдоров А. А. Внутренняя структура и конструктивная валидность русскоязычной версии шкалы отношения к реальности // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 65–79.

ми как инструмент, операционализирующий представления индивида о том, как устроена реальность, при этом одна шкала соответствует принятию *социального конструкционизма*, а другая – *логического позитивизма*. Концептуальной основой этого различия выступает подход А. Басса, который предлагал выделять два прототипических утверждения, отражающих взгляды на природу субъект-объектных отношений, т. е. отношений между индивидом и действительностью [Buss, 1978]. Эти утверждения формулируются следующим образом: (1) «Человек конструирует реальность» и (2) «Реальность конструирует человека». Согласно А. Бассу, психологические революции можно описать в терминах сдвига от одного прототипического утверждения к другому. Так, например, переход от структурализма к бихевиоризму есть переход от взгляда «человек конструирует реальность» ко взгляду «реальность конструирует человека», в то время как переход от бихевиоризма к когнитивизму шел в обратном направлении.

Р. Унгер с соавторами полагают, что в основе утверждения «реальность конструирует человека» лежит логический позитивизм [Unger et al., 1986]. При этом оно связано с верой в биологический и физический детерминизм, а также в то, что мы будем приближаться ко все более глубокому и полному познанию реальности посредством разработки все более точных методов измерения. Утверждение «человек конструирует реальность», напротив, отражает более релятивистский взгляд на причинность и тесно связано с социальным конструкционизмом К. Гергена [Gergen, 1985].

Шкала отношения к реальности представляет собой 40-пунктовую шкалу, каждый пункт которой оценивается по 7-балльной шкале Ликерта от (1) практически полностью не согласен до (7) практически полностью согласен. Люди, набирающие высокие показатели по этой шкале, характеризуются позитивистским взглядом на реальность. Согласно авторам методики, они:

«1) демонстрируют доминирующую тенденцию соглашаться с утверждениями, согласно которым реальность стабильна, необратима и детерминирована;

2) соглашаются с утверждениями о биологической и интрапсихической (а не средовой или социальной) причинности;

3) верят в индивидуальную, а не социальную детерминацию власти и статуса;

4) демонстрируют общее принятие существующего положения вещей;

5) верят в успешное функционирование науки как общественного института, а также в то, что научный успех – это результат заслуг» [Unger et al., 1986. P. 71].

Люди, набирающие низкие показатели по AARS, поддерживают позицию социального конструкционизма, т. е.:

«1) демонстрируют доминирующую тенденцию соглашаться с утверждениями, согласно которым реальность изменчива и во многом зависит от культурных и исторических определений;

2) верят в средовую детерминированность многих социальных проблем;

3) полагают, что в функционировании общества важную роль играет динамика, которую задают факторы, лежащие вне индивида;

4) менее удовлетворены существующим положением вещей и менее негативно смотрят на попытки людей изменить общество;

5) не уверены в том, что в науке меритократия работает так же хорошо, как в других сферах общества» [Ibid. P. 71].

Авторами методики продемонстрировано, что шкала отношения к реальности характеризуется хорошей внутренней согласованностью ($\alpha = 0,72$) и относительно высокой ретестовой надежностью на трехмесячном интервале ($r = 0,73$). Они также предприняли попытку установить факторную структуру методики, но шкалы, сформированные на основе четырехфакторного решения, показали низкую внутреннюю согласованность (α между значениями 0,18 и 0,72). Таким образом, согласно разработчикам AARS, эта шкала является одномерным инструментом.

Л. А. Джексон и Д. Л. Джефферс, однако, поставили под сомнение одномерность этой шкалы, основываясь на том факте, что она включает в себя пункты, весьма отличные друг от друга с точки зрения их содержания (например, такие разные утверждения, как «Гораздо важнее нравиться людям, чем быть влиятельным» и «Важные идеи обычно рождаются в авторитетных организациях», указывают на позитивизм) [Jackson, Jeffers, 1989]. Они предприняли исследование, направленное на установление факторной структуры AARS и оценку ее конвергентной и дискриминантной валидности. Результаты проведенного ими факторного анализа показывают, что 25 из 40 утверждений оригинальной шкалы можно распределить по двум или трем факторам. Два фактора, которые они назвали «социальный детерминизм» и «индивидуальный детерминизм», легко интерпретируются с точки зрения содержания и обладают хорошей внутренней согласованно-

стью ($\alpha = 0,69$ и $0,65$ соответственно). Внутренняя согласованность третьего фактора, обозначенного как «вариативный детерминизм», существенно ниже ($\alpha = 0,50$), а содержание пунктов менее однородно. Незначимые корреляционные связи с другими методиками, используемыми в исследовании (среди которых краткая форма полоролевого опросника Бем, шкала локуса контроля Роттера и шкала самоуважения Розенберга), указывают на дискриминантную AARS.

В исследовании У. Дж. Эванса также была установлена конструктивная валидность шкалы отношения к реальности [Evans, 2000]. Им были выдвинуты и подтверждены гипотезы, что между баллами по AARS и баллами по шкале толерантности к неопределенности Маклейна (MSTAT-I) существует значимая отрицательная корреляционная связь ($r = -0,35$), между баллами по AARS и баллами по шкале правого авторитаризма – значимая отрицательная ($r = 0,66$), а между AARS и шкалой социальной желательности Марлоу-Крауна значимая корреляционная связь отсутствует ($r = 0,17$).

Можно отметить, что как в исследовании Р. Унгер с соавторами, так и в работе Л. А. Джексона и Д. Л. Джефферса внутренняя структура AARS устанавливалась при помощи исследовательского факторного анализа, но пригодность полученных ими моделей (одномерной и трехмерной соответственно) в дальнейших исследованиях не оценивалась. Соответственно, настоящее исследование направлено на проверку внутренней структуры русскоязычной версии шкалы отношения к реальности при помощи конфирматорного факторного анализа, а также оценку ее конструктивной валидности.

Выборка

В исследовании приняли участие 272 чел. в возрасте от 17 до 53 лет ($M = 21,21$, $Me = 20$, $SD = 4,83$), 80 мужчин и 192 женщины.

Подвыборки по использованным методикам: шкала отношения к реальности (AARS) – 272 чел., шкала толерантности к неопределенности Маклейна (MSTAT-I) – 88 чел., краткая форма личностного опросника Айзенка – 184 чел.

Данная выборка удовлетворяет средним по строгости эмпирическим правилам для проведения конфирматорного факторного анализа, опирающимся либо на абсолютное число людей в выборке ($N > 200$), либо на соотношение числа людей к количеству переменных ($N : p > 5$) [MacCallum et al., 1999].

Инструменты

1. *Шкала отношения к реальности (AARS)*. Данная шкала состоит из 40 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале Ликерта от (1) практически полностью не согласен до (7) практически полностью согласен. Для этого исследования был осуществлен перевод данной шкалы на русский язык, при этом для контроля его качества использовался метод обратного перевода. Текст методики и ключ приведены в Приложении к статье.

2. *Шкала толерантности к неопределенности Маклейна (MSTAT-I)* в адаптации Е. Г. Луковицкой, текст методики был взят из работы Е. Н. Осина [2010]. Выбор данной методики обусловлен ее использованием в исследовании У. Дж. Эванса, при этом существование значимой отрицательной связи между баллами по MSTAT-I и AARS рассматривается как свидетельство в пользу конструктивной валидности последней.

3. *Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К)* [Слободская и др., 2006] проводилась полностью, но использовались только показатели шкалы лжи для оценки дискриминантной валидности в контексте анализа смещения ответов, которое может быть вызвано социальной желательностью.

Результаты и обсуждение

Факторная структура AARS

Для анализа факторной структуры шкалы отношения к реальности проводился конфирматорный факторный анализ в статистическом пакете *EQS 6.2 for Windows*. Учитывая предыдущие исследования, проверялись две теоретические модели. Модель 1 является однофакторной и опирается на оригинальное исследование авторов данной шкалы [Unger et al., 1986]. Модель 2 является трехфакторной и получена в исследовании Л. А. Джексона и Д. Л. Джефферса [Jackson, Jeffers, 1989].

Поскольку распределение переменных отклоняется от многомерной нормальности ($s.r. = 41,3$), конфирматорный факторный анализ проводился с поправкой Саторры – Бентлера [Satorra, Bentler, 1994]. Для оценки пригодности моделей использовались следующие показатели: 1) Satorra – Bentler (S-B) $\chi^2 p > 0,05$; 2) RMSEA $< 0,05$ (при 90 %

CI от 0,000 до 0,049); 3) CFI > 0,95; 4) IFI > 0,95; 5) TLI > 0,95. Результаты проверки обеих моделей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели соответствия моделей AARS по итогам CFA

Модель	(S-B) χ^2 , p	RMSEA (90 % CI)	CFI	IFI	TLI
М.1 (Унгер и соавт.)	1325,97, $p < 0.001$	0,054 (0,049 0,059)	0,442	0,463	0,412
М.2 (Джексон и Джефферс)	403,59, $p < 0.001$	0,042 (0,033 0,051)	0,698	0,717	0,667

Как видно из приведенных показателей, обе модели продемонстрировали неприемлемый уровень соответствия эмпирическим данным. Учитывая это, была предпринята попытка установления факторной структуры AARS при помощи метода главных компонент. Отметим, что поскольку этот метод представляет собой главным образом дескриптивную технику, он не требует многомерной нормальности данных [Jolliffe, 2002].

Проведенный исследовательский факторный анализ с прямоугольным вращением Варимакс позволяет выделить 15 факторов, собственное значение которых выше 1, объясняющих 60,7 % общей дисперсии. Однако подобное факторное решение нельзя признать удовлетворительным, поскольку оно приводит к выделению большого числа факторов, включающих всего 1 или 2 пункта, кроме того, процент объясняемой дисперсии, с учетом количества факторов, должен быть больше. Опираясь на метод каменной сыпи (см. рис.), можно получить трех- или четырехфакторное решение, но процент объясняемой дисперсии такого решения даже при четырех факторах чрезвычайно мал (25,8 %).

Также в программном пакете Statsoft STATISTICA 10 оценивалась надежность по внутренней согласованности как для всей шкалы AARS, так и для отдельных подшкал, выделенных в исследовании Л. А. Джексона и Д. Л. Джефферса. Для всей шкалы коэффициент α ока-

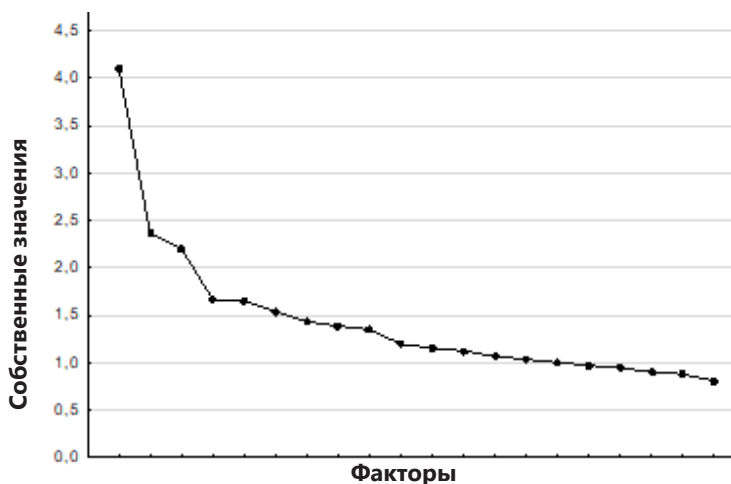

График собственных значений выделенных факторов

заялся равен 0,50, для подшкалы «социальный детерминизм» – $\alpha = 0,43$, подшкалы «индивидуальный детерминизм» – $\alpha = 0,63$ и подшкалы «вариативный детерминизм» – $\alpha = 0,55$. И хотя конвенциональные пороговые значения коэффициента альфа отнюдь не являются сакральными [Schmitt, 1996], в данном случае, учитывая количество пунктов в шкале и подшкалах, а также результаты проведённого конфирматорного факторного анализа, следует признать, что AARS характеризуется довольно низкой внутренней согласованностью.

Оценка конструктивной валидности AARS

В данном исследовании оценивались два вида конструктивной валидности AARS – конвергентная и дискриминантная валидность. Согласно У. Дж. Эвансу, значимая отрицательная корреляционная связь между баллами по AARS и MSTAT-I свидетельствует в пользу конвергентной валидности методики, а низкие значения корреляционных связей между AARS и показателем социальной желательности – в пользу дискриминантной валидности. Результаты приведены в табл. 2 (учитывая нарушения нормальности, использовались непараметрические коэффициенты Спирмена (ρ) и Кендалла (τ)).

Полученные результаты не подтверждают конвергентной валидности AARS, но свидетельствуют в пользу ее дискриминантной ва-

лидности, поскольку связи со шкалой лжи ЛОА-К являются слабыми (хотя коэффициент τ и является значимым).

Таблица 2

Корреляции между AARS, MSTAT-I и шкалой L ЛОА-К
(* $p < 0,05$)

Шкала	AARS		N
	ρ	τ	
MSTAT-I	-0,14	-0,09	88
L ЛОА-К	0,13	0,10*	184

Заключение

Таким образом, проведенный конфирматорный факторный анализ показывает, что существующие модели структуры шкалы отношения к реальности обладают низкой пригодностью, а исследовательский факторный анализ не позволяет получить интерпретируемое решение, объясняющее приемлемый процент дисперсии. Внутренняя согласованность AARS является низкой, а корреляционные связи не свидетельствуют в пользу ее конструктивной валидности.

Вероятно, подобная неоднородность содержания шкалы отношения к реальности может быть объяснена тем, что хотя она и опирается на подход А. Басса, при ее конструировании учитывалось не столько содержание логического позитивизма и социального конструкционизма как философских концепций, сколько взгляды конкретных «ученых – общественных активистов, которые, судя по всему, поддерживают социально-конструкционистскую позицию» [Unger et al., 1986. P. 72]. В силу этого «логико-позитивистскому» взгляду на реальность были приписаны не те особенности, которые ему действительно присущи, а скорее те, которые его характеризуют с точки зрения социальных конструкционистов (и похоже, что это искаженное представление). Так, например, из логического позитивизма и прототипического утверждения «реальность конструирует человека» не следует, что «нельзя научить людей творить – они либо рождаются способными к творчеству, либо нет» (п. 14 AARS) или что «то, что с нами

происходит, зависит от наших собственных усилий и заслуг» (п. 17 AARS). В результате представления о реальности оказались смешаны с социально-политическими взглядами и идеологемами.

Проведенное исследование показывает, что в существующем виде шкала отношения к реальности не подходит для оценки представлений человека о действительности. По-видимому, дальнейшая работа, направленная на их операционализацию, должна быть сосредоточена не на попытках доработать эту весьма неоднородную методику, а на разработке нового инструмента, в котором, возможно, будут использованы отдельные пункты, входящие в AARS. В любом случае, подобные представления следует рассматривать не как гипотетические причины, объясняющие действия человека, а как диспозиции, являющиеся вероятностью поведения.

Список литературы

Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.

Слободская Е. Р., Князев Г. Г., Сафронова М. В. Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К) и ее использование для оценки риска употребления психоактивных веществ // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 3. С. 94–105.

Buss A. R. The structure of psychological revolutions // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1978. Vol. 14, No. 1. P. 57–64.

Evans W. J. Construct validity of the Attitudes about reality scale // Psychological Reports. 2000. Vol. 86, No. 3. P. 738–744.

Gergen K. J. The social constructionist movement in modern psychology // American Psychologist. 1985. Vol. 40, No. 3. P. 266–275.

Jackson L. A., Jeffers D. L. The Attitudes about reality scale: a new measure of personal epistemology // Journal of Personality Assessment. 1989. Vol. 53, No. 2. P. 353–365.

Jolliffe I. T. Principal component analysis. New York: Springer-Verlag, 2002.

MacCallum R. C., Widaman K. F., Zhang S., Hong S. Sample size in factor analysis // Psychological Methods. 1999. Vol. 4, No. 1. P. 84–99.

Satorra A., Bentler P. M. Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis // Latent variables analysis: Applications for developmental research: Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 399–419.

Schmitt N. Uses and abuses of coefficient alpha // *Psychological Assessment*. 1996. Vol. 8, No. 4. P. 350–353.

Unger R. K., Draper R. D., Pendergrass M. L. Personal epistemology and personal experience // *Journal of Social Issues*. 1986. Vol. 42, No. 2. P. 67–79.

Материал поступил в редколлегию 09.02.2019

A. A. Fedorov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

fedleks@yandex.ru

**THE INTERNAL STRUCTURE AND CONSTRUCT VALIDITY
OF THE RUSSIAN-LANGUAGE VERSION OF THE ATTITUDES
ABOUT REALITY SCALE ***

The internal structure and construct (convergent and discriminant) validity of the Russian-language version of the Attitudes about reality (AAR) scale developed by R. K. Unger, R. D. Draper and R. D., & M. L. Pendergrass (1986) are examined. The sample was 272 subjects. The confirmatory factor analysis revealed that both one-factor and three-factor structural models have poor fit indices. The exploratory factor analysis, in turn, did not allow to obtain an interpretable factor solution. The study also showed that the internal consistency of AARS is rather low. The obtained correlations do not confirm the convergent validity of the scale, although they provide initial support for its discriminant validity. The results show that the AAR scale in its current form is not suitable for assessing individual's beliefs about reality.

Keywords: attitude about reality scale, logical positivism, social constructionism, validity.

* The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project No. 18-013-00715

References

- Buss, A. R. (1978). The structure of psychological revolutions. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 14 (1), 57–64.
- Evans, W. J. (2000). Construct validity of the Attitudes about reality scale. *Psychological Reports*, 86 (3), 738–744.
- Gergen, K. J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*, 40 (3), 266–275.
- Jackson, L. A., & Jeffers, D. L. (1989). The Attitudes about reality scale: a new measure of personal epistemology. *Journal of Personality Assessment*, 53 (2), 353–365.
- Jolliffe, I. T. (2002). *Principal component analysis*. New York: Springer-Verlag.
- MacCallum, R. C., Widaman, K. F., Zhang, S., & Hong, S. (1999). Sample size in factor analysis. *Psychological Methods*, 4 (1), 84–99.
- Osin, E. N. (2010). Faktornaia struktura russkoiazыchnoi versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelennosti D. Makleina [The factor structure of the Russian-language version of D. Mclain's scale of general tolerance for ambiguity]. *Psikhologicheskaja Diagnostika*, 2, 65–86. (in Russ.)
- Satorra, A., & Bentler, P. M. (1994). Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis. In *Latent variables analysis: Applications for developmental research* (pp. 399–419). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Schmitt, N. (1996). Uses and abuses of coefficient alpha. *Psychological Assessment*, 8 (4), 350–353.
- Slobodskaya, E. R., Knyazev, G. G., Safronova, M. V. (2006). Kratkaja forma lichnostnogo oprosnika Ajzenka (LOA-K) i ee ispol'zovanie dlja ocenki riska upotreblenija psihoaktivnyh veshhestv [Eysenck personality questionnaire brief form and its application for evaluation of adjustment and risk of psychoactive substances usage]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 27 (3), 94–105. (in Russ.)
- Unger, R. K., Draper, R. D., & Pendergrass, M. L. (1986). Personal epistemology and personal experience. *Journal of Social Issues*, 42 (2), 67–79.

ШКАЛА ОТНОШЕНИЯ К РЕАЛЬНОСТИ

(Р. Унгер, Р. Драпер, М. Пендеграсс, 1986)

	Практически полностью не согласен		Ни то, ни другое		Практически полностью согласен	
	1	2	3	4	5	6
1. В чьих руках власть – вот центральный вопрос, на который мы должны ответить, если хотим понять, как работает общество	1	2	3	4	5	6
2. Отказ соответствовать требованиям других людей мешает адаптации в обществе	1	2	3	4	5	6
3. Наука недооценивает степень влияния генов на поведение человека	1	2	3	4	5	6
4. Для социальных изменений необходимо несоответствие во взглядах	1	2	3	4	5	6
5. На выбор учёными метода изучения проблем влияют ценности общества, в котором они живут	1	2	3	4	5	6
6. Если кто-то усердно работает над решением проблемы, он обычно находит ответ	1	2	3	4	5	6
7. Если бы каждый знал, что для него важно, в мире всё было бы в порядке	1	2	3	4	5	6
8. Большинство различий между полами имеет эволюционный смысл	1	2	3	4	5	6
9. Люди, которые добиваются успеха, обычно его заслуживают	1	2	3	4	5	6
10. Утверждение «Узнайте истину, и истина сделает вас свободным» до сих пор справедливо	1	2	3	4	5	6
11. Чем больше технологий мы создадим, тем лучше будет наша наука	1	2	3	4	5	6

Продолжение таблицы

12. Случайные решения проблем крайне редки	1	2	3	4	5	6	7
13. В наши дни достижения людей признаются независимо от их расы, пола или социального класса	1	2	3	4	5	6	7
14. Нельзя научить людей творить – они либо рождаются способными к творчеству, либо нет	1	2	3	4	5	6	7
15. Среди людей, требующих социальных перемен, обычно много тех, кто не достиг успеха в существующем обществе	1	2	3	4	5	6	7
16. Научные факты меняются с течением времени	1	2	3	4	5	6	7
17. То, что с нами происходит, зависит от наших собственных усилий и заслуг	1	2	3	4	5	6	7
18. Однажды открытый научный факт навсегда становится частью науки	1	2	3	4	5	6	7
19. Мы сообщаем друг другу гораздо больше информации, чем осознаем	1	2	3	4	5	6	7
20. Большинство различий в человеческом поведении объясняются свойствами личности	1	2	3	4	5	6	7
21. Важные идеи обычно рождаются в авторитетных организациях	1	2	3	4	5	6	7
22. Старание часто может компенсировать отсутствие таланта в какой-то области	1	2	3	4	5	6	7
23. Гораздо важнее нравиться людям, чем быть влиятельным	1	2	3	4	5	6	7
24. Биологический пол, гендерные роли и сексуальные предпочтения тесно связаны друг с другом у нормального человека	1	2	3	4	5	6	7
25. Ключ к пониманию поведения взрослого человека – взаимоотношения между матерью и ребёнком	1	2	3	4	5	6	7
26. Люди, которые являются членами меньшинств, не должны беспокоиться о других людях в этих группах, которые менее успешны, чем они	1	2	3	4	5	6	7

27. Для понимания поведения человека крайне важно учитывать бессознательную мотивацию	1	2	3	4	5	6	7
28. «Отклоняющееся поведение» – это не особый вид поведения, а мнение других людей о том, что это поведение социально неприемлемо	1	2	3	4	5	6	7
29. Общество должно защищать себя от тех, кто не принимает его правил	1	2	3	4	5	6	7
30. Книги известных людей часто цитируются, чтобы добавить авторитета открытиям менее знаменитых исследователей	1	2	3	4	5	6	7
31. Большинство людей сотрудничают друг с другом, только если они понимают, что каждый получит выгоду от совместных действий	1	2	3	4	5	6	7
32. Признание заслуг в научном сообществе обусловлено высоким качеством сделанной работы	1	2	3	4	5	6	7
33. Очень важно сокращать дистанцию между «реальным миром» и научной лабораторией	1	2	3	4	5	6	7
34. Мы можем многое узнать о поведении человека, изучая животных	1	2	3	4	5	6	7
35. Те, кто считались инакомыслящими в один период истории, часто оказывались новаторами с точки зрения будущих эпох	1	2	3	4	5	6	7
36. Признание открытий в научном сообществе зависит от влияния человека, который его сделал	1	2	3	4	5	6	7
37. Лучше не знать слишком много о тех вещах, которые нельзя изменить	1	2	3	4	5	6	7
38. Физиологические различия ограничивают степень, до которой мужчины и женщины могут научиться быть похожими друг на друга	1	2	3	4	5	6	7
39. Люди, которые меньше теряют в случае разрыва отношений, будут с большей вероятностью гнуть в них свою линию	1	2	3	4	5	6	7
40. Большинство социальных проблем решаются немногочисленными высококвалифицированными специалистами	1	2	3	4	5	6	7

Ключ

Перед суммированием баллов необходимо обратить 12 пунктов: # 1, 4, 5, 16, 19, 27, 28, 30, 33, 35, 36, 39.

Люди, которые набирают высокий балл по этой шкале, имеют позитивистский взгляд на реальность.

17-й пункт для русскоязычной версии шкалы был переформулирован (в оригинале он звучит следующим образом: «The United States has the most egalitarian society in the world»).

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-80-90

Д. Е. Баум, Ю. В. Сарычева, К. С. Доронина

*Новосибирский государственный медицинский университет
ул. Красный пр., 52, Новосибирск, 630091, Россия*

d.baum2011@yandex.ru, julia_sar@mail.ru, doroninaya@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ НАРУШЕНИЙ СНА

Рассматривается проблема взаимосвязи между субъективной оценкой нарушений сна и эмоционально-личностных особенностей. Ведь именно такие особенности как тревожность, навязчивые мысли и действия, раздражительность и др. могут выступить предикторами развития нарушений сна, в то же время, нарушения сна, продолжающиеся достаточно долго могут повлиять на подверженные изменениям в течение жизни психологические свойства. В исследовании приняли участие 20 человек, из которых 6 имеют установленный диагноз хронической первичной инсомнии, а 14 имеют субъективные жалобы в отношении сна. В результате проведенного исследования было выявлено, что нарушения сна и снижение его качества взаимосвязано с такими эмоционально-личностными особенностями, как эмоциональная лабильность / уравновешенность, нейротизм, раздражительность, депрессивность.

Ключевые слова: нарушения сна, инсомния, личностные особенности, дисфункциональные убеждения в отношении сна.

Введение

Согласно современным исследованиям (Александровский Ю. А., Полуэктов М. Г., Левин О. С., Савочкина Д. И. и др.), инсомния является самым распространенным нарушением сна. По мнению некоторых авторов, она варьирует от 4–6 % до 45 % в общей популяции. Распространенность хронической инсомнии составляет 10 % от общей

Баум Д. Е., Сарычева Ю. В., Доронина К. С. Взаимосвязь эмоционально-личностных особенностей и субъективной оценки нарушений сна // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 80–90.

популяции, а преходящие симптомы нарушения сна гораздо чаще – 30–35 % от общей популяции [Стрыгин, Полуэктов, 2017]. При невротических расстройствах различные формы нарушений сна встречаются с частотой 65–100 % [Корабельникова, 2015].

Существует множество факторов, влияющих на нарушения сна. В последнее время значительно возрос интерес к вопросам, связанным с нарушениями сна и их взаимосвязью с психологическими особенностями личности (Корабельникова Е. А., Полуэктов М. Г., Рассказова Е. И., Левин Я. И., Ротенберг В. С., Романова Е. А., Асанов А. О. и др.). Например, актуально изучение инсомнии в рамках невротических расстройств, в связи с их частотой встречаемости и тяжести субъективной переносимости [Там же].

В некоторых современных исследованиях отмечается, что у людей с определенными эмоционально-личностными особенностями нарушения сна возникают чаще. К таким особенностям можно отнести повышенный уровень нейротизма. Повышенный уровень тревожности, раздражительность, эмоциональная неустойчивость, гиперчувствительность – все это может выступить предиктором развития инсомнии [Dekker et al., 2017; Akram et al., 2016].

Следствием повышенной тревоги по поводу сна и длительной продолжительности симптомов нарушенного сна при несвоевременном и неэффективном лечении является гипнофобия – навязчивый, стойкий и иррациональный страх перед сном. Часто гипнофобия может выступать как показатель наличия депрессивного или тревожного расстройства [Васильева и др., 2018].

Исследования показали, что черты личности связаны с расстройствами настроения и нарушениями сна. Высокий уровень нейротизма связан с депрессивным расстройством, а низкий уровень экстраверсии коррелирует с дистимией в общей популяции, при этом и высокий уровень нейротизма, и депрессивные (субдепрессивные) расстройства имеют выраженные взаимосвязи с инсомнией [Changnam et al., 2017].

Распространенной в сомнологии является модель А. Spielman о трех факторах инсомнии (другое название этой концепции – модель 3П). Согласно этой модели выделяют предрасполагающие, провоцирующие и поддерживающие факторы. Предрасполагающие факторы, такие как возраст или пол, а также высокая личностная тревожность делают человека более восприимчивым к возникновению инсомнии, а провоцирующие факторы – это события, которые связаны с началом

инсомнии, т. е. основные стрессоры. В свою очередь, поддерживающие факторы – это те, которые приводят к хронификации инсомнии. Поддерживающие факторы – это поведение и дисфункциональные убеждения, способствующие возникновению инсомнии, такие как тревожные мысли о сне, гипнофобия, дополнительная активность в кровати, счет времени, оставшегося для сна [Савочкина, 2018].

Когнитивные модели бессонницы подчеркивают роль установок к сигналам, связанным со сном, как поддерживающего фактора расстройства. Эти модели признают, что повышенное возбуждение, дистресс и негативные мысли, связанные со сном, а также вера в то, что трудности ночного сна способствуют нарушенному дневному функционированию, порождают и поддерживают специфическое для сна беспокойство [Hertenstein, 2015]. При обнаружении угрозы, связанной со сном, человек с инсомнией может интерпретировать ее в соответствии с расстройством. Страдающие инсомнией интерпретируют двусмысленные предложения таким образом, чтобы соответствовало их специфическим трудностям [Anderson, 2018].

Одним из значимых факторов риска инсомнии является «повторяющееся» мышление. Первоначально изученное в рамках аффективных расстройств таких, как тревога и депрессия, «повторяющееся мышление» – это процесс мыслительной деятельности, при котором многократно и часто возникают навязчивые, тревожные мысли о себе и окружающем мире. Были предложены два типа «повторяющегося» мышления, которые играют важную роль в структуре инсомнии – это беспокойство и руминация. Беспокойство – это стратегия совладания, которая состоит из абстрактного повторяющегося словесного мышления, ориентированного на неопределенные события с потенциальным будущим негативным результатом. Руминация («мыслительная жвачка») – это стратегия совладания, которая состоит из абстрактного повторяющегося мышления о причинах и последствиях негативных эмоций [Lancee et al., 2017].

Несмотря на высокую распространенность инсомнии, ее взаимосвязь с психологическими особенностями остается малоизученной. Поэтому изучение факторов, влияющих на возникновение расстройств сна, а также связанных с их развитием, весьма важно.

Итак, цель данного исследования – выявление взаимосвязи выраженности эмоционально-личностных особенностей и субъективной оценки нарушений сна.

Материалы и методы исследования

Обследовано 20 пациентов, из них 6 мужчин, 14 женщин, средний возраст $26,9 \pm 8,61$ год. Исследование проходило на базе неврологического центра «Сибнейромед», кафедры неврологии лечебного факультета, а также кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии НГМУ. Выборку испытуемых составили люди, имеющие субъективные жалобы в отношении сна, например, нарушение дневного функционирования, трудности засыпания, интрасомнические нарушения – страхи и кошмары среди ночи и т. п. (70 %), а также пациенты с установленным диагнозом – хроническая первичная инсомния (30 %).

Исследование выраженности инсомнии проводилось на основании 1) шкалы тяжести инсомнии (автор С. Morin, адаптирована К. В. Даниленко, 2011); 2) Питтсбургского опросника на определение качества сна (PSQI) (авторы D. Buysse et al., адаптация Е. А. Семенова, К. В. Даниленко, 2009). Также изучены дисфункциональные убеждения пациентов в отношении сна (Шкала дисфункциональных убеждений и предположений в отношении сна – ШДУС (автор С. Morin, адаптация А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова, 2007)). При выполнении психодиагностического исследования для оценки эмоционально-личностных характеристик пациентов использован ряд методик: 1) Опросник невротических черт личности (авторы Л. И. Вассерман и соавт., 2003); 2) Фрайбургский личностный опросник (авторы J. Fahrenberg et al., адаптация А. А. Крылов, Т. И. Ронгинский, 1989).

Статистическая обработка проводилась с использованием непараметрической статистики (U-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ по Спирмену), программного обеспечения («STATISTICA 13.3»). Уровень критической значимости различий $p = 0,05$.

Результаты и обсуждение

При исследовании характеристик сна пациентов установлено, что средние показатели тяжести инсомнии составляют $15,3 \pm 3,08$, что соответствует средним значениям. В структуре тяжести инсомнии преобладали пациенты с легкими нарушениями сна (52,6 %), умеренная тяжесть инсомнии выявлена у 47,4 % испытуемых.

Исследование интегративной субъективной оценки качества сна показало, что в выборке преобладают пациенты, имеющие легкое снижение качества сна (55 %). В 36,8 % случаев больные считали,

что сон нарушен умеренно, лишь одна пациентка (5,3 %) оценила качество сна как очень плохое, еще одна (5,3 %) как нормальное. Средние показатели общей оценки качества сна по группе низкие и составили $11,3 \pm 3,6$.

При изучении отдельных показателей качества сна наиболее высокие результаты получены по шкалам субъективного качества сна ($2,05 \pm 0,6$) и нарушения дневного функционирования ($2,0 \pm 0,79$), меньше всего страдает качество сна по шкале «прием снотворных препаратов» ($1,2 \pm 1,39$) (при возможной оценке по шкалам от 0 до 3 баллов).

Исследование эмоционально-личностных особенностей пациентов с инсомнией показало преобладание черт невротичности ($7,3 \pm 2,0$), открытости ($7,2 \pm 2,0$), эмоциональной лабильности ($6,6 \pm 1,67$). Наиболее низкие показатели получены по шкале уравновешенности $4,05 \pm 2,28$. При выполнении качественного анализа у 78,9 % обследованных установлены высокие показатели по шкале невротичности, что отражает невротизацию личности по астеническому типу со значительными психосоматическими нарушениями. У 57,9 % больных выявлены высокие показатели открытости, что свидетельствует о стремлении к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми при высоком уровне самокритичности, высокой искренности при работе над опросником. У 52,6 % получены низкие, у 31,6 % пациентов умеренные показатели по шкале уравновешенности. Низкие показатели по данной шкале связаны с низкой устойчивостью к стрессу, плохой защищенностью к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, неуверенностью в себе, пессимистичностью и пассивностью.

При исследовании черт невротических расстройств у пациентов с инсомнией выявлено, что у 9 пациентов (47,4 %) показатели неуверенности в себе находились на среднем уровне, т. е. в настоящее время проблемы, связанные с самопринятием и удовлетворенностью собой, не являются для личности актуальными; можно предположить достаточную степень уверенности при принятии решений и осуществлении социальных контактов, уравновешенный эмоциональный фон и рисунок поведения, адекватность самовосприятия (отсутствие как чрезмерно критического отношения к себе, так и самопереоценки). У 4 больных (21,1 %) на повышенном уровне, что отражает наличие в актуальном психическом состоянии и структуре личности черт тревожности, неуверенности в себе, повышенной склонности к критическому самоанализу, это может выступить предиктором воз-

никновения пресомнических нарушений сна; можно предположить зависимо-уступчивую позицию и повышенную эмоциональную истощаемость в социальных контактах, потребность в эмоциональной поддержке, недостаточную самостоятельность и стеничность при достижении цели.

У 8 человек (42,1 %) выявлены повышенные показатели познавательной и социальной пассивности, что отражает недостаточную продуктивность (повышенную истощаемость) и недостаточную пластичность (трудности переключения) интеллектуальной деятельности, склонность к обдумыванию и углубленной рефлексии, недостаточную спонтанность в решениях, неширокий круг интересов, невыраженность познавательной потребности и восприимчивости к новому; в социальных контактах – снижение инициативы и заинтересованности, склонность к дистанцированию; в целом, невысокий уровень социальной компетентности и активности личности. У 11 испытуемых (57,9 %) средние показатели по данной шкале.

У 9 испытуемых (47,3 %) наблюдаются: повышенные показатели по шкале невротического сверхконтроля поведения, что связано с потребностью в тщательном планировании и обдумывании поступков, стремление к завершению начатого; трудности переключения с одного вида деятельности на другой; точность, корректность, педантичность, терпеливость в работе и социальном взаимодействии; при этом мотивация избегания неуспеха доминирует над мотивацией высоких достижений; в целом – серьезное отношение к жизни в сочетании с затруднением свободной самореализации может быть связано с наличием дисфункциональных убеждений в отношении сна (преувеличение собственной способности контролировать и предсказывать сон, что усиливает тревогу и инсомнию).

Лишь у 5 чел. (26,3 %) выявлены повышенные показатели аффективной неустойчивости, у большинства (13 чел. – 68,4 %) наблюдаются пониженные показатели по шкале ипохондричности. Показатели по шкале социальной неадаптивности находятся в пределах средних, пониженных и низких оценок.

Показатели выраженности дисфункциональных убеждений в отношении сна $82,7 \pm 16,8$. У 6 испытуемых (30 %) отмечены высокие показатели, соответствующие патологии; у 9 (45 %) были сопоставимы со здоровыми, и у 5 чел. (25 %) находились в пограничной зоне.

При проведении корреляционного анализа по Спирмену установлена сильная связь тяжести инсомнии и невротичности ($r = 0,7$, $p < 0,05$). Этот факт подтверждает данные современных исследова-

ний. Именно невротичность выступает как причина возникновения инсомнии, в свою очередь, инсомния может приводить к невротизации личности. Выраженность расстройства сна прямо связана с уровнем депрессии ($r = 0,7, p < 0,05$), эмоциональной лабильности ($r = 0,7, p < 0,05$), невротичности ($r = 0,5, p < 0,05$), раздражительности ($r = 0,5, p < 0,05$). Нарушения сна приводят к дестабилизации эмоционального фона, так как именно во сне происходит эмоциональная разрядка посредством сновидений. Нарушение дневного функционирования прямо связано со шкалами невротичности ($r = 0,5, p < 0,05$) и депрессии ($r = 0,5, p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что субъективные жалобы на сон часто содержат ложные убеждения о последствиях инсомнии, в том числе значительное снижение работоспособности при недостаточном количестве сна, что, в свою очередь, вызывает повышенное беспокойство и приводит к невротизации, а также к снижению эмоционального фона. Результаты по шкале «прием снотворных» прямо связаны со шкалой ипохондрии ($r = 0,5, p < 0,05$), что отражает сосредоточенность на состоянии своего здоровья и внимательное отношение к незначительным нарушениям сна со склонностью к незамедлительному избавлению от симптомов инсомнии медикаментозным способом. Это отражает группу дисфункциональных убеждений в отношении сна о средствах борьбы с инсомнией и указывает на незнание эффективных немедикаментозных методов лечения (психотерапия, соблюдение гигиены сна, энцефалопония и др.). Шкалы «прием снотворных» и «ипохондрия» обратно связаны со шкалой уравновешенности ($r = -0,6, p < 0,05$), что подтверждает повышенную восприимчивость к стрессу при недостаточном количестве сна. Общая оценка качества сна прямо связана с уровнем раздражительности (чем ниже качество сна, тем выше уровень раздражительности ($r = 0,4, p < 0,05$)), это объясняется тем, что фаза быстрого сна выполняет роль регулятора эмоциональной стабильности. Выраженность дисфункциональных убеждений в отношении сна прямо связана с уровнем раздражительности, невротизации ($r = 0,5, p < 0,05$) и уровнем аффективной нестабильности, ($r = 0,4, p < 0,05$). Следовательно, это говорит о том, что механизмы дисфункциональных убеждений приводят к появлению или усилению имеющихся невротических черт личности.

Установлено, что показатели социальной неадаптивности значимо выше в группе с более выраженным снижением качества сна ($p < 0,05$). Следовательно, это говорит о том, что при более выраженных нарушениях сна страдают приспособляемость к различным социальным

ситуациям и снижению социальной перцепции, в связи с нарушениями когнитивной и эмоциональной сфер. В группе с умеренной тяжестью инсомнии значимо выше показатели невротичности, по сравнению с инсомнией легкой степени, что отражает двунаправленную причинно-следственную связь нарушений сна и эмоционально-личностных особенностей.

Выводы

1. Установлено, что среди испытуемых преобладали нарушения сна легкой и умеренной степени, отмечено снижение субъективной оценки качества сна и дневного функционирования, что доказывает тот факт, что субъективные жалобы на сон являются наиболее тяжело переживаемыми, а также это говорит о степени влияния дисфункциональных убеждений в отношении сна.

2. При исследовании эмоционально-личностных особенностей в выборке преобладали черты невротичности, эмоциональной лабильности, недостаточной уравновешенности, невротического сверхконтроля, познавательной и социальной пассивности, однако явных нарушений социальной адаптации не выявлено.

3. Установлена взаимосвязь показателей субъективной оценки нарушений сна с уровнем невротичности, депрессии, эмоциональной лабильности, раздражительности и обратная связь с уровнем уравновешенности. Это свидетельствует о значительной роли сна в эмоциональной сфере – регуляция эмоциональной стабильности.

Список литературы

Васильева А. В., Караваева Т. А., Моргачева Т. В. Нарушения сна у женщин с тревожными расстройствами невротического уровня // Материалы Всерос. науч.-практ. конгресса с международным участием, посвященного 100-летию кафедры психиатрии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, бывшего Женского медицинского института. СПб., 2018. С. 43–45.

Корабельникова Е. А. Лечение инсомний у больных с невротическими расстройствами // Медицинский совет. 2015. № 10. С. 54–59.

Савочкина Д. И. Инсомния: определение, модели патогенеза, частота встречаемости в разных возрастных группах // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 4. С. 293–297.

Стрыгин К. Н., Полуэктов М. Г. Инсомния // Медицинский совет. 2017. №15. С. 52–58.

Akram U., Ellis J., Myachykov A., Barclay N. Misperception of tiredness in young adults with insomnia // Journal of Sleep Research. 2016. Vol. 26. P. 466–474.

Anderson K. Insomnia and cognitive behavioural therapy – how to assess your patient and why it should be a standard part of care // Journal of Sleep Research. 2018. Vol. 10. P. 94–102.

Changnam K., Suyeon L., Soyung Y., Boram P., Seockhoon C. Insomnia and neuroticism are related with depressive symptoms of medical student // Sleep Medicine Research. 2017. Vol. 8. P. 33–38.

Dekker K., Blanken T., Someren E. Insomnia and personality – a network approach // Brain Science. 2017. Vol. 7. P. 68–74.

Hertenstein E., Nissen C., Riemann D., Feige B., Baglioni C., Spiegelhalder K. The exploratory power of sleep effort, dysfunctional beliefs and arousal for insomnia severity and polysomnography-determined sleep // Journal of Sleep Research. 2015. Vol. 24. P. 399–406.

Lancee J., Eisma M. C., Zanten M., Topper K. When thinking impairs sleep: trait, daytime and nighttime repetitive thinking in insomnia // Behavioral Sleep Medicine. 2017. Vol. 15. P. 53–69.

Материал поступил в редколлегию 20.04.2019

D. E. Baum, Y. V. Sarycheva, K. S. Doronina

*Novosibirsk State Medical University
52 Krasny Ave., Novosibirsk, 630091, Russian Federation*

d.baum2011@yandex.ru, julia_sar@mail.ru, doroninaya@gmail.com

RELATIONS OF EMOTIONAL AND PERSONAL FEATURES AND SUBJECTIVE ASSESSMENT OF SLEEP DISORDERS

This article discusses the problem of the relationship between the subjective assessment of sleep disorders and emotional and personal characteristics. After all, such features as anxiety, obsessive thoughts and

actions, irritability, etc. can act as predictors of sleep disorders, at the same time, long enough sleep disorders can affect the psychological features to changes during life. The study sample included 20 people, of whom 6 were diagnosed with chronic primary insomnia, and 14 had subjective complaints about sleep. It was revealed that disturbance and poor quality of sleeping correlated with emotional-personal characteristics such as emotional instability, neuroticism, irritability, depression.

Keywords: sleep disorders, insomnia, personal features, dysfunctional attitudes about sleep.

References

Vasilyeva A.V., Karavaeva T. A., Morgacheva T. V. Lechenie insomnij u bol'nyh s nevroticheskimi rasstrojstvami [Sleep disorders in women with anxiety disorders of neurotic level]. *Materialy Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennogo 100-letiju kafedry psihiatrii Pervogo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta im. akad. I. P. Pavlova, byvshego Zhenskogo medicinskogo instituta* [Proceedings of the all-Russian scientific and practical congress with international participation dedicated to the 100th anniversary of the department of psychiatry of the First St. Petersburg state medical University named after academician I. P. Pavlov, the former Women's medical Institute]. Saint-Petersburg. 2018. P. 43–45. (in Russ.)

Korabelnikova E. A. Lechenie insomnij u bol'nyh s nevroticheskimi rasstrojstvami [Treatment of insomnia in patients with neurotic disorders]. *Medicinskij Sovet [Medical Council]*. 2015. No. 10. Pp. 54–59. (in Russ.)

Savochkina D. I. Insomnija: opredelenie, modeli patogeneza, chastota vstrechaemosti v raznyh vozrastnyh gruppah [Insomnia: definition, models of pathogenesis, frequency of occurrence in different age groups]. *International student scientific Bulletin [Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik]*. 2018. No. 4. P. 293–297. (in Russ.)

Strygin K. N., Poluektov M. G. Insomnija [Insomnia]. *Medicinskij Sovet [Medical Council]*. 2017. No. 15. Pp. 52–58. (in Russ.)

Akram U., Ellis J., Myachykov A., Barclay N. Misperception of tiredness in young adults with insomnia. *Journal of Sleep Research*. 2016. Vol. 26. P. 466–474.

Anderson K. Insomnia and cognitive behavioural therapy – how to assess your patient and why it should be a standard part of care. *Journal of Sleep Research*. 2018. Vol. 10. P. 94–102.

Changnam K., Suyeon L., Soyoung Y., Boram P., Seockhoon C. Insomnia and neuroticism are related with depressive symptoms of medical student. *Sleep Medicine Research*. 2017. Vol. 8. P. 33–38.

Dekker K., Blanken T., Someren E. Insomnia and personality – a network approach. *Brain Science*. 2017. Vol. 7. P. 68–74.

Hertenstein E., Nissen C., Riemann D., Feige B., Baglioni C., Spiegelhalder K. The exploratory power of sleep effort, dysfunctional beliefs and arousal for insomnia severity and polysomnography-determined sleep. *Journal of Sleep Research*. 2015. Vol. 24. P. 399–406.

Lancee J., Eisma MC, Zanten M., Topper K. When thinking impairs sleep: trait, daytime and nighttime repetitive thinking in insomnia. *Behavioral Sleep Medicine*. 2017. Vol. 15. P. 53–69.

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-91-114

М. В. Злобина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marinazlobina1991@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЧЕРТ БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ

Представлены предварительные результаты проверки взаимосвязи толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности и личностных черт на выборке 87 чел. Приводится обзор зарубежных исследований, посвященных изучению отношений между данными конструктами. С целью проверки связи между личностными чертами и толерантностью, интолерантностью и межличностной интолерантностью к неопределенности используются личностный опросник NEO PI-R [Орел, Сенин, 2004] и Новый опросник толерантности к неопределенности [Корнилова, 2010].

Ключевые слова: черты личности, Большая пятерка, толерантность к неопределенности, ИТН, межличностная ИТН.

Введение

В современной психологии конструкт толерантности / интолерантности к неопределенности приобретает все большее значение. Толерантность к неопределенности (далее – ТН) понимается, как правило, в качестве тенденции воспринимать неопределенные ситуации как желаемые [Budner, 1962; Furnham, Ribchester, 1995], стремиться к неопределенным ситуациям [MacDonald, 1972], принимать неопределенность [Mclain, 1993]. Интолерантность к неопределенности (далее – ИТН), напротив, представляет собой тенденцию воспринимать неопределенные ситуации как источники угрозы или психоло-

Злобина М. В. Взаимосвязь толерантности и интолерантности к неопределенности и черт Большой пятерки // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 91–114.

гического дискомфорта [Budner, 1962; Norton, 1975] и стараться их избегать [Furnham, Ribchester, 1995], отражает склонность реагировать негативно на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне на неопределенные ситуации и события [Dugas, Buhr et al., 2004]. Впервые конструкт ИТН был предложен Френкель-Брунsvик [Frenkel-Brunswik, 1949], которая указывала, что лица, интолерантные к неопределенности, «имеют склонность прибегать к черно-белым решениям, делать преждевременные выводы, часто пренебрегая реальностью, и стремятся к безоговорочному и недвусмысленному признанию или отвержению со стороны других людей».

На настоящий момент среди исследователей нет единого мнения, стоит ли считать толерантность и ИТН двумя полюсами одной шкалы или же это два независимых конструкта. Так, Маклейн [McLain, 1993] указывал, что толерантность к двусмысленности – это «спектр реакций», Фёрнхем и Рибчестер [Furnham, Ribchester, 1995] говорили о том, что это «переменная, которая часто понимается в одномерном масштабе». В отечественной психологии Т. В. Корнилова говорит о необходимости рассмотрения ТН и ИТН как принципиально разных конструктов [2010].

Толерантность к неопределенности часто рассматривается в контексте организационной психологии, психологии лидерства и принятия решений [Sexton, Bowman, 1985; Bennett, Herold et al., 1990; Levin, Leginsky, 1991; Madzar, 2001; Fugate, Kinicki, 2008; Sadeghi, Soleimani, 2016; Lloyd, Härtel, 2010; Salamzadeh, Farjadian et al., 2014; Tsoukatos, 2014; Xu, Tracey, 2015; Brighetti, Lucarelli, 2015; Grant, Studholme et al., 2017; Chaudhary, 2017], в области изучения креативности и характеристик креативной личности [Martindale, Abrams et al., 1974; Zenasni, Besançon et al., 2008; Ie, Haller et al., 2012; Slijkhuis, Rietzschel et al., 2013], в области изучения иностранных языков [Warner, Koufteros et al., 2014; Thompson, Khawaja, 2016; Sadeghi, Soleimani, 2016; Varasteh, Ghanizadeh et al., 2016; Alahdadi, Ghanizadeh, 2017] и пр.

Интолерантность к неопределенности изучается преимущественно в контексте тревожных и депрессивных расстройств, как один из основных когнитивных факторов для их уязвимости [Andersen, Schwartz, 1992; Ladouceur, Blais et al., 1998; Ladouceur, Gosselin et al., 2000; Dugas, Gosselin et al., 2001; Dugas, Schwartz et al., 2004; Butzer, Kuiper, 2006; Norton, Mehta, 2007; Miranda, Fontes et al., 2008; Buhr, Dugas, 2006; Yook, Kim et al., 2010; McEvoy, Mahoney, 2011; Carleton,

Mulvogue et al., 2012; Oglesby, Albanese et al., 2015]. В одной из предыдущих работ нами также была показана связь межличностной интолерантности к неопределенности и склонности к депрессии [Злобина, Первушина, 2017].

Несмотря на то, что имеются теоретические и эмпирические основания предполагать наличие тесной взаимосвязи между ТН и ИТН и личностными чертами, нам не удалось найти отечественных исследований, посвященных этой теме, а среди зарубежных исследователей к данному вопросу обращается относительно небольшое их количество.

Так, А. Барди с коллегами [Bardi, Guerra et al., 2009] исследовали взаимосвязь ИТН и открытости в контексте академической жизни. Несмотря на то, что ТН рассматривалась некоторыми авторами (см., например: [McCrae, 1996]) как часть открытости, в своем исследовании авторы опровергли это положение. Они показали, что в начале обучения в университете оба конструкта относились к оценке угрозы и сложности задачи, и эта оценка опосредовала отношения этих черт к благополучию. С исчезновением новизны ситуации, паттерны связи обоих конструктов изменяются. ТН была связана с оценкой угрозы и сложностью задачи только на первом курсе обучения в университете, тогда как открытость была связана с благополучием и оценкой угрозы и сложностью задачи не только на первом курсе, но и в дальнейшем. Исследователи предположили, что компонент новизны, возможно, имел отношение к благополучию в начале обучения в университете, тогда как интеллектуальный аспект, вероятно, является значимым как в начале обучения в университете, так и впоследствии. Они делают вывод, что открытость является более широкой чертой, чем ТН, и включает компонент новизны и интеллектуальный компонент.

Лауриола и коллеги [Lauriola, Foschi et al., 2016] обнаружили связь черт Большой пятерки с такими компонентами ТН, как дискомфорт от неопределенности, моральный абсолютизм и ригидность и потребность в сложности и новизне. Экстраверсия и открытость к опыту были отрицательно связаны с дискомфортом от неопределенных ситуаций и положительно связаны с потребностью в сложности и новизне. Открытость к опыту была отрицательно связана с моральным абсолютизмом и ригидностью мышления. Нейротизм был положительно связан с дискомфортом от неопределенности. Добросовестность была

положительно связана с потребностью в сложности и новизне. Связей результатов шкалы сотрудничества с результатами по шкалам ТН обнаружено не было.

В одном из недавних исследований, Джек и Смайли [Jach, Smillie, 2019] также показали наличие связи между ТН и чертами Большой пятерки. Они рассмотрели связь подшкал трех методик ТН с различными аспектами открытости к опыту, экстраверсии и нейротизма. В качестве методик, направленных на измерение ТН и ИТН, использовались шкалы TFA (Tolerance for Ambiguity Scale), MSTAT II (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II) и шкала IUS-12 (Intolerance of Uncertainty Scale-12) [Carleton et al., 2007]. Для измерения черт Большой пятерки использовались опросник BFI-2 и шкала открытость / интеллект опросника Big Five Aspect Scales (BFAS). По результатам корреляционного анализа показатели каждой из шкал, направленных на измерение ТН, были связаны с показателями открытости к опыту и экстраверсии [Jach, Smillie, 2019]. Показатели по шкалам добросовестность и сотрудничество были положительно связаны с результатами по MSTAT и отрицательно с результатами по шкале IUS-12. Показатели по шкале негативной эмоциональности (нейротизма) были отрицательно связаны с показателями по MSTAT и положительно – с показателями по IUS-12. При этом более сильные связи с экстраверсией и нейротизмом были получены по шкале MSTAT [Ibid.]. Авторами также был проведен регрессионный анализ, который продемонстрировал, что открытость к опыту предсказывала ТН, и что экстраверсия продолжала предсказывать ТН, даже при контроле открытости к опыту. Используя сетевой анализ, авторы показали, что открытость к опыту была связана с ТН через интеллектуальное любопытство, а не эстетическую оценку; экстраверсия в наибольшей степени была связана с ТН через настойчивость, а не общительность или энергетические уровни, а нейротизм имел сильную связь с ИТН, при этом не имея надежных связей с подшкалами ТН.

В работе Беренбаум и соавторов [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008] проверялась факторная структура шкалы ИТН (Intolerance of Uncertainty Scale (IUS)), а также связи с показателями шкалы потребности в закрытости, Опросника беспокойства и Большой пятерки. Исследователей в том числе интересовало, связаны ли с указанными показателями различные размерности ИТН. Подшкала дистресса, вызванного неопределенностью, была особенно сильно связана с нейро-

тизмом. Корреляция между нейротизмом и подшкалой дистресса, вызванного неопределенностью, была значимо сильнее, чем корреляции между нейротизмом и потребностью в предсказуемости, парализованностью неопределенностью и негибких убеждениях относительно неопределенности. Отрицательная корреляция между экстраверсией и подшкалой парализованность неопределенностью была значимо сильнее, чем связи между экстраверсией и подшкалой потребности в предсказуемости, дистресса, вызванного неопределенностью, и парализованности неопределенностью. Связь между показателем добросовестности и показателем потребности в предсказуемости значимо отличалась от связи между показателем добросовестности и подшкалами дистресса, вызванного неопределенностью, парализованностью неопределенностью и негибких убеждениях относительно неопределенности. Значимых связей со шкалой сотрудничество обнаружено не было.

Связь ИТН и нейротизма была продемонстрирована во многих исследованиях. Макэвой и Махоуни обнаружили, что ИТН обуславливает отношения между нейротизмом и социальной тревогой [McEvoy, Mahoney, 2011]. Аллан и соавторы [Allan, Oglesby et al., 2016] также показали, что отношения между нейротизмом и социальной тревогой могут быть объяснены через ИТН. Греко и Роджер [Greco, Roger, 2001], разрабатывая шкалу реагирования на неопределенные ситуации, показали наличие связи со шкалами личностного опросника Айзенка (EPI). В их исследовании эмоциональная неопределенность была положительно связана с нейротизмом ($0,56, p < 0,01$) и социальной сензитивностью ($0,51, p < 0,01$), а когнитивная неопределенность была отрицательно связана с социальной сензитивностью ($-0,21, p < 0,01$), нейротизмом ($0,20, p < 0,05$) и импульсивностью ($0,25, p < 0,01$).

В иерархической модели эмоциональных расстройств (см.: [Norton, Mehta, 2007]) ИТН рассматривает как фактор более низкого порядка по отношению к нейротизму.

На основании вышесказанного можно утверждать следующее.

1. В ряде зарубежных исследований была показана связь между разными компонентами ТН и ИТН и личностными чертами. В частности, было показано, что ТН и ИТН являются факторами более низкого порядка по отношению к ряду личностных черт. ИТН также может обуславливать отношения между нейротизмом и эмоциональными расстройствами [McEvoy, Mahoney, 2011; Allan et al., 2016].

2. Было показано, что с экстраверсией положительно связана ТН [Jach, Smillie, 2019] и такие ее компоненты, как потребность в сложности и новизне [Lauriola, Foschi et al., 2016] и потребность в изменениях [Greco, Roger, 2001].

3. ТН (и, в частности, потребность в сложности и новизне) также положительно связана с открытостью к опыту [Jach, Smillie, 2019; Lauriola, Foschi et al., 2016].

4. В исследовании Джек и Смайли [Jach, Smillie, 2019] ТН была отрицательно связана с нейротизмом.

5. Было показано, что ИТН отрицательно связана с экстраверсией и открытостью к опыту [Ibid.]. Отрицательно связаны с экстраверсией такие компоненты ИТН, как дискомфорт от неопределенных ситуаций [Lauriola, Foschi et al., 2016], дистресс, вызванный неопределенностью, потребность в предсказуемости, парализованность неопределенностью и негибкие убеждения относительно неопределенности [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008]. С открытостью к опыту был отрицательно связан дискомфорт от неопределенных ситуаций [Lauriola, Foschi et al., 2016].

6. ИТН и все ее выделяемые компоненты (дискомфорт от неопределенных ситуаций [Ibid.], дистресс, вызванный неопределенностью, потребность в предсказуемости, парализованность неопределенностью и негибкие убеждения относительно неопределенности [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008]) были положительно связаны с нейротизмом [Jach, Smillie, 2019].

7. Результаты, касающиеся связи ТН и ИТН и сотрудничества и добросовестности, противоречивы. В исследованиях Лауриола и коллег [Lauriola, Foschi et al., 2016] и [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008] связи между ТН и ИТН и сотрудничеством обнаружено не было, тогда как в работе [Jach, Smillie, 2019] показано наличие отрицательной связи сотрудничества с ИТН и положительной – с ТН. Добросовестность была положительно связана с потребностью в сложности и новизне [Lauriola, Foschi et al., 2016] и ТН [Jach, Smillie, 2019], но также положительно связана с потребностью в предсказуемости [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008]. Отрицательно добросовестность была связана с ИТН [Jach, Smillie, 2019] и негибкими убеждениями относительно неопределенности [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008].

Целью данного исследования является предварительная проверка связи между ТН и ИТН и чертами личности на русскоязычной

выборке 87 чел. Для этих целей нами были использованы опросник NEO-PI-R и Новый опросник ТН Т. В. Корниловой.

Гипотезы

Открытость к опыту. Наиболее тесно конструкт ТН связан с открытостью к опыту. Открытость к опыту как личностная черта обуславливает «активное воображение, эстетическую чувствительность, внимание к чувствам других, предпочтение разнообразия, гибкость ума и независимость в суждениях и оценках. Открытые индивиды желают принимать, поддерживать новые идеи и нетрадиционные ценности» [Piedmont, 1998]. Макрэй предположил, что лица, обладающие высокой открытостью к опыту, характеризуются потребностью в разнообразии и мотивированы на поиск незнакомого. Напротив, люди, обладающие низкой открытостью к опыту, предпочитают знакомое незнакомому (цит. по: [Bardi, Guerra et al., 2009]). Это согласуется с представлениями о толерантной (интолерантной) к неопределенности личности. Лица, обладающие высокой ТН, стремятся к неопределенности [Furnham, Ribchester, 1995], принимают неопределенность [McLain, 1993], воспринимают неопределенные ситуации как желаемые, сложные и интересные [Furnham, Ribchester, 1995], и, наоборот, лица с высокой ИТН воспринимают неопределенные ситуации как источники угрозы [Budner, 1962], рассматривают их в качестве реальных или потенциальных источников психологического дискомфорта или угрозы [Norton, 1975], испытывают стресс и в неопределенных ситуациях и стараются их избегать [Furnham, Ribchester, 1995], склонны «прибегать к черно-белым решениям, делать преждевременные выводы, часто пренебрегая реальностью, и стремятся к безоговорочному и недвусмысленному всеобщему признанию и отвержению других людей» [Frenkel-Brunswik, 1949]. Соответственно, мы можем ожидать наличие положительной связи показателей **открытости к опыту (О)** с показателем ТН и отрицательной связи с показателями ИТН.

Открытость к опыту, как и ИТН, затрагивает и поведенческий уровень. Карлетон и коллеги [Carleton, Norton et al., 2007] показали, что ИТН имеет две размерности более низкого порядка: проспективная и ингибирующая ИТН. Проспективная ИТН отражает желание определенности, тогда как ингибирующая ИТН отражает трудности

реагирования в ситуациях неопределенности («Неопределенность парализует меня») [Carleton, Norton et al., 2007]. Открытость к опыту на поведенческом уровне выражается в «готовности к разнообразным видам активности, к посещению новых мест или предпочтению необычной пищи традиционным блюдам» [Piedmont, 1998]. Люди, обладающие высокой открытостью к опыту, предпочитают новизну и разнообразие. Напротив, люди, обладающие низкой открытостью к опыту, «считают перемены трудными и предпочитают держаться за испытанное и проверенное» [Ibid.]. Следовательно, можно ожидать наличия отрицательной связи между показателями подшкалы открытости к опыту **Действия О4** и показателем ИТН. Напротив, лица, толерантные к неопределенности, стремятся к новизне и изменениям, поэтому можно ожидать наличия положительной связи между показателями подшкалы открытости к опыту **Действия О4** и показателем ТН.

Можно предполагать наличие положительной связи между результатами по шкале ТН и результатами подшкалы открытости к опыту **Идеи (О5)**. «Интеллектуальная любознательность» проявляется в активном поиске интеллектуальных интересов, открытости сознания и стремлении рассматривать, обдумывать, принимать во внимание новые, возможно нетрадиционные идеи. «Высокие баллы означают любовь как к философским дискуссиям, так и к решению головоломок, трудных задач. Низкие баллы по подшкале свойственны людям с ограниченной любознательностью и, в случае высокого уровня интеллекта, суженности сферы применения своих способностей, их сфокусированности на ограниченной тематике проблем» [Ibid.]. Деянг и коллеги [DeYoung, Quilty et al., 2014] отмечают, что открытость к опыту связана с интеллектом. Джек и Смайли [Jach, Smillie, 2019] предполагают, что любая наблюдаемая связь между открытостью к опыту и ТН может быть обусловлена интеллектом. Например, люди с более развитым интеллектом могут всесторонне обдумывать свой выбор при неопределенных вариантах и, таким образом, меньше подвергаться влиянию отрицательных свойств неопределенности.

Нейротизм. В известном смысле представляет противоположность эмоциональной стабильности личности и отражает склонность человека испытывать негативные эмоциональные состояния. Шкала нейротизма в целом измеряет «неумение приспособливаться к жизни». Жизнь в современном обществе характеризуется постоянной измен-

чивостью, неопределенностью, ТН в этих условиях является важной характеристикой, которая способствует лучшей адаптации в изменчивом мире. ИТН, напротив, отражает восприятие неопределенных ситуаций как угрожающих и обуславливает возникновение в таких ситуациях негативных эмоциональных состояний. Можно ожидать, что показатели шкалы **Нейротизм (N)** будут положительно связаны с показателями ИТН и отрицательно – с показателями ТН.

Мы можем предположить наличие положительной связи между показателями по шкале ИТН и показателями по подшкалам шкалы нейротизма **Тревожность (N1)** и **Депрессия (N3)**.

Во многих исследованиях было показано наличие связи между тревожными расстройствами и депрессией и высокой ИТН. Так, Бёр и Дугас [Buhr, Dugas, 2009] указывают, что «ИТН является фундаментальным когнитивным процессом, связанным с чрезмерным беспокойством и ГТР». Фристон и соавторы [Freedon, Rheume et al., 1994] говорят об ИТН как о проявлении базовой дисфункциональной схемы, которая «направляет обработку информации и способствует развитию и поддержанию беспокойства посредством прямого и косвенного воздействия». Большое количество данных указывает на связь между ИТН и депрессией [Andersen, Schwartz, 1992; Dugas, Buhr et al., 2004; Miranda, Fontes et al., 2008; Yook, Kim et al., 2010; Carleton et al., 2012]. В ряде исследований был продемонстрирован феномен депрессивной предсказательной определенности, отражающий уверенность индивида в том, что негативные события обязательно произойдут, а позитивные нет. Было показано, что этот феномен является достаточным фактором для возникновения депрессии. Вероятно, что лица, интолерантные к неопределенности, будут предпочитать жить в «негативной определенности», чем справляться с неопределенностью. Это дает основания предполагать, что Нейротизм определяет склонность к таким негативным эмоциональным состояниям, как тревога и депрессии через связь с ИТН.

Межличностная ИТН отражает стремление к «ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими» [Корнилова, 2010]. Неопределенность является неотъемлемой характеристикой любых отношений. Человек с высокой межличностной ИТН будет чаще, по сравнению с другими, испытывать дискомфорт в социальных ситуациях. Тенденцию чувствовать себя некомфортно среди людей отражает подшкала **N4**

(Рефлексия). Значит, мы можем ожидать положительной связи между показателями данной подшкалы и показателем *межличностной интолерантности к неопределенности* (далее – МИТН).

Экстраверсия. Основными чертами экстравертов являются общительность, активность, настойчивость. Экстраверты обладают большим количеством энергии, «любят людей и предпочитают большие группы и собрания... любят возбуждение и стимуляцию и имеют веселый нрав» [Piedmont, 1998]. Исходя из этого можно утверждать, что показатели по шкале **Экстраверсия (Е)** будут положительно связаны с показателями по шкале **ТН**. Лица, толерантные к неопределенности, стремятся к новизне, изменениям и оригинальности [Корнилова, 2010]. В основе этого стремления как раз и может лежать поиск стимуляции.

Можно предположить, что человек, интолерантный к неопределенности в межличностных отношениях, будет избегать социальных контактов. Это может быть обусловлено стремлением избежать неопределенности, которая возникает, когда человек вступает в отношения с другими. Значит, МИТН будет отрицательно связана с *общительностью* по шкале **Экстраверсии (Е2)**. Лица с низкими баллами по данной подшкале «имеют тенденцию быть в одиночестве, при этом они не только желают этого, но и предпринимают активные действия, чтобы избежать социальных контактов».

Показатели ИТН и МИТН будут, вероятно, положительно связаны с показателем **Настойчивости (Е3)** по шкале экстраверсии. Лица с высокими баллами по данной подшкале «доминантны, полны решимости и стремятся к установлению влияния над другими людьми. Они не сомневаются по поводу своих решений, их суждения безапелляционны». Эти же характеристики будут относиться и к интолерантному к неопределенности человеку. Кроме того, лица, обладающие высокой МИТН, как уже отмечалось, обладают стремлением к «ясности и контролю в межличностных отношениях» [Там же].

Поиск возбуждений (Е5), как было указано выше, с большой вероятностью будет связан с **ТН**, в основе которой может лежать поиск стимуляции.

Результаты по шкале **Позитивные эмоции (Е6)** будут, вероятно, отрицательно связаны с результатами по шкале **ИТН**. В ряде исследований было показано, что ИТН может предсказывать возникновение депрессии и негативных эмоций.

Выборка

Выборку составили 87 чел., студенты и сотрудники Новосибирского государственного университета в возрасте от 18 до 30 лет (17 мужчин и 70 женщин).

Методики

NEO-PI-R (Revised NEO Personality Inventory)

Методика NEO-PI-R направлена на оценку основных черт Большой пятерки (нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность). Опросник разработан на основе созданного в 1985 г. Коста и Макрэй Личностного опросника (NEO-PI). Русскоязычная версия опросника была создана в 1997 г. [Орел, Сенин, 2004]. Авторы указывают на высокий уровень согласованности шкал и подшкал методики, а также хорошую валидность и надежность методики.

Опросник состоит из 240 утверждений. Испытуемому предлагается ответить, насколько ему соответствует утверждение (абсолютно не согласен, не согласен, нейтрально согласен, абсолютно согласен). Утверждения группируются в 5 шкал, соответствующих чертам Большой пятерки, каждая из шкал содержит 6 подшкал.

Ниже указаны основные шкалы и подшкалы опросника:

Нейротизм (N): Тревожность, Злобная враждебность, Депрессия, Рефлексия, Импульсивность, Ранимость.

Экстраверсия (E): Сердечность, Общительность, Настойчивость, Поиск возбуждения, Позитивные эмоции.

Открытость к опыту (O): Фантазия, Эстетика, Чувства, Действия, Идеи, Ценности.

Сотрудничество (A): Доверие, Честность, Альтруизм, Уступчивость, Скромность, Чуткость.

Добросовестность (C): Компетентность, Организованность, Послушность долгу, Стремление к достижению, Самодисциплина, Обдумывание поступков.

Новый опросник ТН Т. В. Корниловой

Опросник состоит из 33 утверждений, которые испытуемым предлагается оценить по семибалльной лайкертовской шкале (от 1 полностью несогласен до 7 полностью согласен). Утверждения группируются в три шкалы (фактора): ТН, ИТН и МИТН.

Результаты и обсуждение

Как и ожидалось, результаты по шкале ТН оказались положительно связаны с результатами по шкалам экстраверсии и открытости опыту (0,29, $p < 0,001$ и 0,41, $p < 0,001$ соответственно).

Показатели по шкале ТН, как и предполагалось, были положительно связаны с показателями подшкал поиск возбуждений (Е5) (0,41, $p < 0,001$), действия (О4) (0,4, $p < 0,001$), идеи (О5) (0,36, $p < 0,001$).

Как и предполагалось, МИТН оказалась положительно связана с рефлексией (N4).

Вопреки гипотезе, показатели по шкале ИТН не были связаны с показателями подшкал шкалы нейротизма тревогой (N1) и депрессией (N3) и подшкалы позитивные эмоции (Е6) шкалы экстраверсия. При этом результаты по шкале МИТН были положительно связаны с результатами по шкале нейротизма, а также по всем подшкалам шкалы нейротизма (кроме импульсивности), и отрицательно связаны с показателями шкалы экстраверсия и всеми подшкалами шкалы экстраверсия (см. табл.).

Как уже было указано выше, большое число исследований показали наличие связи между ИТН и нейротизмом. Несмотря на это, полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют об отсутствии связи показателя ИТН и о наличии связи показателя МИТН с показателями нейротизма. Полученные в нашем исследовании результаты, с одной стороны, позволяют предположить, что ИТН именно в межличностных отношениях связана с такой личностной чертой, как нейротизм. Как указывает Пьедмонт [Piedmont, 1998], «сущностью шкалы нейротизма является общая тенденция испытывать негативные аффективные состояния, такие как страх, грусть, раздражение, гнев, чувства вины и отвращения». Лица, набравшие высокие баллы по шкале нейротизма, склонны к иррациональным идеям, хуже контролируют свои импульсы и хуже, чем другие, справляются со стрессами. Отсутствие связи МИТН с показателем импульсивности неудивительно. Импульсивность как черта личности отражает неспособность контролировать свои желания и побуждения, неспособность противостоять таким соблазнам, как табак, алкоголь, материальные блага и т. д. Лица с низкими баллами по данной подшкале обладают более высокой толерантностью к фрустрациям. Поскольку импульсивность в данном случае не затрагивает межличностного аспекта,

Корреляции Толерантности к неопределенности, Интолерантности к неопределенности, Межличностной интолерантности к неопределенности и личностных черт (только значимые) *

Шкалы	N	Spearman	p-level
ТН & Е	87	0,29	0,006
ТН & О	87	0,42	0,000
ТН & Е3	87	0,31	0,003
ТН & Е5	87	0,41	0,000
ТН & О4	87	0,40	0,000
ТН & О5	87	0,36	0,000
ТН & С4	87	0,22	0,030
ТН & А5	87	-0,32	0,002
МИТН & N1	87	0,24	0,020
МИТН & N2	87	0,25	0,017
МИТН & N3	87	0,32	0,002
МИТН & N4	87	0,34	0,001
МИТН & N6	87	0,29	0,005
МИТН & Е1	87	-0,26	0,015
МИТН & Е2	87	-0,28	0,009
МИТН & Е3	87	-0,38	0,000
МИТН & Е4	87	-0,28	0,009
МИТН & Е5	87	-0,27	0,011
МИТН & Е6	87	-0,21	0,046
МИТН & О4	87	-0,22	0,038
МИТН & А1	87	-0,32	0,002
МИТН & А5	87	0,27	0,010
МИТН & С1	87	-0,21	0,049
МИТН & С5	87	-0,25	0,021

* Примечания: ТН – толерантность к неопределенности (Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой), ИТН – интолерантность к неопределенности (Там же), МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности (Там же). Е – Экстраверсия (NEO-PI-R), Е1 – Сердечность (NEO-PI-R), Е2 – Общительность (NEO-PI-R), Е3 – Настойчивость (NEO-PI-R), Е4 – Поиск возбуждения (NEO-PI-R), Е5 – Позитивные эмоции (NEO-PI-R); О – открытость к опыту (NEO-PI-R), О4 – Действия (NEO-PI-R), О5 – Идеи (NEO-PI-R); N – Нейротизм (NEO-PI-R), N1 – Тревожность, N2 – Злобная враждебность (NEO-PI-R), N3 – Депрессия (NEO-PI-R), N4 – Рефлексия (NEO-PI-R), N5 – Импульсивность (NEO-PI-R), N6 – Ранимость (NEO-PI-R); С – Добросовестность (NEO-PI-R), С1 – Компетентность (NEO-PI-R), С4 – Стремление к достижению (NEO-PI-R), С5 – Самодисциплина; А – Сотрудничество (NEO-PI-R), А1 – Доверие (NEO-PI-R), А5 – Скромность (NEO-PI-R).

отсутствие связи с МИТН предсказуемо. С другой стороны, возникает вопрос, действительно ли полученные результаты отражают отношения между этими переменными или же вызваны недостатками инструментария. Появляется необходимость разработки более надежных инструментов для оценки ТН и ИТН.

Межличностная интолерантность к неопределенности оказалась в нашем исследовании отрицательно связана с экстраверсией. «Основной отличительной чертой экстравертов является, конечно, общительность. Экстраверты любят людей и предпочитают большие группы и собрания, они также напористы, активны, энергичны, оптимистичны и любят поговорить. Экстраверты любят возбуждение и стимуляцию и имеют веселый нрав» [Piedmont, 1998]. В любых межличностных отношениях неизбежно возникают ситуации неопределенности. Можно предположить, что лица, обладающие высокой интолерантностью к межличностной неопределенности, будут стараться их избегать и, следовательно, избегать интенсивных контактов, большого количества людей и т. д. Эта тенденция выражается в связи МИТН с такими сторонами экстраверсии, как сердечность и общительность. Сердечность и общительность, первые две подшкалы шкалы экстраверсии, в наибольшей степени отражают аспекты межличностных отношений. Сердечность означает способность людей устанавливать близкие контакты с другими людьми, а общительность – предпочтение человека находиться среди других.

Вопреки ожиданиям, ТН была положительно связана с настойчивостью (Е3). Если понимать настойчивость как уверенность в себе, тогда данный результат поддается объяснению. Действительно, человек, обладающий уверенностью в себе, не будет испытывать сомнений и неуверенности перед лицом неопределенности, с большей готовностью будет решать сложные задачи, так как убежден, что сможет с ними справиться.

Помимо этого нами были получены дополнительные результаты, не входящие в гипотезы, а именно, связи показателей толерантности и межличностной интолерантности к неопределенности и показателей сотрудничества и добросовестности.

Показатель ТН был отрицательно связан с показателем подшкалы скромность шкалы сотрудничество (А5) и положительно – с показателем подшкалы стремление к достижению шкалы добросовестности (С4).

МИТН была положительно связана с показателем подшкалы скромность (А5) и отрицательно – с показателями следующих подшкал: доверие (А1), компетентность (С1), самодисциплина (С5).

Заключение

В данном исследовании мы рассмотрели взаимосвязь показателей толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности и личностных черт. Как и предполагалось, ТН оказалась положительно связана с экстраверсией и открытостью к опыту. МИТН оказалась положительно связана с нейротизмом и отрицательно – с экстраверсией. Это согласуется с результатами, полученными в других исследованиях, посвященных изучению ТН и ИТН и черт личности. Однако часть полученных результатов не согласуется с результатами других исследований и не подтверждает часть наших предположений. Так, нами не были получены связи ИТН и нейротизма. Как уже отмечалось выше, подобный результат может быть вызван недостатками измерительных инструментов, что создает необходимость использования дополнительных методик. Кроме того, требуется дальнейшее увеличение выборки. Это позволит сделать более точные выводы о соотношении ТН и ИТН и личностных черт. Данные результаты являются предварительными и требуют дальнейшей проверки и более подробного анализа.

Список литературы

Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // *Reflexio*. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.

Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностный опросник NEO PI-R. Руководство по применению. Ярославль, 2004.

Alahdadi S., Ghanizadeh A. The dynamic interplay among EFL learners' ambiguity tolerance, adaptability, cultural intelligence, learning approach, and language achievement // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 2017. Vol. 5, No. 1. P. 37–50.

Allan N. P., Oglesby M. E. et al. Cognitive risk factors explain the relations between neuroticism and social anxiety for males and females // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2016. P. 1–15.

Andersen S. M., Schwartz A. H. Intolerance of Ambiguity and Depression: A Cognitive Vulnerability Factor Linked to Hopelessness // *Social Cognition*. 1992. Vol. 10, No. 3. P. 271–298.

Bardi A., Guerra V. M. et al. Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to well-being in the context of an academic life transition // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47, No. 3. P. 219–223.

Bennett N., Herold D. M. et al. The effects of tolerance for ambiguity on feedback-seeking behaviour // *Journal of Occupational Psychology*. 1990. Vol. 63, No. 4. P. 343–348.

Berenbaum H., Bredemeier K. et al. Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22, No. 1. P. 117–125.

Brighetti G., Lucarelli C. Gender differences in attitudes towards risk and ambiguity: when psycho-physiological measurements contradict sex-based stereotypes // *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 2015. Vol. 24, No. 1. P. 62.

Budner S. Intolerance of ambiguity as a personal variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30, No. 1. P. 29–50.

Buhr K., Dugas M. J. Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry // *Journal of Anxiety Disorders*. 2006. Vol. 20, No. 2. P. 222–236.

Buhr K., Dugas M. J. The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation // *Behaviour Research and Therapy*. 2009. Vol. 47, No. 3. P. 215–223.

Butzer B., Kuiper N. A. Relationships between the frequency of social comparisons and self-concept clarity, intolerance of uncertainty, anxiety, and depression // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 41, No. 1. P. 167–176.

Carleton R. N., Mulvogue M. K. et al. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26, No. 3. P. 468–479.

Chaudhary R. Demographic factors, personality and entrepreneurial inclination: A study among Indian university students // *Education + Training*. 2017. Vol. 59, No. 2. P. 171–187.

DeYoung C. G., Quilty L. C. et al. Openness to Experience, Intellect, and Cognitive Ability // *Journal of Personality Assessment*. 2014. Vol. 96, No. 1. P. 46–52.

Dugas M. J., Buhr K. et al. The Role of Intolerance of Uncertainty in Etiology and Maintenance // *Generalized anxiety disorder: Advances in research and practice*. New York, NY, US: Guilford Press, 2004. P. 143–163.

Dugas, M. J., Gosselin P., Ladouceur R. Intolerance of uncertainty and worry: Investigating specificity in a nonclinical sample // *Cognitive Therapy and Research*. 2001. Vol. 25, No. 5. P. 551–558.

Dugas M. J., Schwartz A. et al. Brief Report: Intolerance of Uncertainty, Worry, and Depression // *Cognitive Therapy and Research*. 2004. Vol. 28, No. 6. P. 835–842.

Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. Vol. 18, No. 1. P. 108–143.

Fugate M., Kinicki A. J. A dispositional approach to employability: Development of a measure and test of implications for employee reactions to organizational change // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2008. Vol. 81, No. 3. P. 503–527.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // *Current Psychology*. 1995. Vol. 14, No. 3. P. 179–199.

Grant A. M., Studholme I. et al. The impact of leadership coaching in an Australian healthcare setting // *Journal of Health Organization and Management*. 2017. Vol. 31, No. 2. P. 237–252.

Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31, No. 4. P. 519–534.

Jach H. K., Smillie L. D. To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits // *Journal of Research in Personality*. 2019. Vol. 79. P. 67–78.

Ladouceur R., Gosselin P. et al. Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: a study of a theoretical model of worry // *Behaviour Research and Therapy*. 2000. Vol. 38, No. 9. P. 933–941.

Lauriola M., Foschi R. et al. Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales // *Assessment*. 2016. Vol. 23, No. 3. P. 353–373.

Levin R., Leginsky P. The Independent Social Worker as Entrepreneur // *Journal of Independent Social Work*. 1991. Vol. 5, No. 1. P. 89–99.

Lloyd S., Härtel C. Intercultural competencies for culturally diverse work teams // *Journal of Managerial Psychology*. 2010. Vol. 25, No. 8. P. 845–875.

MacDonald A. P. Characteristics of volunteer subjects under three recruiting methods: Pay, extra credit, and love of science. // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1972. Vol. 39, No. 2. P. 222–234.

Madzar S. Subordinates' information inquiry: Exploring the effect of perceived leadership style and individual differences // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2001. Vol. 74, No. 2. P. 221–232.

Martindale C., Abrams L. et al. Creativity and Resistance to Cognitive Dissonance // *The Journal of Social Psychology*. 1974. Vol. 92, No. 2. P. 317–318.

McCrae R. R. Social Consequences of Experiential Openness P. 15.

McEvoy P. M., Mahoney A. E. J. Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. Vol. 25, No. 1. P. 112–122.

McLain D. L. The Mstat-I: A New Measure of an Individual's Tolerance for Ambiguity // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. Vol. 53, No. 1. P. 183–189.

Miranda R., Fontes M. et al. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46, No. 10. P. 1151–1159.

Norton P. J., Mehta P. D. Hierarchical Model of Vulnerabilities for Emotional Disorders // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2007. Vol. 36, No. 4. P. 240–254.

Norton R. W. Measurement of Ambiguity Tolerance // *Journal of Personality Assessment*. 1975. Vol. 39, No. 6. P. 607–619.

Oglesby M. E., Albanese B. J. et al. Intolerance of Uncertainty in Relation to Motives for Alcohol Use // *Cognitive Therapy and Research*. 2015. Vol. 39, No. 3. P. 356–365.

Piedmont R. L. The Revised NEO Personality Inventory: Clinical and Research Applications. New York: Plenum Press, 1998.

Sadeghi K., Soleimani M. The relationship between anxiety, shyness, ambiguity tolerance, and language learning strategies // *International Journal of Pedagogies and Learning*. 2016. Vol. 11, No. 1. P. 70–87.

Salamzadeh A., Farjadian A. A. et al. Entrepreneurial characteristics: insights from undergraduate students in Iran // *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 2014. Vol. 21, No. 2. P. 165.

Sexton D. L., Bowman N. The Entrepreneur: A Capable Exewtne and More // *Journal of Business Venturing*. 1985. Vol. 1, No. 1. P. 129–140.

Thompson A. S., Khawaja A. J. Foreign language anxiety in Turkey: the role of multilingualism // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2016. Vol. 37, No. 2. P. 115–130.

Tsoukatos E. Perceptions of entrepreneurial personality traits: evidence from Greece // *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. 2014. Vol. 10, No. 2/3. P. 179.

Xu H., Tracey T. J. G. Career Decision Ambiguity Tolerance Scale: Construction and initial validations // *Journal of Vocational Behavior*. 2015. Vol. 88. P. 1–9.

Yook K., Kim K.-H. et al. Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2010. Vol. 24, No. 6. P. 623–628.

Warner J. A., Koufteros X. et al. Learning Computerese: The Role of Second Language Learning Aptitude in Technology Acceptance // *Educational and Psychological Measurement*. 2014. Vol. 74, No. 6. P. 991–1017.

Zenasni F., Besançon M. et al. Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study // *The Journal of Creative Behavior*. 2008. Vol. 42, No. 1. P. 61–73.

M. V. Zlobina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marinazlobina1991@mail.ru

**THE RELATIONSHIP BETWEEN TOLERANCE
AND INTOLERANCE OF AMBIGUITY AND BIG FIVE
PERSONALITY TRAITS**

The paper presents the preliminary results of testing the relationship of tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty and interpersonal intolerance of uncertainty and personality traits on a sample of 87 people. A review of foreign studies on the relationship between these constructs is given. Revised NEO Personality Inventory [Orel, Senin, 2004] and the New Questionnaire of Tolerance of Uncertainty [Kornilova, 2010] was used in order to test the relationship between personality traits and tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty and interpersonal intolerance of uncertainty.

Keywords: personality traits, Big five, tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty, interpersonal intolerance of uncertainty.

References

Alahdadi S., Ghanizadeh A. (2017). The dynamic interplay among EFL learners' ambiguity tolerance, adaptability, cultural intelligence, learning approach, and language achievement. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 5 (1), 37–50.

Allan N. P., Oglesby M. E. (2016). Cognitive risk factors explain the relations between neuroticism and social anxiety for males and females. *Cognitive Behaviour Therapy*, 1–15.

Andersen S. M., Schwartz A. H. (1992). Intolerance of Ambiguity and Depression: A Cognitive Vulnerability Factor Linked to Hopelessness. *Social Cognition*, 10 (3), 271–298.

Bardi A., Guerra V. M. (2009). Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to well-being in the context of an academic life transition. *Personality and Individual Differences*, 47 (3), 219–223.

Bennett N., Herold D. M. (1990). The effects of tolerance for ambiguity on feedback-seeking behavior. *Journal of Occupational Psychology*, 63 (4), 343–348.

Berenbaum H., Bredemeier K. (2008). Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality. *Journal of Anxiety Disorders*, 22 (1), 117–125.

Brighetti G., Lucarelli C. (2015). Gender differences in attitudes towards risk and ambiguity: when psycho-physiological measurements contradict sex-based stereotypes. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 24 (1), 62–82.

Budner S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30 (1), 29–50.

Buhr K., Dugas M. J. (2006). Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry. *Journal of Anxiety Disorders*, 20 (2), 222–236.

Buhr K., Dugas M. J. (2009). The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation. *Behaviour Research and Therapy*, 47 (3), 215–223.

Butzer B., Kuiper N. A. (2006). Relationships between the frequency of social comparisons and self-concept clarity, intolerance of uncertainty, anxiety, and depression. *Personality and Individual Differences*, 41 (1), 167–176.

Carleton R. N., Mulvogue M. K. (2012). Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 26 (3), 468–479.

Carleton R. N., Norton M. A. P. J. (2007). Fearing the unknown: A short version of the Intolerance of Uncertainty Scale. *Journal of Anxiety Disorders*, 21 (1), 105–117.

Chaudhary R. (2017). Demographic factors, personality and entrepreneurial inclination: A study among Indian university students. *Education + Training*, 59 (2), 171–187.

DeYoung C. G., Quilty L. C. (2014). Openness to Experience, Intellect, and Cognitive Ability. *Journal of Personality Assessment*, 96 (1), 46–52.

Dugas M. J., Buhr K. (2004). The Role of Intolerance of Uncertainty in Etiology and Maintenance. *Generalized anxiety disorder: Advances in research and practice*. New York, NY, US: Guilford Press, 143–163.

Dugas, M. J., Gosselin, P., & Ladouceur, R. (2001). Intolerance of uncertainty and worry: Investigating specificity in a nonclinical sample. *Cognitive Therapy and Research*, 25(5), 551–558.

Dugas M. J., Schwartz A. (2004). Brief Report: Intolerance of Uncertainty, Worry, and Depression. *Cognitive Therapy and Research*, 28 (6), 835–842.

Frenkel-Brunswik E. (1949). Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual variable. *Journal of Personality*, 18 (1), 108–143.

Fugate M., Kinicki A. J. (2008). A dispositional approach to employability: Development of a measure and test of implications for employee reactions to organizational change. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 81 (3), 503–527.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. (1995). *Current Psychology*, 14 (3), 179–199.

Grant A. M., Studholme I. (2017). The impact of leadership coaching in an Australian healthcare setting. *Journal of Health Organization and Management*, 31 (2), 237–252.

Greco V., Roger D. (2001). Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences*, 31 (4), 519–534.

Jach H. K., Smillie L. D. (2019). To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits. *Journal of Research in Personality*, 79, 67–78.

Kornilova, T. V. (2010). Novyi oprosnik tolerantnosti–intolerantnosti k neopredelennosti [New Questionnaire of tolerance/intolerance for uncertainty]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (1), 74–86. (in Russ.)

Ladouceur R., Gosselin P. (2000). Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: a study of a theoretical model of worry. *Behaviour Research and Therapy*, 38 (9), 933–941.

Lauriola M., Foschi R. (2016). Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales. *Assessment*, 23 (3), 353–373.

Levin R., Leginsky P. (1991). The Independent Social Worker as Entrepreneur. *Journal of Independent Social Work*, 5 (1), 89–99.

Lloyd S., Härtel C. (2010). Intercultural competencies for culturally diverse work teams. *Journal of Managerial Psychology*, 25 (8), 845–875.

MacDonald A. P. (1972). Characteristics of volunteer subjects under three recruiting methods: Pay, extra credit, and love of science. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 39 (2), 222–234.

Madzar S. (2001). Subordinates' information inquiry: Exploring the effect of perceived leadership style and individual differences. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 74 (2), 221–232.

Martindale C., Abrams L. (1974). Creativity and Resistance to Cognitive Dissonance. *The Journal of Social Psychology*, 92 (2), 317–318.

McCrae R. R. (1993). Social Consequences of Experiential Openness. *Psychological Bulletin*, 120 (3), 323–337.

McEvoy P. M., Mahoney A. E. J. (2011). Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 25 (1), 112–122.

Mclain D. L. (1993). The Mstat-I: A New Measure of an Individual's Tolerance for Ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 53 (1), 183–189.

Miranda R., Fontes M. (2008). Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms. *Behaviour Research and Therapy*, 46 (10), 1151–1159.

Norton P. J., Mehta P. D. (2007). Hierarchical Model of Vulnerabilities for Emotional Disorders. *Cognitive Behaviour Therapy*, 36 (4), 240–254.

Norton R. W. (1975). Measurement of Ambiguity Tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39 (6), 607–619.

Oglesby M. E., Albanese B. J. (2015). Intolerance of Uncertainty in Relation to Motives for Alcohol Use. *Cognitive Therapy and Research*, 39 (3), 356–365.

Orel V. E., Senin I.G. (2004). Lichnostnyj oprosnik NEO PI-R. Rukovodstvo po primeneniju. NPC «Psihodiagnostika». Jaroslavl'. (in Russ.)

Piedmont R. L. (1998). *The Revised NEO Personality Inventory: Clinical and Research Applications*. New York: Plenum Press.

Sadeghi K., Soleimani M. (2016). The relationship between anxiety, shyness, ambiguity tolerance, and language learning strategies. *International Journal of Pedagogies and Learning*, 11 (1), 70–87.

Salamzadeh A., Farjadian A. A. (2014). Entrepreneurial characteristics: insights from undergraduate students in Iran. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 21 (2), 165.

Sexton D. L., Bowman N. (1985). The entrepreneur: A capable executive and more. *Journal of Business Venturing*, 1 (1), 129–140.

Thompson A. S., Khawaja A. J. (2016). Foreign language anxiety in Turkey: the role of multilingualism. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37 (2), 115–130.

Tsoukatos E. (2014). Perceptions of entrepreneurial personality traits: evidence from Greece. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 10 (2/3), 179.

Xu H., Tracey T. J. G. (2015). Career Decision Ambiguity Tolerance Scale: Construction and initial validations. *Journal of Vocational Behavior*, 88, 1–9.

Yook K., Kim K.-H. (2010). Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 24 (6), 623–628.

Warner J. A., Koufteros X. (2014). Learning Computerese: The Role of Second Language Learning Aptitude in Technology Acceptance. *Educational and Psychological Measurement*, 74 (6), 991–1017.

Zenasni F., Besançon M. (2008). Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study. *The Journal of Creative Behavior*, 42 (1), 61–73.

Zlobina M .V., Pervushina O. N. (2017). Intolerantnost' k neopredelennosti i depressiia [Intolerance of uncertainty and depression]. *Reflexio*, 10 (2), 126–141 (in Russ.)

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-115-132

Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

Elena.dorosheva@mail.ru

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ РАС: ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ? *

Рассматривается проблема возможности диалога ряда подходов к формированию расстройств аутистического спектра. Сравниваются особенности методических основ в подходах, основывающихся на модели психического; подходах, основанных на межличностных взаимодействиях; подходах, разработанных в рамках модели сенсорной интеграции. В дополнение к ранее выделенным «сквозным» феноменам, связанным с развитием РАС (интолерантность к определенности и дефицитарность самовосприятия), описывается вклад нарушений межличностной привязанности. Делается вывод о возможности интеграции подходов путем рассмотрения базовых феноменов в развитии РАС.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, дети с РАС, модель психического, сенсорная интеграция, отношение к ситуациям неопределенности, самовосприятие, межличностная привязанность.

Расстройства аутистического спектра (далее – РАС) относятся к дизонтогенетическим нарушениям, возникают на ранних этапах развития детей, проявляются на разных уровнях (от молекулярного до поведенческого) и характеризуются тяжелым течением. В настоящее время число диагностированных случаев РАС быстро растет.

* Исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 18-013-00925).

Существует множество подходов, итоговой целью которых является абилитация детей с РАС (именно ранние вмешательства позволяют получить больше позитивных изменений). Ключевым вопросом в рамках каждого подхода (помимо прикладного анализа, работающего с поведенческими проявлениями синдрома) выступают предполагаемые причины возникновения РАС, модели их развития

Богатый материал, наработанный в рамках каждого из подходов, зачастую оказывается изолированным в его границах, поскольку используются собственная терминология, специфическая логика построения системы причинно-следственных связей. Одной из важных проблем остается оценка эффективности предлагаемых методов, которая оказывается затруднена принципиальной разницей подходов, разрабатываемых в рамках разных моделей РАС.

Нужно отметить, что появляется все больше метааналитических работ, направленных как на анализ исследований, осуществленных в рамках одного подхода, так и на сравнение результатов, полученных при применении разных подходов. Авторы указывают, что сравнения, особенно во втором случае, существенно затрудняются разницей критериев, выбираемых разными исследователями (см., например, мета-анализ исследований, в которых оценивалась эффективность коррекционных программ трех направлений – [Tachibana et al., 2017]).

Задача сравнения разных подходов оказывается особенно актуальной, поскольку в работе с конкретным ребенком речь может идти об индивидуальном подборе подхода или о сочетании разных подходов. Важность метаанализа также связана с тем, что единичные экспериментальные исследования охватывают небольшие выборки, в них входят дети с очень разными нарушениями (как правило, контролируется только важнейший фактор уровня интеллектуального развития), что связано с самой спецификой РАС. Более того, появляются обзоры метаанализов, сравнивающих сами метааналитические подходы и выявляющие, как особенности их проведения повлияли на выводы исследователей [Reichow, 2012]). Сравнение результатов многих исследований поможет сделать действительно обоснованные выводы, однако это требует единообразия измерений, что, в свою очередь, может основываться только на выделении «сквозных» феноменов, объединяющих различные подходы.

Цель данной работы – теоретический анализ ряда основных моделей развития РАС, с целью описания возможности выделения общих оснований, способствующих диалогу между представителями различных подходов.

Модель психического (Theory of Mind, ToM)

В качестве одного из подходов к развитию РАС можно упомянуть представления о ключевой причине РАС, состоящей в нарушениях модели психического («Theory of Mind»). Под моделью психического понимается гипотетическая концептуальная система, лежащая в основе способности понимать (отслеживать) и объяснять свои ментальные состояния (что мы знаем, думаем, хотим, чувствуем) и ментальные состояния других людей [Baron-Cohen et al., 1985]. Наличие модели психического позволяет отделять представления других людей от реальных условий (которым они могут не соответствовать) и от собственных представлений.

Существенное поражение именно сфер коммуникации, социальных взаимодействий, воображения (в частности, возможности моделировать социальные ситуации в своих представлениях) у страдающих РАС побудило к рассмотрению нарушений (отсутствия, дефицитарности) модели психического как ключевой причины наблюдаемых нарушений [Ibid.]. Эта точка зрения подкрепляется многочисленными свидетельствами нейрофизиологов, описывающих изменения в работе default mode network – системы мозга, отвечающей за процессы саморефлексии и понимание убеждений, намерений, эмоциональных состояний других; связанной с внутренним диалогом (см. обзор: [Padmanabhan et al., 2017]). Умственная отсталость, диагностируемая у большей части детей, страдающих РАС, не объясняет всех нарушений, наблюдаемых в социальных взаимодействиях. Специфические коммуникационные проблемы отмечаются и у детей с РАС, имеющих нормальный уровень интеллектуальных способностей, в то же время многие дети с отставанием в умственном развитии демонстрируют нормальную для общего уровня своего развития социальную компетентность [Сергиенко и др., 2009].

Таким образом, предполагается, что существующее в психике образование – модель психического – отвечает за спектр связанных поведенческих проявлений, делает их возможным. Выявление дефицитарности модели психического у детей с РАС, а также оценка эффективности воздействий, направленных на ее восполнение, предполагает выявление способностей, возникающих на основе модели психического. Помимо оценки ответа на задание также может рассматриваться вопрос: «Почему респондент дал именно такой ответ?», поскольку основным моментом является интерпретация психических процессов, стоящих за поведенческой реакцией.

Ключевой момент нарушения при РАС с точки зрения данной теории – это именно невозможность понимать других (mind reading). То, что лежит в основе этой неспособности, по-разному понимается различными авторами – предложен ряд подходов к развитию и структуре модели психического. Как база для ее развития рассматривается объединенное с другими внимание (само по себе или как часть общего внимания), врожденные способности к имитации и к восприятию аффективных стимулов и социальным реакциям и т. д. [Сергиенко и др., 2009; Baron-Cohen et al., 2000; Hobson, 1993]. Однако акцент делается именно на совокупности взаимосвязанных способностей. Также в данном подходе ставятся вопросы о возможном влиянии на развитие модели психического общих когнитивных способностей (либо рассмотрении их как основы для ее формирования) и проводится сравнение развития моделей ментального и физического мира. Обсуждается проблема: имеет ли смысл при оценке развития детей с РАС для практических задач коррекции проверять уровень понимания физических законов (которое также нарушено, но в меньшей степени, чем понимание законов социального мира) или имеет смысл исследовать лишь сферу представлений о себе и о других?

В любом случае, акцентируются именно проблемы самопредставления и понимания других людей.

В целом, выделяют главные способности, нарушения которых описываются для детей с РАС, на двух предполагаемых уровнях модели психического и в области представлений о себе.

Первый уровень (based level Theory of Mind) – базовые (в том числе, предполагаемые врожденные, иногда выделяемые в отдельный, предварительный уровень) представления о ментальном мире:

- распознавание эмоций по лицевой экспрессии;
- понимание эмоций в контексте ситуации;
- понимание желаний и намерений других людей;
- способность отслеживать направление взгляда;
- способность к имитации.

Второй уровень (advanced level Theory of Mind), формирующийся на основе первого:

- понимание ментальных причин эмоции, ментальной причинности поведения;
- понимание психических состояний и причин второго и далее порядков (что думает другой человек о том, что думает / чувствует третий человек и т.д.);

- прогнозирование поведения других людей на основе знаний о их желаниях и убеждениях;
- понимание отличия причин движения физических (внешний импульс) и социальных (внутреннее намерение) объектов;
- понимание обмана, умение обманывать, разделение обмана «во благо» и «во зло»;
- понимание юмора, иронии.
- Самопредставления:
- понимание зеркального я;
- наличие связных, непрерывных во времени и пространстве, телесного и психического образов себя.

Другая классификация предполагает выделение аффективных и когнитивных составляющих модели психического [Baron-Cohen et al., 2000]. За каждой психической способностью, выявляемой в рамках модели, могут стоять одновременно когнитивные и аффективные составляющие (например, описывают эмоциональные и когнитивные компоненты эмпатии [Perry, Shamy-Tsoory, 2013]).

Разработан ряд задач, которые позволяют прямо (например, называние эмоциональных состояний, объяснение поведения персонажа в предлагаемой истории и др.) или косвенно (характер действий по отношению к своему отражению в зеркале и т.д.) оценить сформированность данных способностей (см., например: [Сергиенко и др., 2009]). Проявления данных способностей за рамками эксперимента, в повседневной жизни измеряют вербальные опросники для родителей, учителей и видеозаписи социальных взаимодействий и эмоциональной экспрессии [Golan, Baron-Cohen, 2006]. (Отмечается, что используются эти методы измерения неоправданно редко [Begeer et al., 2010]).

Проводимые реабилитационные методы воздействия основаны на тренировке отдельных способностей модели психического (разных уровней – например, имитация, распознавание эмоций, понимание осведомленности других, понимание ошибочных знаний других, понимание сложного юмора и т.д.) [Begeer et al., 2011].

Сенсорная и моторная интеграция

Теория о недостаточной сенсорной интеграции как ключевой причине развития симптомов РАС проистекает из идеи, впервые высказанной Дж. Айресом [Ayres, 1991]. Она заключается в том, что у людей, страдающих РАС, наблюдается дефицит в модулях моз-

га, отвечающих за процессы ощущений и восприятия, в результате чего мозг не справляется с обработкой сенсорных сигналов и созданием целостных образов. Это приводит к нарушению когнитивных процессов, основывающихся на восприятии, нарушению целостности поведения, а также вызывает перегрузку – резко снижает устойчивость к воздействию сенсорных стимулов одной или разных модальностей, к влиянию социальных стимулов; вызывает защитные реакции – предпочтения привычной обстановки, действий и т. д.

Цель абилитационных воздействий в рамках данного подхода – улучшить сенсорную модуляцию, связанную с поведением и вниманием, и посредством этого повысить способности к социальному взаимодействию, когнитивные навыки, возможности саморегуляции. Применяемые техники ориентированы на то, чтобы помочь нервной системе модулировать, организовывать и интегрировать информацию из окружающей среды; также они направлены на интеграцию моторной сферы, вторично страдающей в процессе развития. В результате улучшения сенсорной интеграции реакции на внешние стимулы становятся более адаптивными [Baranek, 2002]. Кроме того, подразумевается, что повышение сенсорной интеграции ведет к повышению стрессоустойчивости (увеличивается переносимость стимулов разной интенсивности, более адаптивным становится поведение в новых ситуациях и т.д.).

В рамках данного подхода разработан ряд вербальных опросников, с помощью которых эксперты-наблюдатели, родители или учителя могут оценить показатели сенсорной и моторной интеграции. Например, *Sensory Processing Measure* (7 шкал – показатели работы зрительной, слуховой, тактильной, проприоцептивной, вестибулярной, моторной систем и социального восприятия), *Quick Neurological Screening Test* (15 шкал, в частности, оценка целенаправленных моторных действий, ловкости, зрительного отслеживания, пространственной ориентации, тактильных способностей, двигательных навыков, восприятия) и др. [Pfeiffer et al., 2013]. По-видимому, в комплексных исследованиях они могут служить органичным дополнением прочих методов.

Подходы, основанные на межличностных взаимодействиях

Ряд подходов рассматривает РАС, отталкиваясь от ключевой идеи нарушения коммуникации. Предлагаемые в них практические абилитационные воздействия основаны, в основной или существенной

части, на вовлечении ребенка в коммуникацию. Чаще как базовая рассматривается коммуникация со взрослыми (прежде всего – родителями, также – учителями).

Необходимо отметить, что идея нарушений коммуникации как ключевых при РАС пересекается с подходами модели психического (в частности, могут включаться в обзоры литературы, посвященные модели психического), однако если тренинги в данном подходе направлены на развитие ряда умений модели психического, то подходы, концентрирующиеся на межличностных взаимодействиях, отталкиваются от идеи контакта, который естественным образом стимулирует и направляет ребенка.

Одно из предположений в рамках данных подходов основывается на том, что ключевыми для развития РАС выступают нарушения в эмоциональной сфере. Такой точки зрения придерживался Р. П. Хобсон, утверждая, что дети, страдающие РАС, имеют врожденную неспособность воспринимать эмоции других людей и отвечать на них [Hobson, 1993]. Он предлагал стимулировать развитие у детей общего социального опыта, рассказывая о событиях, касающихся ребенка, показывая его фотографии, и демонстрируя эмоциональную окрашенность воспоминаний. Е. Р. Баенская, О. С. Никольская описывают совместно-разделенные переживания и предлагают технологию разделения аффективных переживаний с ребенком для стимуляции развития его аффективной и коммуникативной сфер [2014]. Авторы также указывают на постоянную необходимость в наполнении взрослым происходящего вокруг смыслами (обсуждение мыслей, чувств других людей, причин, подтекстов ситуаций и т. д.).

Близкое содержание у модели DIR (Developmental Individual-difference Relationship-based model), предполагающей выстраивание близких взаимоотношений с ребенком, основывающихся на понимании его индивидуальных особенностей, погружении в его мир и затем, когда сформировавший доверие ребенок сам этого захочет, вовлечении его в реальный мир [Wieder, 2013].

Еще одна модель данной группы концентрируется на трудностях детей с РАС в области «объединенного внимания» – присоединения ко взрослому в направлении внимания на какой-либо предмет или событие. Отмечается, что дети с РАС не понимают указательных жестов руки, направления взгляда, и некоторые исследователи полагают, что именно эти нарушения лежат в основе широкого спектра нарушений социального поведения. Метод формирования объединенного внимания предполагает стимуляцию концентрации внимания

взрослого и ребенка на каком-либо предмете / событии, вовлечении ребенка в этот процесс; таким образом, создается трехстороннее взаимодействие и формируется как предметная, так и коммуникативная деятельность ребенка (см., например: [Bondy, Frost, 1995]).

Так же как ключевые рассматриваются трудности имитации. У детей и взрослых с РАС отмечается нарушение способности имитации лицевой экспрессии, которая, при нормативном развитии, характерна уже для новорожденных. Вслед за нарушениями имитации эмоциональных выражений лица проявляются трудности «эмоционального заражения» – присоединения к эмоциям окружающих. Предполагается, что в дальнейшем это может вести к нарушению восприятия другого как «похожего на себя» [Meltyff, Gopnik, 1993]. Открытие зеркальных нейронов, составляющих нейрофизиологическую основу имитации, и описание их дефицитности у людей с РАС дополнительно привлекло внимание к идеям о центральной роли нарушений имитации в формировании РАС [Якобони, 2011]. Направленное развитие имитации также становится центральным моментом в ряде реабилитационных подходов.

Итак, в рамках данных подходов установление контакта – не только необходимый этап для того, чтобы ребенок смог обучаться, но сам контакт рассматривается как побуждение к развитию. Ребенок не выполняет / не только выполняет специально подобранные задания, но контактирующий человек присоединяется к нему, либо привлекает его внимание и действия к тому, чем занимается сам, вовлекает в переживания, дает пример осмысливания происходящего и вовлекает в обсуждение смыслов, и т. д.

Как метод коррекционного воздействия рассматривается и вовлечение ребенка в коммуникацию с другими детьми. Это, например, подход К. Хигаши – терапия повседневной жизнью. В основе его лежит установление тесных связей между ребенком с РАС и его близкими, обучение в коллективе сверстников, создание интенсивной совместной деятельности, в которой обучение должно происходить от других детей через синхронизацию (установление ритмов жизни) и имитацию [Quill et al., 1989]. Для достижения этих целей формируются группы, включающие только детей с РАС, где основная функция организация контактов принадлежит психологу (см., например: [Власова, 2014]), группы, в которых поддерживающая функция в значительной степени принадлежит сверстникам с нормативным развитием [Kohler et al., 1995]. Последняя задача зачастую решается в рамках развития инклюзивного обучения детей с РАС.

Нужно отметить, что идея стимуляции контакта рассматривается не только с целью восполнения дефицитарности модели психического, но и как способствующая усилению центральной интеграции, которая будет рассмотрена далее (другой человек помогает ребенку «воедино» собирать то, что для ребенка фрагментарно). Центральная интеграция, в свою очередь, помогает формированию саморегуляции и способностей к планированию своих действий.

Особым феноменом, рассматриваемым в данной группе моделей, выступает межличностная привязанность – установление тесных эмоциональных связей с близкими людьми. Привязанность у детей и взрослых с РАС имеет многочисленные нарушения. В некоторых случаях она может не формироваться, т. е. дети не проходят нормативный этап разделения на «своих» и «чужих». Другое типичное нарушение состоит в том, что дети, напротив, чрезмерно требуют постоянного присутствия матери, категорически не хотят оставаться с другими людьми. Сформировавшаяся и определяемая как надежная привязанность у детей с РАС отличается от классического описания этого типа привязанности: дети беспокоятся, если мать уходит, но в ее присутствии не вовлекают ее в игровую деятельность, меньше обращаются к ней, не контактируют глазами. Тем не менее надежная привязанность у детей с РАС отмечается достаточно часто, хотя и реже, чем у нормативно развивающихся детей [Koren-Karie et al., 2009; Oppenheim et al., 2009]. Формирование надежной привязанности у детей с РАС осложняется не только их особенностями, но и сложностями с положительной обратной связью для родителей, высоким уровнем стресса, который отмечается у родителей, что негативно сказывается на отношении родителей к ребенку. Отмечается, что родительский стресс существенно воздействует на состояние ребенка [Tachibana et al., 2017]. Ряд авторов считают, что надежный тип привязанности не связан с тяжестью симптомов РАС, и, по-видимому, его формирование не ведет к облегчению патологической симптоматики, однако он явно способствует адаптации ребенка в социальной среде [Dolev et al., 2014].

Нужно отметить, что при нормативном становлении привязанности этапы ее формирования тесно связаны с возможностью отличия близких людей и соответствуют этапам перцептивного развития ребенка. Например, нормативный этап разделения «своих» и «чужих» в 6–8 месяцев жизни ребенка связывают с созреванием константности зрительного восприятия – образ матери становится стабильным при любом бытовом изменении ее внешности [Newcombe, 1996]. Мы можем

предполагать, что нарушения сенсорной интеграции могут быть тесно связаны с изменениями, отмечаемыми для привязанности у детей с РАС.

Огромный вклад в формирование того или иного типа привязанности детей вносит поведение родителей по отношению к детям. Показано, что матери, которые сенситивны к потребностям ребенка, т. е. понимают их и дают адекватный ответ, существенно способствуют развитию надежной привязанности [Koren-Karie et al., 2009]. Также рассматривается такое свойство, как проницательность матерей – само их желание понять мотивы, причины поведения ребенка, его чувства и мысли, индивидуальные особенности. Показано, что проницательность матерей также тесно связана с формированием у ребенка надежной привязанности [Oppenheim et al., 2009]. Это свойство более доступно измерению, поскольку сенситивность предполагает наличие информации о потребностях ребенка, чтобы проверить их совпадение с представлениями и действиями матери, а это достаточно сложно для экспертной оценки. Проницательность легче поддается измерению [Ibid.].

Изучение типа привязанности у детей с РАС проводится с помощью классического эксперимента «Незнакомая ситуация», применяемого для детей 2–6 лет [Koren-Karie et al., 2009; Oppenheim et al., 2009]. По всей видимости, информативными также могут быть и видеозаписи поведения ребенка в обыденной жизни, при контакте с близкими и незнакомыми людьми. Также возможна разработка опросников для родителей, диагностирующих тип привязанности ребенка; опросники могут дополнять экспериментальные данные. Проницательность и сенситивность матерей измеряются, в частности, с помощью постэкспериментального интервью, предполагающего обсуждение видеофрагментов взаимодействия матери и ребенка [Oppenheim et al., 2009].

Представляется целесообразным рассмотреть РАС в контексте семейного взаимодействия. Ход психического и психофизиологического развития ребенка, его самочувствие, поведенческие проявления тесно связаны со средой развития, которой в первую очередь является семья. В значительном числе работ, включая наши исследования, отмечаются существенные изменения в самочувствии и поведении родителей, связанные с наличием в семье ребенка, страдающего РАС [Дорошева, Грабельникова, 2018]. Таким образом, учет общего семейного контекста может внести существенный вклад в понимание динамики РАС.

Возможности выделения феноменов, лежащих в основе развития РАС, общих для рассмотренных моделей

Таким образом, при анализе трех групп подходов выявляется наличие объединяющих оснований. Ранее были описаны такие общие феномены, определяющие РАС, как снижение толерантности к ситуациям неопределенности (проявление базовой дисфункциональной схемы обработки информации) [Первушина, 2018] и нарушения самовосприятия [Первушина, Хорошилов, 2018]. Оба феномена четко прослеживаются в трех рассмотренных группах моделей. Дефицитарность модели психического приводит, прежде всего, к дезориентации в ситуациях социального взаимодействия, увеличению уровня их неопределенности, что, как следствие, может вызывать многочисленные нарушения, отмечаемые феноменологически в коммуникативных моделях РАС. Нарушения сенсорной интеграции ведут к разобщенности, фрагментарности общей картины мира, что увеличивает неопределенность самого широкого круга ситуаций. Нарушения самовосприятия связаны с недостаточностью модели психического, что приводит к дефицитарности понимания других, отделению их от себя, обозначению своих границ, самопонимания через других. Это также приводит к широкому спектру нарушений коммуникации. Недостаточность сенсорной интеграции приводит к нарушениям основ самовосприятия, разрушению телесного «Я», на базе которого формируется «Я» психическое.

Как еще один «сквозной» феномен мы можем выявить привязанность к значимым людям. Привязанность, формируясь в раннем возрасте, лежит в основе межличностных контактов, и ее нарушения могут быть связаны с широким спектром нарушений способностей, описываемых моделью психического, и проявляться в специфике коммуникации, описываемой соответствующей группой моделей. Становление привязанности связано с созреванием перцептивных процессов, и ее нарушения могут быть тесно связаны с дефицитом сенсорной интеграции. Мы считаем, что привязанность должна изучаться в более широком контексте семейных взаимодействий, в том числе, совместно с изучением характеристик матерей, влияющих на ее формирование (сенситивность, привязанность).

Анализ общих феноменов, связанных с развитием РАС, может быть основанием для диалога, взаимообогащения и, наконец, интеграции различных моделей развития РАС, в том числе, в области их

выхода на практическую работу с детьми, страдающими РАС. Такая интеграция выглядит весьма перспективной.

Рассмотренные нами исследовательские методы, предлагаемые в рамках разных подходов, могут быть использованы совместно, в том случае, если целью исследовательской деятельности становится изучение общих феноменов, характеризующих развитие РАС.

Список литературы

Власова Л. И. Коммуникативные игры на занятиях по подготовке к школе детей с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2014. № 4 (45). С. 42–46.

Дорошева Е. А., Грабельникова У. С. Синдром эмоционального выгорания, особенности совладающего поведения и регуляции эмоций у матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра // Reflexio. 2018. Т. 11, №1. С. 5–18.

Никольская О. С., Баенская Е. Р. Коррекция детского аутизма как нарушения аффективной сферы: содержание подхода // Альманах Института коррекционной педагогики. 2014. № 19. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-19/korrekcija-detskogo-autizma-kak-narushenija> (дата обращения 03.09.2018).

Первушина О. Н. Аутизм через призму отношения к неопределенности // Восьмая международная конференция по когнитивной науке. Светлогорск, 2018. С. 803–805.

Первушина О. Н., Хорошилов Б. М. О роли самовосприятия в когнитивном и социальном функционировании аутистов // Современные проблемы клинической психологии и психологии личности. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. С. 104–108.

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009.

Якобони М. Отражаясь в людях: Почему мы понимаем друг друга. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

Ayres A. J. Sensory integration and learning disorders. Los Angeles: Western Psychological Services, 1991.

Baranek G. T. Efficacy of sensory and motor interventions for children with autism // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2002. Vol. 32. P. 397–422.

Baron-Cohen S., Leslie A. M., Frith U. Does the autistic child have a “theory of mind”? Cognition, 1985. Vol. 21. P. 37–46.

Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H., Cohen D. J. Understanding other minds: Perspectives from developmental cognitive neuroscience. Oxford: Oxford Uni. Press, 2000.

Begeer S., Malle B. F., Nieuwland M. S., Keysar B. Using Theory of Mind to represent and take part in social interactions: Comparing individuals with high-functioning autism and typically developing controls // *European Journal of Developmental Psychology*. 2010. Vol. 7. P. 104–122.

Begeer S., Gevers C., Clifford P., Verhoeve M., Kat K., Hoddenbach E., Boer F. Theory of Mind Training in Children with Autism: A Randomized Controlled Trial // *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2011. Vol. 41. P. 997–1006.

Bondy A. S., Frost L. A. Educational approaches in preschool: Behavior techniques in a public school setting. In: E. Schopler et al. (eds.) *Learning and cognition in autism*. New York: Plenum Press, 1995. P. 311–333.

Dolev S., Oppenheim D., Koren-Karie N., Yirmiya N. Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2014. Vol. 8. P. 958–967.

Golan O., Baron-Cohen S. Systemizing empathy: Teaching adults with Asperger syndrome or high-functioning autism to recognize complex emotions using interactive multimedia // *Development and Psychopathology*, 2006. Vol. 18. P. 591–617.

Hobson R. P. *Autism and the Development of Mind*. Hillsdale: Laurence Erlbaum Association, 1993.

Kohler F. W., Strain P. S., Hoyson M., Davis L., Donina W. M., Rapp N. Using a Group-Oriented Contingency to Increase Social Interactions between Children with Autism and Their Peers // *A Preliminary Analysis of Corollary Supportive Behaviors*. 1995. Vol. 19, No.1. P. 10–32.

Koren-Karie N., Oppenheim D., Dolev S., Yirmiya N. Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2009. Vol. 50, No. 5. P. 643–650.

Meltyff A.N., Gopnik A. The role of imitation in understanding persons and developing a theory of mind. In: S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg and D. Cohen (eds.). *Understanding other minds: perspectives from autism*. Oxford: Oxford Uni. Press. Google Scholar, 1993. P. 335–366.

Newcombe N. *Child development: Change over time*. New York: HarperCollins, 1996.

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Maternal insightfulness and resolution of the diagnosis are associated with secure

attachment in preschoolers with autism spectrum disorders // *Child Development*. 2009. Vol. 80, No. 2. P. 519–527.

Padmanabhan A., Lynch C. J., Schaer M., Menon V. The Default Mode Network in Autism. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 2017. Vol. 2. P. 476–486.

Perry A., Shamay-Tsoory S. Understanding emotional and cognitive empathy: neuropsychological perspective. In: S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, M. V. Lombardo (eds.). *Understanding other minds. Perspectives from developmental social neuroscience*. Oxford: Oxford Uni. Press, 2013. P. 178–195.

Pfeiffer B. A., Koenig K., Kinnealey M., Sheppard M., Henderson L. Effectiveness of Sensory Integration Interventions in Children With Autism Spectrum Disorders: A Pilot Study // *American Journal of Occupational Therapy*. 2013. Vol. 65, No. 1. P. 76–85.

Reichow B. Overview of Meta-Analyses on Early Intensive Behavioral Intervention for Young Children with Autism Spectrum Disorders // *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2012. Vol. 42, № 4. P. 512–520.

Tachibana Y., Miyazaki C., Ota E., Hwang Y., Kobayashi E., Terasaka A., Tang J., Quill K., Gurry S., Larkin A. Daily Life Therapy: A Japanese model for educating children with autism // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 1989. Vol. 19, No. 4. P. 625–635.

Tachibana Y., Miyazaki C., Ota E., Mori R., Hwang Y., Kobayashi E., Terasaka A., Tang J., Kamio Y. A systematic review and meta-analysis of comprehensive interventions for pre-school children with autism spectrum disorder (ASD) // *PLoS One*, 2017. Vol. 6, № 12 :e0186502. Available in: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/29211740> (12.04.2019).

Wieder S. Developmental, Individual Difference, Relationship-Based (DIR) Model In: Volkmar F. R. (ed.). *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders*. New York: Springer, 2013.

E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Elena.dorosheva@mail.ru

THE MODELS DESCRIBING ASD FORMATION: WHETHER DIALOGUE IS POSSIBLE?

Whether dialogue is possible between different models describing formation autism spectrum disorders (ASD)? This problem is considered. Features of methodical bases and the corresponding terminology in the model of mind, approaches based on interpersonal interactions, model of sensory integration were compared. In addition to earlier described “through” phenomena connected with development of RAS (intolerance to uncertainty and deficiency of self-perception) the contribution of interpersonal attachment disturbances was described. The conclusion about ability to integrate approaches by consideration of basic phenomena in development of RAS is drawn.

Keywords: autism spectrum disorders (ASD), children with ASD, theory of mind, sensory integration, tolerance to uncertainty, self-perception, interpersonal attachment.

References

Vlasova L. I. (2014). Kommunikativnye igry na zanyatiiah po podgotovke k shkole detej s rasstrojstvami autisticheskogo spectra [Communicative games in the classroom to prepare for school children with autism spectrum disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiia*, 4 (45), 42–46 (in Russ.)

Grinspen S. (2015). Na ty s autizmom. Ispol'zovanie metodiki floor-time [Engaging Autism. Using the Floortime Approach to Help Children Relate, Communicate, and Think]. Moskva: Terevinf, 2015 (in Russ.)

Dorosheva E. A., & Grabelnikova U. K. (2018) Sindrom jemocional'nogo vygoranija, osobennosti sovladajushhego povedenija i reguljaccii jemocij u materej, vospityvajushhijh rebenka s rasstrojstvom autisticheskogo spektra [Emotional burnout, specific of coping strategies and emotional

regulation in the mothers of children with autism spectrum disorders]. *Reflexio*, 11 (1), 5–18 (in Russ.)

Nikol'skaya O. S., & Baenskaya E. R. (2014). Korrekciia detskogo autizma kak narusheniia affektivnoj sfery: sodержanie podhoda [Correction of children's autism as a disturbance of the affective sphere: the content of the approach]. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki*, 19. Retrieved from: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-19/korrekciia-detskogo-autizma-kak-narusheniia> (03.09.2018) (in Russ.)

Pervushina O. N., Khoroshilov B. M. (2018) Autizm cherez prizmu otnosheniia k neopredelennosti [Autism through a prism of the attitude towards uncertainty]. *Vos'maja mezhdunarodnaja konferenciia po kognitivnoj nauke* [The eighth international conference on cognitive science]. Svetlogorsk, 803–805 (in Russ.)

Pervushina O. N., Khoroshilov B. M. (2018). Sovremennye problemy klinicheskoi psikhologii i psikhologii lichnosti [About the role of self-perception in the cognitive and social functioning of autism]. *Materialy Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. [Modern problems of clinical psychology and psychology of the personality. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Novosibirsk, 104–108 (in Russ.)

Sergienko E. A., Lebedeva E. I., & Prusakova O. A. (2009). Model' psichicheskogo kak osnova stanovleniia sebii i drugogo v ontogeneze cheloveka [The Theory of Mind as the basis for the emergence of self and others in the human ontogenesis]. M.: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN (in Russ.)

Iacoboni M. (2011). *Otrazhaias' v liudiah: Pochemu my ponimaem drug drugu* [Mirroring People: The New Science of How We Connect with Others]. M.: OOO "Iunajted Press". (in Russ.)

Ayres A. J. (1991). *Sensory integration and learning disorders*. Los Angeles: Western Psychological Services.

Baranek G. T. (2002). Efficacy of sensory and motor interventions for children with autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 32, 397–422.

Baron-Cohen S., Leslie A. M., & Frith U. (1985). Does the autistic child have a "theory of mind"? *Cognition*, 21, 37–46.

Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H., & Cohen D. J. (2000). *Understanding other minds: Perspectives from developmental cognitive neuroscience*. Oxford: Oxford Uni. Press.

Begeer S., Malle B. F., Nieuwland M. S., & Keysar B. (2010). Using Theory of Mind to represent and take part in social interactions: Comparing

individuals with high-functioning autism and typically developing controls. *European Journal of Developmental Psychology*, 7, 104–122.

Begeer S., Gevers C., Clifford P., Verhoeve M., Kat K., Hoddenbach E., & Boer F. (2011). Theory of Mind Training in Children with Autism: A Randomized Controlled Trial. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 41, 997–1006.

Bondy A. S., & Frost L. A. (1995). Educational approaches in preschool: Behavior techniques in a public school setting. In: E. Schopler et al. (eds.), *Learning and cognition in autism*. New York: Plenum Press, pp. 311–333.

Dolev S., Oppenheim D., Koren-Karie N., & Yirmiya N. (2014). Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 8, 958–967.

Golan O., & Baron-Cohen S. (2006). Systemizing empathy: Teaching adults with Asperger syndrome or high-functioning autism to recognize complex emotions using interactive multimedia. *Development and Psychopathology*, 18, 591–617.

Hobson R. P. (1993). *Autism and the Development of Mind*. Hillsdale: Laurence Erlbaum Association.

Kohler F.W., Strain P.S., Hoyson M., Davis L., Donina W.M., & Rapp N. (1995). Using a Group-Oriented Contingency to Increase Social Interactions between Children with Autism and Their Peers. *A Preliminary Analysis of Corollary Supportive Behaviors*, 19 (1), 10–32.

Koren-Karie N., Oppenheim D., Dolev S., & Yirmiya N. (2009). Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 50, (5), 643–650.

Meltyff A.N., & Gopnik A. (1993). The role of imitation in understanding persons and developing a theory of mind. In: S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, & D. Cohen (eds), *Understanding other minds: perspectives from autism*. Oxford: Oxford University Press. Google Scholar, 335–366.

Newcombe N. (1996). *Child development: Change over time*. New York: HarperCollins.

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., & Yirmiya N. (2009). Maternal insightfulness and resolution of the diagnosis are associated with secure attachment in preschoolers with autism spectrum disorders. *Child Development*, 80 (2), 519–527.

Padmanabhan A., Lynch C. J., Schaer M., & Menon V. (2017). The Default Mode Network in Autism. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 2, 476–486.

Perry A., & Shamay-Tsoory S. (2013). Understanding emotional and cognitive empathy: neuropsychological perspective. In: S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, & M.V. Lombardo (eds.). *Understanding other minds. Perspectives from developmental social neuroscience*. Oxford: Oxford Uni. Press, 178–195.

Pfeiffer B. A., Koenig K., Kinnealey M., Sheppard M., & Henderson L. (2013). Effectiveness of Sensory Integration Interventions in Children With Autism Spectrum Disorders: A Pilot Study. *American Journal of Occupational Therapy*, 65 (1), 76–85.

Reichow B. (2012). Overview of Meta-Analyses on Early Intensive Behavioral Intervention for Young Children with Autism Spectrum Disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 42 (4), 512–520.

Tachibana Y., Miyazaki C., Ota E., Hwang Y., Kobayashi E., Terasaka A., Tang J., Quill K., Gurry S., & Larkin A. (1989). Daily Life Therapy: A Japanese model for educating children with autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 19 (4), 625–635.

Tachibana Y., Miyazaki C., Ota E., Mori R., Hwang Y., Kobayashi E., Terasaka A., Tang J., Kamio Y. (2017) A systematic review and meta-analysis of comprehensive interventions for pre-school children with autism spectrum disorder (ASD) *PLoS One*, 2017, 6(12) :e0186502. Available in: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/29211740> (12.04.2019).

Wieder S. (2013) Developmental, Individual Difference, Relationship-Based (DIR) Model. In: Volkmar F. R. (ed.), *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders*. New York: Springer.

УДК 159.9.01

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-133-140

И. В. Бадиев

*Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000 Россия*

bad_igor@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ПСИХОЛОГИИ МОРАЛИ

Рассматривается изучение морального функционирования человека в рамках нейробиологических и психологических исследований. Представлены взгляды Дж. Грина и Дж. Хайдта о природе морального суждения. Общими для данных концепций являются представление о ведущей роли эмоций в вынесении моральных суждений и гипотеза о врожденной моральной способности – нативизм. Исследования нейробиологического механизма моральных суждений не объясняют их индивидуальную вариативность. Данный вопрос относится к предмету психологических исследований. Сравниваются психологические концепции морали Л. Кольберга и Д. Форсайта. Аргументируется, что концепция этических позиций Форсайта имеет преимущество, поскольку рассматривает индивидуальную вариативность моральных суждений с метаэтических позиций. В результате анализа нейробиологических и психологических подходов к морали сделан вывод о том, что в них не представлен поведенческий компонент морального функционирования.

Ключевые слова: психология морали, моральные суждения, нативизм, этические позиции, моральное функционирование.

В настоящее время в психологической науке отмечается повышение интереса к вопросам морального и нравственного функционирования человека. Мы остановимся на основных проблемах и линиях исследований в области психологии морали.

Как справедливо отмечает В. А. Заикин, в предмет психологии морали входят часто не связанные между собой психологические реалии [2012]. Так, в различных теоретических направлениях предметом

Бадиев И. В. К вопросу о предмете психологии морали // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 133–140.

исследований выступают моральные суждения и основанное на них моральное сознание, нравственное поведение, моральные чувства. Необходимо отметить, что современные исследования, в частности в области нейробиологии морали, значительно продвинулись в понимании природы и функции данного явления. Для отечественного читателя в этом плане будет интересен обзор таких исследований, представленный в статьях Д. С. Акимовой [2014] и Ю. К. Криволаповой [2017]. Данные исследования носят междисциплинарный характер и объединяются общим термином «наука о морали» [Там же]. Центральный вопрос, который ставят перед собой исследователи – какова природа морали? Как указывает Ю. К. Криволапова, экспериментальные исследования в области нейробиологии морали позволили преодолеть «Картезианский дуализм», где мораль как рассудочная деятельность противопоставляется чувствам (эмоциям), что приводит к необходимости разработки новых концепций морали.

В этой связи интерес представляют концепции в рамках нативизма – гипотезе о врожденной моральной способности. Более подробно остановимся на концепциях Дж. Грина и Дж. Хайдта. Дж. Грин один из первых обосновывал роль эмоций в вынесении моральных суждений. Им была разработана теория двойного процесса морального суждения. Согласно данной теории, в вынесении морального суждения ключевую роль играют как эмоциональные реакции, так и когнитивные решения, которые в некоторых случаях конкурируют между собой. Эмоциональные процессы связываются с деонтологическими суждениями, а когнитивные – с утилитарными. Эксперименты с визуализацией активности мозга испытуемых при решении этических дилемм, проводимые Дж. Грином с коллегами, показали, что решения, связанные с личным нанесением вреда, сопровождаются активацией «эмоциональных участков» мозга, а решения, где вред наносился опосредованно – активацией «когнитивных участков». При этом эмоциональные процессы протекают быстро, в то время как когнитивные требуют некоторого времени. Подведя под результаты экспериментов эволюционную основу, Грин предположил, что деонтологические суждения являются эволюционно-реликтовыми, в то время как утилитарные суждения можно рассматривать в качестве эволюционных новообразований.

Несколько иной взгляд на моральное функционирование предложил Дж. Хайдт, который также признавал роль эмоций в вынесении моральных суждений. Согласно Хайдту, моральное суждение есть не что иное, как эмоциональная реакция на событие – моральная ин-

туция. Рассуждения следуют постфактум в целях ее рационализации. Источником моральной интуиции Хайдт видит не только эволюционные механизмы, но и культурное давление. Врожденная моральная способность включает в себя четыре модуля – моральные домены. На основе анализа вариативности морали в разных культурах, Хайдт выделил следующие домены, общие для всех культур.

1. Причинение вреда.
2. Отношения иерархии.
3. Взаимность, справедливость.
4. Чистота.

Данные домены представляют собой области, в отношении которых выносятся моральные суждения и устанавливаются схемы-правила. Их конкретное содержание в разных культурах дает вариативность морали.

В этой связи необходимо отметить и критиков программы натурализма, в частности работы Дж. Принца. Эмоции, пусть и врожденные, утверждает Принц, по своей сути не являются моральными, они неспецифичны для соответствующих доменов. Каждая эмоция, связанная с определенным моральным доменом, имеет и неморальные функции. Таким образом, появление доменов скорее связано с универсальными эмоциями через расширение неморальных эмоций на моральные сферы.

Итак, главными вопросами в данных направлениях исследований являются природа морального суждения и его нейробиологический механизм. Теория Хайдта объясняет культурную вариативность морали, однако вопрос о морали индивидуальной выходит за рамки данной концепции. В связи с чем возникает вопрос о специфике предмета психологии морали.

Рассматривая психологические теории морального функционирования человека, исследователи традиционно указывают, что данный вопрос получал свое объяснение в рамках трех «классических» направлений психологии: психоанализ, бихевиоризм и когнитивизм [Ким и др., 2012; Иващенко, Чхиквадзе, 2015; Илларионов, 2016]. И если в психоанализе и бихевиоризме моральное функционирование человека рассматривалось исключительно с объяснительных позиций данных теорий и не выделялось в отдельную область исследования, то в когнитивном направлении был определен предмет таких исследований – моральное суждение.

С развитием гуманистической психологии, как бы это не казалось парадоксальным, вопрос о природе морали оказался исключен из пси-

психологического поля. Мы полагаем, что это связано с декларацией безоценочного отношения к личности в рамках данного направления. Предтечей безоценочного рассмотрения личности в психологии можно рассматривать идеи Г. Олпорта, который прямо исключал этические оценки личности из исследовательского поля психологии [Хьелл, Зиглер, 2013]. Безоценочное отношение к личности в психологии сохранялось достаточно долгое время, но с развитием междисциплинарных исследований стало понятно, что безоценочность не может в полной мере описать все многообразие человеческих проявлений. Психологи стали проявлять интерес к «оцененной» личности, примером могут служить многочисленные исследования субклинических проявлений, обозначаемых как «Темная триада» (см.: [Егорова, 2014; Зайцева, Шугуров, 2016] и др.).

В отечественной психологии проблеме морали и нравственности уделялось отдельное внимание. Так, И. О. Ким с соавторами выделили два периода становления исследований нравственности: 1960–1980 гг. – элементаристский подход, 1980–1990 гг. – системный подход [Ким и др., 2012]. Данная периодизация в целом отражает развитие психологической мысли. Отечественные исследователи рассматривали такие проявления, как нравственное сознание, нравственные чувства, нравственные мотивы и т. д. В целом, моральное функционирование человека рассматривалось в контексте деятельностного подхода и структурно соответствовало общим представлениям о деятельности. Таким образом, содержательной стороной исследования выступали описания компонентов деятельности с приставкой «нравственный»: нравственный мотив, нравственный поступок, нравственные знания и т. д.

Анализируя данный подход к психологии морали, можно отметить, что, несмотря на выделение отдельного круга нравственных психологических явлений, предметная специфика психологии морали была не определена. Так, например, вопрос о том, чем нравственный мотив отличается от «обычного» мотива, не ставился. Фактически исследования в области нравственного сознания и нравственного поведения являлись не столько фундаментальными, сколько прикладными, и отвечали на вопрос о том, как воспитать нравственность.

В этой связи необходимо признать, что в определении предмета психологии морали ведущую роль сыграл Ж. Пиаже, выдвинув на эту роль моральное суждение. Под моральным суждением понимается, как правило, суждение о «правильности» и «неправильности», «хорошем» и «плохом». Истоками таких суждений служат правила со-

вместной деятельности, а у детей, чью мораль исследовал Пиаже, игры. Именно на основе правил формируется моральное сознание, как источник моральных суждений. В этом плане, выделение суждений о правилах является той демаркационной линией, которая отделяет психологию морали от других отраслей психологического знания.

Одним из первых проблемных вопросов, поднятых в области исследований индивидуальной морали и, по сути, явившихся обоснованием психологического исследования морального функционирования человека, являлся вопрос о природе индивидуальных различий в вынесении моральных суждений.

Наибольшую известность в среде отечественных исследователей и психологов получила теория Л. Кольберга. В данной теории представлен поэтапный процесс нравственного становления личности. На ранних этапах нравственного развития индивид выносит моральные суждения, основанные на страхе наказания. На наивысшем этапе моральные суждения основываются на твердых личных этических принципах [Lickona, 1976].

В этой связи интересной представляется теория этических позиций американского исследователя Д. Форсайта, который предложил рассматривать индивидуальную вариативность моральных суждений в системе координат «озабоченность благом» и «озабоченность принципами». Им был разработан опросник этических позиций, измеряющий два ортогональных фактора: «идеализм» и «релятивизм». Русскоязычная версия данного опросника, с кратким изложением теоретических основ представлена в нашей публикации [Фёдоров, Бадиев, 2018].

Сравнивая теорию этических позиций Д. Форсайта с концепцией нравственного развития Л. Кольберга, необходимо отметить ее метаэтический характер. Если периодизация нравственного развития Л. Кольберга в большей степени отражает этические позиции самого Л. Кольберга и имплицитно подразумевает предпочтительность одного способа вывода моральных суждений над другим, то в теории Д. Форсайта интуитивные этические идеологии не имеют иерархических отношений. Таксономия Д. Форсайта не позволяет говорить о предпочтительности одного способа вывода моральных суждений над другим, что свидетельствует о большей практической применимости данной теории.

Таким образом, одним из ведущих аспектов предмета психологии морали является не столько природа морального функционирования (данная область исследований по большей части относится к нейро-

биологическим наукам), сколько проблема индивидуальных различий в вынесении моральных суждений. Необходимо отметить, что и в психологическом поле исследования, и в нейробиологическом во главе угла стоит моральное суждение. При этом нейробиология в большей степени отвечает на вопрос о роли эмоциональных и когнитивных процессов в вынесении моральных суждений, а психология – на вопрос о природе и параметрах индивидуальных различий.

Необходимо отметить, что в психологических и нейробиологических исследованиях понятия «мораль», «нравственность», «этика» и их производные используются в качестве синонимичных. При этом в философских и этических традициях содержания данных понятий достаточно различны. Вероятно, что семантическая неопределенность данных понятий в исследовательской практике определяет и размытость предмета исследований. Также следует отметить и несовершенство методического инструментария, с помощью которого эмпирически операционализируется моральность – умозрительное разрешение достаточно абстрактных дилемм. В результате чего из исследовательского поля выпадает поведенческий компонент морального функционирования. Моральность трактуется не столько в качестве характеристики деятельности человека, сколько в качестве декларируемых норм. Безусловно, подобная трактовка не способна полноценно осветить все аспекты морального функционирования человека.

Список литературы

Акимова Д. С. Природа этического размышления: обзор современных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 107–118.

Егорова М. С. Темная триада // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2014. № 38 (7). С. 12.

Заикин В. А. Современные тенденции развития психологии морали: социально-психологический взгляд // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2012. № 1 (21). С. 9.

Зайцева Е. С., Шугуров М. В. Когда под маской овцы таится лев. Темная триада личностных черт в группе условно-здоровых подростков // Психология и психотехника. 2016. № 12. С. 1011–1016.

Иващенко А. В., Чхиквадзе Т. В. Проблема принятия морально-нравственного решения в зарубежной психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 12–17.

Илларионова Н. А. Понятия морали и нравственности в психологии // Интеллектуальный потенциал XXI века: Ступени познания. 2016. № 37. С. 52–56.

Ким И. О., Минияров В. М., Иванов Д. В. Понятие моральных представлений в отечественной и зарубежной психологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4 (44). С. 3.

Криволапова Ю. К. Естественные основания морали в свете современных научных исследований // Манускрипт. 2017. № 7 (81).

Фёдоров А. А., Бадиев И. В. Валидизация русскоязычной версии опросника этических позиций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 3. С. 491–509.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Изд. дом «Питер», 2013. 608 с.

Lickona T. Moral development and behavior: theory, research, and social issues / T. Lickona, Holt, Rinehart and Winston, 1976. 456 с.

Материал поступил в редколлегию 16.02.2019

I. V. Badiev

*Buryat State University
24a Smolin Str., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation*

bad_igor@mail.ru

ON THE SUBJECT MATTER OF MORAL PSYCHOLOGY

The article deals with the study of human moral functioning in the framework of neurobiological and psychological research. Presents the views of John. Green and John. Haidt about the nature of moral judgments. Studies of the neurobiological mechanism of moral judgment do not explain their individual variability. This question relates to the subject of psychological research. The psychological concepts of morality of L. Kohlberg and D. Forsythe are compared. It is argued that the concept of ethical positions of Foresight has an advantage, since it considers the individual variability of moral judgments from metaethical positions. The analysis of neurobiological and psychological approaches to morality concluded that they did not represent the behavioral component of moral functioning.

Keywords: psychology of morality, moral judgements, nativism, ethical positions, moral functioning.

References

Akimova D. S. (2014) Priroda jeticheskogo razmyshlenija: obzor sovremennyh issledovanij [Nature of ethical thinking: modern researches review] *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Serija: Filosofija*. 2. 107–118 (in Russ.)

Egorova M. S. (2014) Temnaja triada [Dark triad] *Psihologicheskie Issledovanija: Jelektronnyj Nauchnyj Zhurnal*. 38(7). 12 (in Russ.)

Fedorov A. A., Badiev I. V. (2018) Validizacija russkojazychnoj versii oprosnika jeticheskikh pozicij [Validation of the Russian-Language Version of the Ethics Position Questionnaire] *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15(3). 491–509 (in Russ.)

H'ell L., Zigler D. (2013) Teorii lichnosti. *Izdatel'skij dom "Piter"*. 608 (in Russ.)

Illarionova N. A. (2016) Ponjatija morali i npravstvennosti v psihologii [The concepts of morality and ethics in psychology] *Intellektual'nyj Potencial XXI Veka: Stupeni Poznaniya*. 37. 52–56 (in Russ.)

Ivashhenko A. V., Chhikvadze T. V. (2015) Problema prinjatija moral'no-npravstvennogo reshenija v zarubezhnoj psihologii [Problem of moral decision making in foreign psychology] *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Serija: Psihologija i Pedagogika*. 1. 12–17 (in Russ.)

Kim I. O., Minijarov V. M., Ivanov D. V. (2012) Ponjatie moral'nyh predstavlenij v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii [The concept of moral images in domestic and foreign psychology] *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (44) (3) (in Russ.)

Krivolapova Ju. K. (2017) Estestvennye osnovanija morali v svete sovremennyh nauchnyh issledovanij [Natural bases of ethics in the light of modern scientific researches] *Manuskript*. 7 (81) (in Russ.)

Lickona T. (1976) Moral development and behavior: theory, research, and social issues. *Holt, Rinehart and Winston*. 456.

Zaikin V. A. (2012) Sovremennye tendencii razvitiya psihologii morali: social'no-psihologicheskij vzgljad [Modern trends in moral psychology: a social-psychological analysis] *Psihologicheskie Issledovanija: Jelektronnyj Nauchnyj Zhurnal*. 1 (21). 9 (in Russ.)

Zajceva E. S., Shugurov M. V. (2016) Kogda pod maskoj ovcy taitsja lev. Temnaja triada lichnostnyh chert v gruppe uslovno-zdorovyh podrostkov *Psihologija i Psihotehnika*. 12. 1011–1016 (in Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадиев Игорь Валерьевич – кандидат психологических наук, педагог-психолог МБУ ДО «Центр диагностики и консультирования» (г. Улан-Удэ), старший преподаватель кафедры возрастной и педагогической психологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, доцент кафедры педагогики и психологии детства ГАУ ДПО «Бурятский республиканский институт образовательной политики, Улан-Удэ, Россия

Баум Дарья Евгеньевна – кафедра психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии ФГБОУ ВО НГМУ Минздрава России (Новосибирский государственный медицинский университет), студентка, Новосибирск, Россия

Доронина Ксения Сергеевна – старший лаборант кафедры неврологии лечебного факультета ФГБОУ ВО НГМУ Минздрава России (Новосибирский государственный медицинский университет), Новосибирск, Россия

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Злобина Марина Владимировна – ассистент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Леду Стивен Ф. (Stephen F. Ledoux) – PhD, почетный профессор университета штата Нью-Йорк (State University of New York), США

Сарычева Юлия Викторовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии ФГБОУ ВО НГМУ Минздрава России (Новосибирский государственный медицинский университет), Новосибирск, Россия

Ульман Джером Д. (Jerome D. Ullman) – Ph.D, почетный профессор университета Болл штата Индиана (Ball State University), Манси, Индиана, США

Фёдоров Александр Александрович – кандидат психологических наук, зав. кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (3–4 предложения) и ключевые слова на русском языке, а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

А. В. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanov@fp.nsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегию 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Название статьи на английском языке

Почтовый адрес на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируются в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

Смит Н. В. Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Ожиганова Г. В. История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 3. С. 5–16.

Hearnshaw L. S. A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.

Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 x 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 x 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 x 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале «Reflexio» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят *обязательное рецензирование*, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала «Reflexio»: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgap@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.